

ЧИТ.ЗАЛ

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ АН СССР

**ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ
РУССКОЙ И
СОВЕТСКОЙ
АРХЕОЛОГИИ**

МОСКВА 1991

Д 17

ЧИТ. ЗАЛ

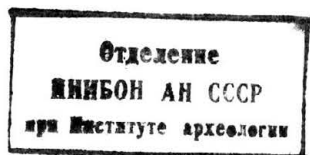
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РУССКОЙ И СОВЕТСКОЙ
АРХЕОЛОГИИ

Москва - 1991

Ответственный редактор
д.и.н. В.И.Гуляев, к.и.н. А.А.Формозов

обложку выполнила :
Н.С.Сафронова.

7172 V 20

© Институт археологии АН СССР, 1991 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

За последние годы увидели свет ряд книг и несколько десятков статей, посвященных истории отечественной археологии. Книги, где рассматривается эта тема, вышли в Москве и Воронеже, в Киеве и Минске, в Новосибирске и Кемерове. Защищено несколько кандидатских и даже докторская диссертация по истории археологии. С чем же связан такой неожиданно возникший интерес к теме, казавшейся совсем недавно абсолютно ненужной (ведь работы археологов устаревают удивительно быстро, на памяти одного поколения)?

Во-первых, пришло время подвести определенные итоги тому, что сделано исследователями древностей нашей страны за два с половиной — три столетия. Встал вопрос о создании полного каталога, свода памятников истории и культуры СССР. Для этого надо учесть все старые публикации и архивные данные. Любые раскопки разрушают памятник, так что информация о них, пусть неполная и несовершенная, сохраняет ценность навсегда.

Во-вторых, ученые, работающие в самых разных областях науки, осознали, какую роль играет личность исследователя в достигнутых им результатах. Информация о проведенных работах, а тем паче обобщающий труд всегда несут на себе печать личности автора. Поэтому надо знать не только факты, добытые нашими предшественниками, но и то, как смотрели они на свое дело, какими идеями вдохновлялись, чьи влияния испытывали.

Институт археологии Академии Наук СССР, как головное научное учреждение страны в данной области, должен координировать работу и по истории археологии. Далеко не все из того, что напечатано по этой теме, может нас удовлетворить. Часто авторы ограничиваются простым пересказом старых работ, без их анализа в широком историко-культурном контексте, повторяют давние ошибки, не утруждая себя проверкой имен, дат, фактов, тем более поисками в архивах.

М.А.Дэвлет^I убедительно показала низкий уровень работы Ю.Г.Белокобыльского по истории сибирской археологии, работы, успешно защищенной в Сибирском отделении Академии Наук

СССР в качестве кандидатской диссертации и сразу же опубликованной в Новосибирске отдельной книгой².

В данном — первом, но, надеемся, не последнем — сборнике статей по истории отечественной археологии участвуют авторы, живущие в разных городах, работающие в учреждениях разного профиля. Это и профессиональные археологи, и историк, философ, музейные и архивные работники. Для большинства публикаций характерна одна особенность. Они написаны с использованием архивных источников. Привлечены материалы, хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов, Центральном государственном историческом архиве, Архиве Академии Наук СССР, Центральном военно-историческом архиве, Архиве военно-морского флота СССР, отделах рукописей государственных публичных библиотек им. В.И.Ленина и М.Е.Салтыкова-Щедрина, архивов Кировской, Курской, Одесской, Саратовской и Смоленской областей, архива в г.Энгельсе, архива Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, архивах Одесского археологического музея, музеев Мурома и г.Энгельса, Отдела письменных источников Государственного исторического музея.

Использование материалов из полутора десятков архивохранилищ придает собранным здесь статьям особую ценность и свежесть.

Хронологический охват сборника широк, от 1803 г. до середины XX в. Он открывается статьей сотрудника Архива Академии Наук СССР в Ленинграде И.В.Тункиной о первом музее древностей в Северном Причерноморье, музее, созданном в 1803 г. по инициативе адмирала И.И.Траверсе. Сведения, тщательно собранные в архивах и редких старых изданиях, позволяют представить себе и состав коллекций музея, и роль в его пополнении военных моряков — представителей этапа дворянского дилетантизма в развитии русской археологии.

Статья кандидата философских наук С.П.Шавелева (Курск) посвящена Д.Я.Самоковасову. О нем в последнее время как-то забыли. Используя широкий круг источников, в том числе архивные данные и редкие варшавские издания, С.П.Шавелев показал, что в лице Самоковасова русская наука имела не только удачливого раскопщика, но и ученого с определенными теоретическими и методическими установками.

Статья об уральском археологе М.В.Малахове воскрешает почти забытое имя человека из поколения разночинцев-просветителей, сумевшего за очень короткую жизнь не просто выявить много археологических памятников на Урале, но и создать в 1880-х гг. их первую периодизацию.

В очерке сотрудницы Муромского историко-художественного музея Т.Б.Купряшиной охарактеризовано то, что осталось от имени А.С. и П.С.Уваровых Карачарово под Муромом. Оттуда в городской музей были перевезены картины и мебель, книги и бумаги. Рассказ о них, на первый взгляд, кажется далеким от интересов археолога. Но несомненно настанет пора, когда будут написаны подробные биографии Уваровых, как написаны уже биографии И.Е.Забелина и Б.В.Фармаковского. Тогда будет очень важно живо представить себе всю обстановку, в которой проходила жизнь археологов, их родственные связи, круг знакомств и т.д. Без того, что выявлено Т.Б.Купряшиной и ее товарищами в Муромском музее, это будет невозможно. Хотелось бы подчеркнуть, что публикация Т.Б.Купряшиной свидетельствует о важном явлении: большая культурная работа ведется в нашей стране не только в столицах республик и областных центрах, но и в сравнительно небольших районных центрах, к числу которых принадлежит и старинный русский город Муром.

В статье историка В.А.Бердинских из Кирова рассмотрено начало пути А.А.Спицина. Материалы архивов и вятской периодики прошлого века позволяют понять, как формировался наш выдающийся ученый. Я совершенно согласен с В.А.Бердинских, что Спицин стал археологом не в Петербургском университете, где тогда соответствующие курсы не читались, а на родине - в Вятке. Но, как мне кажется, автор статьи все же недооценивает эту местную подоснову. В Вятском крае распространены художественные изделия из бронзы ананьинского и пъяноборского времени. Они привлекали внимание коллекционеров с давнего времени. В статье упомянутого выше М.В.Малахова об экспедиции в Вятский край в 1881 г. перечислены несколько таких коллекционеров - врач, священник, купец и т.д.³ Интересна анонимная статья 1844 г. в "Журнале Министерства внутренних дел" о древностях Вятской губернии, с перечислением двух десятков памятников⁴. Так что еще до возникновения Вятского губернского статистического комитета в юго-западном Приура-

лье начиналось познание местных древностей.

Статья сотрудницы отдела письменных источников Государственного исторического музея Н.Б.Стрижовой посвящена Московскому археологическому институту. Традиционно принято говорить, что там готовили преимущественно архивистов, а серьезное преподавание археологии началось лишь после революции с созданием отделений археологии на факультетах общественных наук Московского и Петроградского университетов⁵. Суммированные Н.Б.Стрижовой архивные данные и публикуемые ею в приложении интересные записи из фонда В.А.Городцова убедительно опровергают эту точку зрения. Уже в Московском археологическом институте благодаря усилиям В.А.Городцова и ряда его коллег велись и полевая археологическая практика, и занятия в фондах Российского исторического музея, читались серьезные лекционные курсы.

Судьба одного из выпускников Московского археологического института — Е.Н.Клетновой — прослежена в статье сотрудника Института археологии АН СССР Л.В.Алексеева. Начав археологические исследования еще до революции, Е.Н.Клетнова стала первым профессором археологии в организованном после Октября Смоленском университете, но затем, не найдя общего языка с руководством ГАИМК'а, покинула нашу страну. Интересны публикуемые в статье письма А.А.Спицына, показывающие, с какой требовательностью относился он, как сотрудник Археологической комиссии, к поступающим туда отчетам о раскопках.

В статье сотрудницы Краеведческого музея г. Энгельса Саратовской обл. И.В.Семеновской и сотрудника Института археологии АН СССР А.А.Мальшева идет речь об археологической деятельности музея г. Покровска (ныне г. Энгельс) в 1920-х гг., связанной прежде всего с именем П.Д.Рау. Он выделил полтавскую культуру эпохи бронзы, создал периодизацию сарматских погребений Нижнего Поволжья и классификацию бронзовых наконечников стрел скифского времени. В условиях сталинского террора в 1930 г. П.Д.Рау покончил с собой. О нем, о его заслугах перед наукой предпочитали не говорить. Сейчас, когда возрождаются умышленно забытые имена, когда возник интерес к вкладу в развитие отечественной культуры немцев, переселившихся в Россию в XVIII веке, статья И.В.Семеновской и В.А.Мальшева звучит достаточно актуально. Она показывает, как много мо-

жет сделать один человек в обстановке доброжелательности и поддержки (1920-е гг.), и как легко на долгие десятилетия прервать плодотворную работу, поставив себе целью все унифицировать, подавить яркое и незаурядное.

Напомнить об этом тем более нужно, что уже в вышедших в 1980-х гг. книгах по истории советской археологии нарисована совершенно ложная картина развития советского краеведения. Как известно, оно пережило бурный расцвет в 1920-е гг., когда возникло 1533 краеведческих общества и музея⁶ и прекратило свое существование на грани 1920-х и 1930-х гг. В.Ф.Генинг⁷ и А.Д.Пряхин⁸ уверяют нас, что к этому моменту краеведы убедились в полной бесполезности своей работы и самораспустили свои общества. В действительности же общества были закрыты приказом свыше, и большинство краеведов репрессировано. На примере музея г. Энгельса это и продемонстрировано И.В.Семеново́й и А.А.Малышевым.

О краеведении говорится и в статье старейшего советского археолога главного научного сотрудника Института истории АН УзССР доктора исторических наук Б.В.Лунина. Он рассказывает об археологах Ростова на Дону в 1920-х гг., опираясь как на их публикации, так и на личные воспоминания. Это придает очерку особую ценность.

Таково содержание первого историографического сборника Института археологии Академии Наук СССР. Как видим, здесь затронуты разные периоды истории, памятники разных эпох и культур, разные территории. Надеемся, что вошедшие в сборник материалы окажутся небесполезными и для тех археологов, кто посвятил себя изучению древностей нашей страны сегодня, и для тех, кто будет работать в этой области после нас.

А.А.Формозов

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Давлет М.А. А.Т.Савенков как исследователь петроглифов Енисея // СА, 1989, № 3. С.241,242.
2. Белокосыльский Ю.Г. Бронзовый и ранний железный век Западной Сибири. История идей и исследований XVIII - первой половины XX в. Новосибирск, 1986.
3. Малахов М.В. К антропологии Вятского края // Известия РГО, 1882. Т.ХVII. Вып.4. С.199-226.
4. Древности губернии Вятской // Журнал Министерства внутренних дел. 1844. Ч.У. С.511-516.
5. Арциховский А.В. Преподавание археологии // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР, 1949. Вып.ХХIX. С.113.
6. Святский Д. К созыву III Всесоюзной конференции по краеведению // Известия Центрального бюро краеведения, 1927, № 8. С.266.
7. Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии. Киев, 1982. С.47.
8. Прякин А.Д. История советской археологии. Воронеж, 1986. С.23.

КАБИНЕТ РЕДКОСТЕЙ ЧЕРНОМОРСКОГО ДЕПО КАРТ

В литературе отмечалось, что первым государственным археологическим музеем в Северном Причерноморье был Кабинет редкостей Черноморского депо карт в Николаеве¹. Однако почти во всех публикациях, так или иначе затрагивающих историю археологических исследований в этом регионе, названы неверные даты создания музея — 1806² или 1809 г.³

Депо карт в Николаеве было образовано в 1803 г. из временной Чертежной при Черноморском правлении главным командиром Черноморского флота и портов (1802–1809) И.И.Траверсе, для производства морской съемки в Черном и Азовском морях⁴. Сотрудники депо занимались составлением гидрографических карт, метеорологическими наблюдениями, составлением планов и чертежей кораблей и зданий, принадлежащих морскому ведомству, хранением инструментов и моделей, вопросами истории Черноморского флота. Первоначально 1000, а позднее 3000 рублей ежегодно отпускалось на покупку книг, инструментов, редкостей и другие расходы⁵.

Черноморскому флоту принадлежали земли во многих местах Северного Причерноморья, в том числе в районах Николаева, Херсона, Севастополя и Керчи. При проведении хозяйственных, строительных и фортификационных работ моряки постоянно сталкивались с материальными остатками прошлого. Многие офицеры, большинство из которых получило прекрасное образование, понимали важность сохранения "антиков", необходимость их охраны, коллекционирования и изучения.

Инициатором создания Кабинета редкостей при депо был адмирал маркиз Иван Иванович Траверсе (1754–1831), французский офицер-роялист, перешедший на русскую службу в 1791 г. Его деятельность на посту главного командира Черноморского флота большинством историков оценивается как неудачная. И.П.Белавенец, характеризуя личность адмирала, подчеркивал мягкость характера, любезность, вкрадчивый ум и безукоризненное французское обращение, высоко ценимое тогдашним высшим обществом.⁶ Эти черты приобрели И.И.Траверсе симпатии, имевшие большое влияние на его служебную карьеру — в 1808 г. ему поручили

управление морским министерством, затем он стал морским министром России (1811-1828), членом Государственного Совета⁷. В 1805 г. командующий Черноморским флотом получил звание "Николаевский и Севастопольский губернатор" - в руках И.И. Траверсе сосредотачивалась вся военная и гражданская власть в этих городах⁸.

Однако в дореволюционной литературе о И.И.Траверсе было высказано и иное мнение. Один из историков г. Николаева писал, что "просвещенный и любимый государем деятель" имел несомненный авторитет среди жителей города, т.к. "постоянно словом и делом поднимал в обществе нравственные его силы, втягивал людей в заботу об общих интересах"⁹. Очевидно, что историки науки обязаны объективно осветить роль адмирала в организации охраны памятников Северного Причерноморья, т.к. здесь его заслуги бесспорны.

Командование Черноморского флота обратилось к морякам, чиновникам и частным лицам с просьбой содействовать пополнению Черноморского депо карт "разными предметами по части искусств, точных наук, древностей и прочего", открыло всем желающим вход в Библиотеку и кабинеты депо с целью "распространения... познаний"¹⁰. Число экспонатов Кабинета редкостей увеличивалось большей частью благодаря случайным находкам и пожертвованиям моряков. Наряду с картами, планами городов, чертежами и моделями кораблей, коллекциями минералов, раковин, окаменелостей, чучел животных, экспонатами этнографического характера, в депо стекались камни с античными надписями, скульптура, монеты, керамика. "Антики" привозили не только из районов Северного Причерноморья - Тирь, Ольвии, Херсонеса, Пантикалея, Тамани, Анапы, но и собственно из Греции, прежде всего с островов Архипелага.

В описях Кабинета редкостей иногда указывались фамилии лиц, пожертвовавших вещи, и дата их поступления: адмирал И.И.Траверсе (1804, монеты), жена генерал-майора Гаксова (1804, древняя "медаль, изображающая Венеру, выходящую из морской пены", медное изображение Богоматери, "изображение на апсиде человеческих фигур с греческой надписью", вероятно, из Херсонеса), контр-адмирала главного командира Черноморского флота (1805, маленькая глиняная ваза из Ольвии, медные дощечки с египетскими иероглифами, два древнерусских серебряных

кубка), трапезундский консул Пантового (резная гемма из ониса), капитан 4-го морского полка Канторин (1807, железные латы из Пантикапея), действительный статский советник Г.В. Орлов (1809, монеты) и т.д.¹¹

В "Ведомости общей находящимся при депо Черноморского флота...вещам" (1806) "разные древности" перечислены вместе с раковинами и окаменелостями в количестве 595 штук. К сожалению, из этого документа невозможно понять, какие именно памятники и откуда вошли в опись. Коллекция древних и новых золотых, серебряных и медных монет уже тогда состояла из 225 экземпляров¹².

Кабинет редкостей Черноморского депо карт не был единственным собранием археологических памятников в учреждениях Черноморского флота. Известный антикварий академик Е.Е.Кёлер, посетивший Николаев во время первой поездки в Новороссию (1804), видел в коридоре Штурманского училища шесть античных мраморов с барельефами и надписями. Он просил И.И. Траверсе отправить памятники президенту Академии художеств графу А.С.Строганову¹³. Штурманское училище было учреждено в Николаеве в 1798 г. с целью подготовки для службы в Черноморском флоте штурманских офицеров и кондукторов из детей дворян¹⁴. "Антики", как и другие "курьезные вещи", служили украшением училища, а может быть, рассматривались и как учебный материал.

По указанию Е.Е.Кёлера, казаки из Ахтиара (Севастополя) отправили в Николаев античный мрамор, который И.И.Траверсе намеревался подарить императору Александру I. Эффектная находка, несомненно, должна была понравиться царю и засвидетельствовать служебное рвение маркиза. Судя по архивным документам, адмирал всячески сопособствовал успеху поездки Е.Е.Кёлера 1804 г. по Северному Причерноморью. В благодарность за внимание к своим трудам ученый прислал И.И. Траверсе "Диссертацию о памятнике царицы Комосарии"¹⁵ в двух экземплярах, причем один из них настоятельно просил передать в Библиотеку Черноморского депо карт.

Е.Е.Кёлер был поражен варварским отношением местных властей к археологическим памятникам и поделился своим возмущением с попечителем Харьковского учебного округа графом С.О.Потоцким, который в 1806 г. добился права сбора, хране-

ния и изучения древностей в музее Харьковского университета¹⁶. Узнав об этом, И.И.Траверсе добился такой же льготы для Кабинета редкостей Черноморского депо карт, подав в августе 1809 г. соответствующий рапорт министру русских сил П.В.Чичагову. Публикуем текст этого интереснейшего документа.

"В Тамани находится много древностей в камнях с греческими и другими надписями. Мне давно уже обещал Херсонский военный губернатор господин генерал-лейтенант джю де Ришелье отдать таковые камни для Черноморского депо, но теперь оказывается, что по высочайшему повелению запрещается собирать кому-либо из частных людей оные по Новороссийскому краю^х, а монументы и греческие надписи отысканные и впредь отыскиваемые предоставлены Харьковскому университету. Как Черноморское депо есть также государственное [учреждение], и кроме морского департамента нет другому месту удобства получать из Крыма и Тамани таковые камни по огромности и тяжести их без важных издержек, то и останутся оные надолго бесполезными, и могут быть растеряны: ибо Харьковский университет, имея высочайшее позволение еще с 1806 года не приступал не только к забратию, но и к отысканию во многих местах оказывающихся. Я осмеливаюсь в сем случае прибегнуть к Вашему высокопревосходительству с покорнейшею просьбою, и ежели удостоить оную благосклонным уважением вашим, то надеюсь показать значительную пользу чрез отыскание в Крыму и на Тамани древностей и доставлю оные без издержек для казны на судах в николаевское депо, откуда можно будет и университету с греческих надписей извлекать полезное для истории здешнего края^в.

Александр I утвердил предложения И.И.Траверсе и П.В.Чичагова. По всей Новороссии немедленно были разосланы циркуляры с приказом "все помянутые древности доставить в Керчь и Севастополь или к другим черноморским портам по удобности, а оттоль на судах в Николаев, где состоит морское депо"¹⁹.

Став морским министром, И.И.Траверсе в 1811 г. распорядился проводить ежегодные контрольные проверки фондов депо

^х Имеется в виду распоряжение по министерству внутренних дел, утвержденное Александром I по докладу Е.Е.Кёлера, "об ограждении от разрушения древностей Тавриды" 1805 г.¹⁷

специальным чиновником с целью "обеспечения целостности всех вещей" и обязательным представлением сведений в Петербург²⁰.

К сожалению, нам неизвестны данные о состоянии Черноморского депо карт во время командования Черноморским флотом вице-адмирала Н.Л.Языкова (1809-1816). Вероятно, он вообще не уделял внимания развитию и пополнению коллекции древностей - документы об этом умалчивают.

Преемником Языкова на этом посту (с 1816 г. по 1833 г.) стал Алексей Самуилович Грейг (1775-1845). Историк русского флота П.И.Белавенец справедливо сказал о нем: "...Англичанин [вернее, шотландец - И.Т.] родом, но по пользе, принесенной России и русскому флоту, более русский, чем многие россияне"²¹.

Энциклопедически образованный человек, почетный член Петербургской Академии наук (1822), А.С.Грейг начал энергичную деятельность по совершенствованию Черноморского флота, русского кораблестроения, развитию отечественной науки и техники²². В отчете о своей деятельности за первые 12 лет пребывания на посту главного командира А.С.Грейг указывает 246 различных мероприятий по улучшению флота и его учреждений, в том числе по охране археологических памятников²³. Так, в 1823 г. по его инициативе мичман А.С.Федорович был послан в Керчь для "описи Митридатовой гробницы" (вероятно, Золотого кургана)²⁴. Узнав, что древний обработанный камень с городища Херсонеса используется местными жителями в качестве готового строительного материала, А.С.Грейг предписал флотскому начальнику в Севастополе контр-адмиралу Ф.Т.Быченскому принять меры к охране древностей и "учредить около места того особенные обходы, поручив оные команде карантинной бригады, вблизи развалин тех состоящей"²⁵.

В 1825 г. у адмирала возникла мысль о сооружении в Херсонесе памятника в честь крещения князя Владимира и открытия общенародной подписки на его строительство²⁶. Для того, чтобы установить точно место крещения, А.С.Грейг обратился к известному знатоку крымских древностей И.М.Муравьеву-Апостолу, но, как и следовало ожидать, вразумительного ответа не получил. Кондуктору Кузнецову было поручено составить план городища (на нем отмечено место предполагаемого строительства), а плантеру Карлу Крузе - провести раскопки с целью поиска

фундамента легендарного храма²⁷. Все находимые при раскопках К.Крузе древности немедленно доставлялись в николаевский Кабинет редкостей. Другим источником пополнения собрания стала покупка вещей у местных жителей. В документах зафиксировано имя кузнечного мастера Иванова, продавшего в депо барельеф с изображением овна и капитель из Херсонеса (1824)²⁸.

Растущая коллекция требовала укрепления штата сотрудников. В июне 1823 г. по приказу А.С.Грейга депо было укомплектовано постоянными чиновниками. "Мера сия, отвратив неудобства, соединенные с отвлечением людей сих от настоящих команд, дала способы довести оные до степени настоящего совершенства", - писал адмирал в отчете императору²⁹. При Кабинете редкостей и Библиотеке депо состояли один содержатель (физико-математических дел мастер И.Свешников), 2 вахтера и 4 сторожа³⁰. Обслуживающий персонал депо был весьма далек от научных интересов и вряд ли сознавал ценность хранимых им памятников. И.А.Стемпковский с возмущением писал П.И.Кеппелю: "В Николаеве нашел я одну надпись греческую, привезенную с острова Березани, где был храм, Ахиллу посвященный: на ней, в передней, люди точили ножи!!! Больно видеть такое варварство в наш век, называющийся просвещенным; а еще больнее видеть и не иметь средств к отвращению сего вандализма. Правительство должно бы было наконец взять меры к сохранению остающегося, иметь в здешнем крае людей, коим бы поручено было соединять в одно место и оберегать находимые памятники: для сего кажется не нужно было бы и больших издержек"³¹.

В целях объединения коллекций редкостей, находящихся в разных учреждениях Черноморского флота, А.С.Грейг приказал слить собрание библиотеки Штурманского училища и Черноморского депо карт на базе депо, что и было сделано в 1825 г.³²

В том же году управляющим Черноморского депо карт стал Николай Михайлович Кумани (1796-1869), находившийся на этом посту в течение 30 лет³³. По словам современников, Н.М.Кумани происходил из "греческой архонтской фамилии", принадлежал "к образованнейшему классу офицеров Черноморского флота и... в главных европейских языках был совершенный лингвист"³⁴. П.П.Свиньин, посетивший Николаев в 1825 г. и довольно подробно описавший коллекцию древностей депо, не преминул отметить, что его управляющий успешно занимался

археологическими и историческими изысканиями³⁵.

Сохранились письма Н.М.Кумани к П.П.Свиньину, в которых управляющий депо обещает отправить издателю "Отечественных записок" сведения об островах Фидониси и Березань, с мыса Айя в Крыму, просит пополнить библиотеку новыми историческими сочинениями, для покупки которых было выслано 500 руб (в том числе изданием Страбона на французском языке), а также способствовать росту коллекции древностей. "Не встретите ли чего-нибудь любопытного, могущего украсить наше депо, — в таком случае прошу наубедительнейше, при извещении за какую цену и каким образом можно приобрести ту вещь, взять на себя доставление оной к нам. Извините великодушно за наносимое беспокойство, желание как можно скорее приумножить предметы, в депо хранящиеся, заставляют меня, нарушив некоторым образом учтивость, утруждать вас так много. Впрочем лестное знакомство ваше подает мне смелость надеяться, что вам не противно будет, если я воспользовавшись оным, потщусь обратиться ваше расположение и на пользу вверенного мне заведения, ибо твердо уверен, что в глазах отечественного нашего мецената^{ЖЖ} всё, относящееся к обогащению человеческих сведений, имеет цену и удостоится его внимания", — писал Н.М.Кумани 27 декабря 1825 г.³⁶

В среде офицеров флота Н.М.Кумани не был одинок в своих археологических пристрастиях. К тому времени уже появилась группа любителей-археологов, занимавшихся раскопками, описанием и коллекционированием древностей. Среди них можно назвать Николая Дмитриевича Критского, грека по национальности, военного гидрографа, дослужившегося до контр-адмирала³⁷. В 1823–1824 гг. капитан-лейтенант Н.Д.Критский провел раскопки и описал археологические остатки на островах Фидониси, Березань, Тендра. В раскопках святилища Ахилла на Тендровской косе участвовал и мичман Константин Михайлович Навроцкий³⁸. Древностями Пантикапея заинтересовался капитан-лейтенант Николай Юрьевич Патаниоти, раскопавший близ Керчи курган (1820–1821), вошедший в литературу под его именем. К тому же кругу принадлежал и Карл Крузе, один из первых исследователей памятников Херсонеса и Гераклеяского полуострова.^{ЖЖ} Имеется ввиду главный командир Черноморского флота и портов А.С.Грейг

Все эти офицеры являлись поставщиками экспонатов для коллекции Кабинета редкостей Черноморского депо карт в Николаеве.

В феврале 1825 г. отставной феодосийский градоначальник и основатель местного музея С.М.Броневский от имени Общества истории и древностей российских при Московском университете обратился к А.С.Грейгу с просьбой представить в Москву точные сведения о николаевском кабинете, а именно: "краткое историческое показание о учреждении николаевского музея", "валовую опись всех достопамятностей", выполнить несколько рисунков "с самых лучших вещей, заслуживающих особенного внимания", снабдив их краткими объяснениями и примечаниями. Эти данные ОИДР собиралось поместить в своих "Трудах и записках". А.С.Грейг с готовностью откликнулся на пожелание общества и поручил управляющему депо сделать описание собрания³⁹. Оно было составлено Н.М.Кумани и в мае 1826 г. вместе с рисунками представлено обществу. В сопроводительном письме Николай Михайлович писал: "Вменяю себе в особую честь, если общество почтет меня требованием каких-либо объяснений, буде посылаемое описание окажется неудовлетворительным в каком-либо отношении, а также если позволит на будущее время сообщать о предметах археологии и о прочем достойном внимания, в депо поступить имеющим... Нельзя ожидать на будущее время, чтобы наш музеум обогатился значительно по части древностей, учрежденные два таковые же в Керчи и Одессе вероятно присвоят себе всё, что найдется редкое, в особенности Керченский, устроенный при самом источнике, откуда беспрестанно извергаются сокровища древней Пантикапей... Но сие лишение несколько нас огорчать не должно. Нам предстоит обширное поприще по части наук и изобретений, относящихся до мореплавания, которые и должны составлять главнейшую цель депо карт, и если она будет достигнута, то и сие заведение обратит на себя не меньшее внимание"⁴⁰.

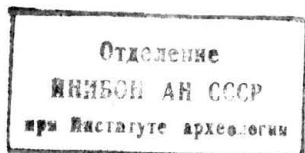
Описание Н.М.Кумани было заслушано на заседании ОИДР 27 октября 1826 г. Общество поручило соревнователю А.Н.Афанасьеву выполнить гравюры шести прилагавшихся рисунков мраморов и надписей. Ровно через год председатель А.А.Писарев показал сочленам "образчик выгравированного... рисунка, представляющего древнего витязя, из собрания достопамятностей николаевского музея"⁴¹, но в то время по неизвестным причи-

нам работа Н.М.Кумани издана не была.

В 1835 г. Николаев посетил начальник Главного морского штаба князь А.С.Меншиков. По его приказу редкости, хранившиеся в Черноморском гидрографическом депо (так с 1832 г. стало называться депо карт), должны были быть переданы в Рижский лицей, Одесский городской музей древностей, Керченский музей и Черноморскую штурманскую роту⁴². Узнав об этом, к новому главному командиру Черноморского флота и портов Михаилу Петровичу Лазареву обратились директор училищ Херсонской губернии и инспектор Херсонского училища торгового мореплавания с просьбой выделить некоторую часть экспонатов для своих учебных заведений. Ходатайства были поддержаны. В марте 1835 г. в Херсонскую гимназию передали в общей сложности 525 экспонатов, главным образом естественнонаучного характера, и собрание античных монет (67 экз. из 1-й, 2-й, 3-й коллекций депо, вероятнее всего, найденных на Тендровской косе в 1824 г.), а также 5 монет "казанских татар"⁴³.

В 1837 г. в Черноморскую штурманскую роту (ранее - Штурманское училище) были возвращены редкости, которые по приказу А.С.Грейга в 1825 г. переместили из училища в депо карт. Среди них оказались мраморные статуи, бюсты, надгробия, лапидарные памятники (II экз.), "глиняная урна" и 4 сосуда из Ольвии⁴⁴. Была создана специальная комиссия для "освидетельствования и уничтожения попортившихся экспонатов". В нее вошли инспектор штурманов Черноморского флота генерал-майор М.Б.Берх, занимавший до Н.М.Кумани должность управляющего депо карт, полковник Н.М.Кумани и три чиновника штурманской роты. Комиссия составила три ведомости раковин, кораллов, минералов, монет, медалей, моделей, картин и др.⁴⁵

В первой ведомости перечислены редкости, принятые в кабинет Черноморской штурманской роты из библиотеки гидрографического депо. Среди них три коллекции античных монет (третья - "купленная у флота лейтенанта Навроцкого, а им найденная в разрытом кургане на острове Тендре в 1824 г.") - всего 420 экз.; различные монетные типы от эпохи античности до нового времени, подаренные или приобретенные у частных лиц; геммы, керамические и металлические сосуды, оружие, христианские древности из Херсонеса, статуи, барельефы и камни с надписями, архитектурные детали (33 экз.), "изделия диких на-

родов", минералы, растения, модели и картины. Среди мест находок древностей указаны острова Березань, Фидониси, Тендра, города Ольвия, Херсонес, Тира, Пантикапей, мыс Таклы, Днепровский лиман, Афины, Греция⁴⁶.

Во второй ведомости перечислены редкости, признанные "не стоящими того, чтобы быть в Кабинете редкостей при Штурманской роте". К сожалению, все они погибли для науки. Это разные камни (4 экз.), глиняные сосуды (4 экз.), водопроводная труба из Ольвии (резолуция - "разбиты, выбросить"); мраморный обломок с греческой надписью, "из коей можно разобрать Семен Гока, найденный на о. Фидонисий, доставлен капитан-лейтенантом Критским в 1823 г."; обломки керамики с граффити, найденные в Керчи у подножия горы Митридат капитан-лейтенантом Патаниони (2 экз.) (резолуция - "разбиты и надписей совсем не видно, а потому выбросить")⁴⁷. Сорок пять живописных полотен из коллекции депо были проданы с публичного торга - за них выручили 117 руб⁴⁸.

Никаких сведений о том, были ли переданы коллекции депо в Керченский музей, Рихельевский лицей и Одесский городской музей древностей, мне обнаружить не удалось. Осталось неясным, был ли выполнен приказ А.С.Меншикова.

Коллекцию редкостей переместили в Черноморскую штурманскую роту, как "не принадлежащую к прямым занятиям депо". Однако условия хранения экспонатов из-за этого ухудшились. За ними присматривал только содержатель ротной библиотеки Сапунов, внештатный сотрудник, не получавший "никакого за труды довольствия". Сапунов добился отмены ежегодных ревизий наличия вещей и составления единой описи "за шнуром и печатью"⁴⁹. О каком-либо научном изучении памятников в те годы не могло быть и речи.

В 1839 г. было создано Одесское общество истории и древностей, которое в соответствии с уставом было призвано "собирать, описывать, хранить все остатки древностей, открывающиеся в Южной России, или имеющие к оной отношение"⁵⁰. Уже на заседании 24 октября 1839 г. благодаря пожертвованиям членов-основателей ООИД был создан музей общества, получивший собственное помещение в 1840 г.⁵¹ Фактическим руководителем музея стал секретарь ООИД Николай Никифорович Мурзакевич (1806-1883).

27 января 1840 г. Н.Н.Мурзакевич подал почетному президенту общества Новороссийскому генерал-губернатору М.С.Воронцову записку о монетах и древних мраморах, находящихся в Черноморской штурманской роты в Николаеве, в которой предлагал "исходатайствовать" их для музея ООИД, т.к. "монеты оберегаются внимательно, но статуи и камни с древними надписями, не имея приличного и удобного помещения, от воздушных перемен сильно страдают"⁵². М.С.Воронцов, в свою очередь, обратился к командиру Черноморского флота М.П.Лазареву о передаче памятников в музей общества "для пользы наук и сбережения самих древностей" и получил благожелательный ответ⁵³.

С помощью Н.М.Кумани, избранного действительным членом ООИД, в 1840-1843 гг. в музей общества поступило 36 "статуй, барельефов и камней с древними надписями"⁵⁴. Правда, на одном из писем начальника Черноморского гидрографического депо в ООИД с приложением ведомости отправляемым древностям сохранилась карандашная помета Н.Н.Мурзакевича: "Все ли получено?.. Камни присланы без номеров, все перемешано в кучу"⁵⁵.

В 1846 г. общество просило М.П.Лазарева о передаче древних монет: "Монеты сии с большей пользой для ученых и любознательных лиц могут находиться в обществе, которое им непременно составит подробный ученый каталог, в копии могущий храниться при делах Штурманской роты"⁵⁶.

По распоряжению управляющего Черноморской штурманской ротой генерал-майора Ф.М.Шмелева была создана комиссия из 5 человек офицеров и чиновников, служивших в этом учебном заведении, для рассмотрения вопроса - "какие монеты, из хранящихся в ротном кабинете, не нужны для роты... и какие можно передать в Одесское общество истории и древностей". Всего было передано 489 античных монет - три коллекции и "разные древние монеты, найденные в развалинах города" (Херсонеса? - И.Т.)⁵⁷

Таким образом, за 1840-1846 гг. в музей ООИД поступило все античное собрание Кабинета редкостей Черноморского депо карт - Черноморской штурманской роты. Оно стало ядром, важнейшей составной частью музея общества. В штурманской роты, как свидетельствуют документы, остались собрания русских и западноевропейских монет нового времени. В 1859 г. управляющий ротой генерал-майор М.П.Манганари сообщил членам ООИД,

что из ящиков, где хранились золотые и серебряные монеты и медали, было украдено 109 экспонатов, и просил поставить его в известность, если эти вещи будут предлагать "в продажу" музею общества⁵⁸. Древности, переданные в учебные заведения Херсона, по всей видимости, попали в местный музей.

Кабинет редкостей Черноморского депо карт, а позднее Черноморской штурманской роты в Николаеве за более чем сорокалетний период своего самостоятельного существования составил довольно значительную коллекцию античных памятников, в том числе нумизматических, лапидарных, археологических. Однако морской музей, с момента основания являвшийся вспомогательным подразделением одного из учреждений Черноморского флота, не имел строгой системы формирования собраний. Несмотря на усилия И.И.Траверсе и А.С.Грейга хоть как-то упорядочить подбор экспонатов, пополнение коллекций происходило большей частью по воле случая. Для военных моряков сбор, а тем более научное изучение археологических памятников было, скорее, интересным увлечением или попутным занятием, чем серьезным делом. Собрание Кабинета редкостей носило традиционный для русских музеев XVIII – начала XIX вв. "кунсткамерный" характер – естественнонаучные редкости здесь соседствовали с "антиками". Однако сам факт появления николаевского собрания свидетельствует о распространении любительских археологических изысканий в среде офицеров флота, проявление интереса у определенной части местных жителей Новороссии к прошлому своего "классического" края.

К сожалению, специалисты (Е.Е.Кёлер, И.А.Стемшковский, И.П.Бларамберг, П.И.Кёппен) не имели непосредственного влияния на формирование музейных фондов. Николаев не являлся центром сосредоточения сил археологов, таким как Одесса и Керчь.

Создание Одесского и Керченского археологических музеев существенно повлияло на возможности комплектования Кабинета редкостей новыми экспонатами. Еще в 1825 г. Новороссийский генерал-губернатор М.С.Воронцов в одном из писем к А.С.Грейгу выразил надежду, что "со временем сии три музея будут один другому помогать выменом таких вещей, коих в одном из которых-нибудь не будет"⁵⁹, но его пожелание не было претворено в жизнь. В результате в последние 15 лет своего самостоя-

тельного существования николаевское собрание фактически не пополнялось и постепенно пришло в упадок.

Передача античных коллекций Кабинета редкостей Одесскому обществу истории и древностей явилась объективно необходимым и вполне оправданным шагом. Разнообразие фондов противоречиво узковедомственной направленности флотских учреждений, при которых находилось собрание, фактически лишало специалистов возможности изучения и публикации памятников. Как справедливо отметил А.М.Разгон, при самостоятельном существовании небольших однотипных музеев расплывались и без того скромные материальные ресурсы, создавалась даже угроза гибели ценных памятников⁶⁰. Но мы должны быть благодарны офицерам Черноморского флота, основавшим первый государственный музей в Новороссии, который позволил сохранить от уничтожения значительное число археологических памятников Северного Причерноморья.

В Одесском археологическом музее АН УССР хранится (инв. № 83180) альбом рисунков с экспонатов музея ООИД, выполненный, вероятно, в 40-х гг. XIX в. Известно, что в 1847-1850 гг. секретарь общества Н.Н.Мурзакевич занимался описанием музея, прежде всего мраморов и надписей. На одном из заседаний ООИД было решено издать описание тиражом 300 экз. в 8-ю долю листа с литографированными рисунками, каждый из которых должен был включать краткий объяснительный текст⁶¹. Однако по каким-то причинам оно в свет не вышло. Характеристика собрания дана Н.Н.Мурзакевичем в статье, опубликованной анонимно в "Новороссийском календаре на 1851 год" без иллюстраций⁶². Найденные в архивах списки экспонатов Кабинета редкостей Черноморского депо карт - Черноморской штурманской роты, а также альбом рисунков с мраморов и надписей музея ООИД позволят установить или уточнить происхождение многих экспонатов ОАМ АН УССР, в том числе памятников, утративших паспорта. Но это уже тема отдельного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Материалы для истории русского флота. СПб. 1904. Ч.ХУП. С.304,305.
2. Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М. 1986. С.92.
3. Разгон А.М. Исторические музеи в России (с начала ХУШ века до 1861 г.) // Очерки истории музейного дела в СССР. М. 1963. Вып.5. С.238,239.
4. Аренс Е.И. История русского флота. Царствование Александра I. СПб. 1899. С.79.
5. Свиньин П.П. Обзорение путешествия издателя "Отечественных записок" по России, относительно археологии // Отечественные записки. 1826. Ч.27. Кн.75. С.98,99.
6. Белавенец П.И. Материалы по истории русского флота. М.-Л. 1940. С.100.
7. Крашенинников С.П. Траверсе Иван Иванович // Военный энциклопедический лексикон. 1848. Ч.12. С.649,650.
8. Болгары П., Зоткин Н., Корниенко Д., Любчиков М., Ляхович А. Черноморский флот: Исторический очерк. М. 1967. С.26.
9. Ге Н.Н. Исторический очерк столетнего существования г. Николаева при устье Ингула (1790-1890). Николаев. 1890. С.6-8.
10. Свиньин П.П. Обзорение путешествия... С.98,99.
11. ЦГАВМФ. Ф.243. Оп.1. Д.3486. Л.70-71 об.
12. ЦГАВМФ. Ф.25. Оп.1. Д.8. Л.32.
13. ЦГАВМФ. Ф.25. Оп.1. Д.22. Л.85.
14. Центральный государственный военно-исторический архив. Фонд Военно-ученого архива Главного штаба. Д.19159. Л.173.
15. ЦГАВМФ. Ф.25. Оп.1. Д.22. Л.88.
16. Скальковский А.А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Ч.2. 1796-1823. Одесса. 1838. С.103, 104.
17. Стевен А.Х. Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до розыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии // ИТУАК. 1891. № 13. С.35.
18. ЦГАВМФ. Ф.166. Оп.1. Д.4221. Л.1,2.
19. Там же. Л.5 об. - 8.

20. ЦГАВМФ. Ф.166. Оп.1. Д.4326. Л.1.
21. Белавенец П.И. Материалы по истории русского флота. С.96.
22. Крючков Ю.С. Алексей Самуилович Грейг. М. 1984. С.86.
23. ЦГАВМФ. Ф.19. Оп.1. Д.117-б. Л.11 с об., 14 об., 30 об.
24. ЦГАВМФ. Ф.402. Оп.1. Д.145. Л.514 об.
25. ЦГАВМФ. Ф.243. Оп.1. Д.1630. Л.1.
26. Лашков Ф. Историческая записка о сооружении в Херсонисе храма св. равноапостольного кн. Владимира // ИТУАК. 1888. № 5. С.6-7; Лашков Ф. Архивные документы, относящиеся к истории сооружения в Херсонисе храма св. равноапостольного кн. Владимира // ИТУАК. 1888. № 5. С.19-23; [Внутренние известия]. Николаев, 30 марта // Северная пчела. 11 мая 1827 г. № 57. С.1,2.
27. Тункина И.В. К истории археологических исследований Херсонеса в первой трети XIX в. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888-1988. Тезисы докл. [научн. конф.]. Севастополь, 1988. С.119-121; ЦГАВМФ. Ф.243. Оп.1. Д.1630. Л.6,7 об.,10,11,14,14 об.
28. ЦГАВМФ. Оп.1. Д.3486. Л.72 об.
29. ЦГАВМФ. Оп.1. Д.117 б. Л.11,11 об.
30. ЦГАВМФ. Ф.1067. Оп.1. Д.27. Л.8 об.
31. ЛО ААН. Ф.30. Оп.3. Д.282. Л.7 об.
32. ЦГАВМФ. Оп.1. Д.3486. Л.17,18.
33. Общий морской список. СПб., 1893. Ч.7. С.349-351.
34. Кумани Н.М. Действия Черноморского флота в царствование императора Александра I, с 1801 по 1826 гг. / Публикация Скрягина С.А. // Морской сборник. 1900, № 9. Неофиц. отд. С.44,45.
35. Свиныин П.П. Обзорение путешествия... С.102.
36. ОР ГПБ. Ф.679. Оп.1. Д.79. Л.1,3,5,7.
37. Общий морской список. СПб., 1890. Ч.4. С.154-156; Белавенец П.И. Критский Николай Дмитриевич // Русский биографический словарь. 1903. Кнабе - Кюхельбекер. С.444,445.
38. Тункина И.В. Раскопки 1824 г. святилища Ахилла на Тендровской косе // ЛОИИ АН СССР. Тез. докл. научн. чтений, посвящ. 90-летию со дня рождения А.И.Доватура / У Доватуровские чтения /. Л., 1987. С.34-36.
39. ЦГАВМФ. Ф.243. Оп.1. Д.1828. Л.40,40 об,41,49,80.
40. ОР ГБЛ. Ф.203. Оп.1. Д.4. Л.10,11.

41. Там же. Л.2 об.,78 об.
42. ЦГАВМФ. Ф.243. Оп.1. Д.3486. Л.1,90.
43. Там же. Л.1 с об.,4-6 об.,8-11,14.
44. Там же. Л.17-20,43.
45. Там же. Л.43-49,63.
46. Там же. Л.66,68-73 об.,81-82 об.
47. Там же. Л.84,84 об.
48. Там же. Л.93,93 об.
49. Там же. Л.87,87 об.,90.
50. Брун Ф.К. Одесское общество истории и древностей, его записки и археологические собрания. Одесса. 1870. С.10.
51. ГАОО. Ф.93. Оп.1. Д.1. Л.8 об.,9,21 об.
52. ГАОО. Ф.93. Оп.1. Д.39. Л.2,2 об.
53. Там же. Л.3,3 об.; ГАОО. Ф.93. Оп.1. Д.2. Л.20 об.,21, 27.
54. ГАОО. Ф.93. Оп.1. Д.39. Л.5-24; Мурзакевич Н.Н. Коллекция древних памятников, присланных из Николаева // Записки Одесского общества истории и древностей. 1844. Т.1. С.636.
55. ГАОО. Ф.93. Оп.1. Д.39. Л.5.
56. ЦГАВМФ. Ф.243. Оп.1. Д.4719. Л.1,1 об.
57. ЦГАВМФ. Ф.243. Оп.1. Д.4719. Л.3-8.
58. ГАОО. Ф.93. Оп.1. Д.55. Л.281-281 об.
59. ЦГАВМФ. Ф.243. Оп.1. Д.1708. Л.1,1 об.
60. Разгон А.М. Археологические музеи в России(1861-1917 гг.) // Очерки истории музейного дела в СССР. 1961. Вып.3. С.194.
61. ГАОО. Ф.93. Оп.1. Д.158. Л.53,90; Д.2. Л.65 об.; Д.3. Л.3..
62. [Мурзакевич Н.Н.] Музей Одесского общества истории и древностей // Новороссийский календарь на 1851 год. Одесса, 1851.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДИКИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ТРУДАХ

Д. Я. САМОКВАСОВА

Дмитрий Яковлевич Самоквасов (1843—1911) оставил заметный след в нескольких взаимосвязанных областях науки и культуры. Он известен как автор многочисленных трудов по истории русского народа, государства и права, как выдающийся организатор архивного дела в России, активный издатель редких документов и их описей; и, наконец, как археолог, чьи раскопки охватили обширную территорию "между Вислою и Тереком, Черным морем и рекою Москвою", согласно его собственному определению.

Собранные им за четыре десятилетия неустанных поисков коллекции древностей каменного века, скифо-сарматских, кавказских, восточнославянских обогащают экспозиции и фонды Государственного исторического музея, Эрмитажа, краеведческих музеев Киева, Чернигова, Курска. Эталонное значение для древнерусской культуры приобрели вещи, найденные профессором в черниговских курганах князей и дружинников IX—X вв., прежде всего из знаменитой Чёрной могилы.

Упоминания о Самоквасове в дореволюционных энциклопедиях, повременной и академической печати нередко страдают тенденциозностью, несут отпечаток преходящей политической злобы дня и полемики по частным вопросам. Публикаций, содержащих развернутую историографическую оценку творческого наследия Самоквасова-археолога, за советский период еще не появлялось. Что касается произведенных им разведок и раскопок, фактических результатов его многочисленных экспедиций, то они с большой полнотой охарактеризованы как в печатных работах самого автора, так и в целом ряде архивных материалов, выявленных нами в нескольких столичных и провинциальных хранилищах. С учетом тех и других источников в данной статье предпринимается попытка подытожить, оценить с методологических позиций вклад этого ученого в идейное и организационное становление отечественной археологии.

Понятие "археология" в прошлом веке имело на русском языке иное содержание и гораздо более широкий объем, чем те-

перь. Современное значение науки об ископаемых памятниках человеческой истории составляло лишь один из аспектов былого смысла термина. Тогда к археологии относили все без исключения свидетельства прошлого – архивные документы, произведения литературы и искусства минувших времен, фольклор, обычное право и т.д.

В изучение и преподавание отечественной истории информация о памятниках материальной культуры проникала вплоть до начала XX в. с очень большим трудом. Первым у нас выделил "памятники вещественные" в специальный раздел обзоров источников своей "Русской истории" (СПб., 1872) К.Н.Бестужев-Рюмин. Однако ни он, ни другие историки дооктябрьского периода так и не решились привлечь все растущий на их глазах археологический материал для сколько-нибудь существенных выводов или просто иллюстраций при изложении хода событий "с самых древнейших времен".

Прослеживается, напротив, намерение принципиально разграничить археологию и историю по их предмету и методам. Так, И.Е.Забелин усматривал в них "науки независимые, иногда друг друга дополняющие, но вполне самостоятельные"¹. Гораздо чаще, впрочем, российские археологи помимо всякого теоретизирования, на практике поисковых работ ограничивали тогда свои задачи так называемым вещеведением, эмпирическим описанием, в лучшем случае – классификацией некоторых своих находок, отдавая предпочтение вещам эффектным, явно художественной ценности.

Д.Я.Самоквасов же с первых своих шагов на археологическом поприще выступил убежденным сторонником исторической направленности раскопок, против растворения археологии в аморфном "отчизноведении". Тому, по всей видимости, способствовала тематика его занятий историей древнерусского государства и права в бытность студентом и магистрантом юридического факультета Петербургского университета. Исчерпав ограниченный круг печатных и архивных источников по теме своей диссертации о городах Древней Руси, начинающий исследователь обратился к изучению натуральных остатков укрепленных поселений восточных славян. Реализации этого новаторского для кабинетного историка замысла благоприятствовало знакомство с А.С.Уваровым, "разглядевшим в молодом ученом (Д.Я. тогда бы-

до тридцать лет) и необходимые познания, и энергию, и умение разбираться в вопросах, и, главное, настоящую любовь к делу изучения родной старины"². Другим "крестным отцом" новоявленного археолога стал его земляк с Украины, поднаторевший в раскопках киевский профессор истории В.Б.Антонович.

Первые экспедиции (1872-73 гг.) Самоквасов снарядил на средства основанного Уваровым Московского археологического общества в те области, где, по сообщениям летописи, обосновалось Северянское объединение восточных славян, — по бассейнам Десны, Сулы, Сейма и Псла. В каждом из тогдашних уездов, через которые протекали названные реки, решено было копать курганные группы, обнаруженные возле городищ с дохристианским культурным слоем. После работ А.С.Уварова и П.С.Савельева 1851-54 гг. на Владимирщине это следующие известные нам раскопки, сознательно ориентированные на исконные, сердцевинные русские земли. Единственная государственно-бюджетная организация, ведавшая до революции поиском вещевых древностей — Императорская археологическая комиссия — еще долгие годы обходила своим вниманием такие районы, концентрируя кадры и средства на пополнение коллекций Эрмитажа произведениями античного искусства, в особенности ювелирного, из раскопок в Причерноморье³.

Начиная изучение "древних земляных насыпей", т.е. городищ и курганов в земле северян, Самоквасов ставил своей целью собрать информацию для решения вполне определенных исторических проблем. А именно, как зафиксировано в протоколах Московского археологического общества: "Получить понятие о первоначальном быте этих племен, степени их культурного развития и племенных особенностей их погребальных обрядов в языческую эпоху"⁴.

Подобное сочетание задач полевой археологии и древней истории отличает весь дальнейший путь Самоквасова в науке. "Когда вы раскапываете городища и курганы своих предков языческой эпохи, — писал он, — вы собственными глазами видите фактическую обстановку их общественной и домашней жизни, а не глазами летописца, христианского монаха, писавшего столетием позже крещения русского народа, критически и односторонне смотревшего на быт язычников"⁵. Первые же методично проведенные раскопки на Украине и в центральной России способствовали

преодолению мифа о культурной отсталости нашей страны накануне "призвания варягов".

Хотя археологи и начали свою работу много позже историков, имевших дело лишь с письменными источниками, но они раньше и лучше тех смогли осознать, чем занималась основная масса населения древних обществ, что различало в далеком прошлом отдельные этносы, различные сословия и классы людей, как соотносились уровень материальной культуры и правовой уклад, образ повседневной жизни и верования предков. Об этом идет речь в историко-юридических трудах Д.Я.Самоковасова⁶. По мнению ученого, в истории человечества главное "обогатство составляет культурная обстановка жизни народа, т.е. предметы, извлеченные трудом человека из природы и приспособленные к удовлетворению его потребностей...; чем проще и беднее культурная, экономическая обстановка быта данного народа, тем ниже он стоит на ступенях развития цивилизации, тем проще и беднее институты и отношения его государственной и гражданской жизни"⁷.

Заметим, что понятие быта историки в прошлом веке определяли гораздо шире, чем это делается теперь. Кроме домашнего хозяйства и досуга, под эту категорию при Самоковасове и им самим подводились типичные формы хозяйствования, элементы административного или потестарного устройства, институты обычая и права, достижения градостроительства, воинского искусства, торговли и прочие объективные условия исторического процесса. Одни авторы склонялись к идеалистической трактовке структуры общественного быта (по сути — бытия), делая акцент на "истории национального самосознания", "эволюции народного духа" как первичных, определяющих факторах. Другим представителям старой историографии, в том числе Самоковасову, удалось по отдельным вопросам, "в границах своего предмета" (Ф. Энгельс) приблизиться к материалистическому пониманию древней истории. Профессиональные занятия археологией сыграли здесь, надо полагать, роль, аналогичную той, что привела, скажем, Л.Г.Моргана в США через этнографию к общественнонаучному материализму независимо от крепнувшей марксистской традиции.

Античные и раннесредневековые письменные источники позволили Самоковасову намечать перспективные районы поиска ар-

хеологических объектов. И наоборот — материалы раскопок служили целям исторических реконструкций. "Результаты раскопок я сопоставлял с летописным материалом, разъясняя им вопросы о значении, времени и народности новооткрытых вещественных памятников, а с другой стороны, дополняя неполные и разъясняя сомнительные летописные свидетельства вещественными памятниками"⁸, — вспоминал ученый. Для большинства его коллег подобные процедуры оставались в диковинку. Тем больше поразило современников совпадение данных из письменных источников с содержанием такого археологического памятника, как Черная могила. По остроумному замечанию Д.И.Багаля, переведенный к тому времени А.Я.Гаркави рассказ Ибн-Фадлана о похоронах знатного руса выглядел как протокол раскопки этого черниговского кургана⁹. Начатые Самоквасовым поиски Герроса — легендарного кладбища скифских царей и ряда других исторических мест предстояло продолжить советским археологам.

Профессор специально настаивал на приоритете историков по сравнению с антропологами и вообще натуралистами при раскопках мест обитания и могил древних людей. Историк по его ироничным словам, "читает всякое старье, которое неизвестно естествоиспытателям: Геродота, Страбона, Птолема и других, и в этих источниках он находит массу сведений, могущих объяснить для него обрядную сторону, частности быта и прочие вопросы, ускользающие от естествоиспытателя, преследующего преимущественно антропологические цели"¹⁰.

Вместе с тем, Самоквасов признавал интересы естествоиспытателей в области первобытной археологии и значение их методик для реконструкции жизни древнего человека. Профессор был активным членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете и Русского Географического общества, неоднократно публиковался в их трудах. Osteологический материал своих раскопок, в том числе обширные подборки черепов из курганных захоронений, он передавал А.П.Богданову¹¹. Кроме того, археолог неоднократно выступал на съездах русских естествоиспытателей и врачей, антропологических конгрессах и выставках с демонстрацией и объяснением своих находок из городищ и курганов¹². Когда же у неутомимого Богданова возникла идея "хи-

мико-технического изучения археологических и антропологических предметов", то за материалами для пробного естественно-научного анализа москвичи опять-таки адресовались в Варшаву, к Самоквасову.

Внимание Самоквасова привлекала и этнография. Ему, одному из первых, удалось зафиксировать реликтовую форму большой семьи (похожей на югославскую задругу) в одной из деревень Курской губернии¹³. Он опубликовал и снабдил предисловием документальный "Сборник обычного права сибирских инородцев" (Варшава, 1876). Для этого пришлось проштудировать обширный круг отечественных и иностранных этнографических источников. Результатом их историко-социологического обобщения явился цикл работ профессора, посвященный "древнейшим формам общественных отношений", "истории человеческого общежития"¹⁴. Предложенная им классификация культурно-исторических типов первобытных ("каменной и бронзовой культур") и традиционных обществ, — "сидячих, номадных и оседлых", — конечно, устарела. Однако сам подход к синтезу разнородной информации о прошлом оказался весьма перспективным. С его помощью Самоквасову удалось привести веские аргументы в пользу таких важных тезисов, как автохтонность славян на значительном пространстве Восточной Европы; изначально оседлый, земледельческий образ их жизни в языческую эпоху; сравнительно высокий уровень древнерусской культуры и самобытное зарождение отечественной государственности; ранние, уходящие в Киевскую Русь корни крепостного права.

Вместе с тем, на пути социально-исторических и особенно этнических интерпретаций археологического материала нашего автора подстерегали серьезные трудности и неудачи. Многие положения его работ вызвали обоснованные сомнения уже при их выходе в свет, а иные выглядят просто фантастическими. Взять хотя бы излюбленную им версию происхождения славян прямо от скифов, сарматов и гето-дакийцев или же отрицание сёл в Древней Руси, не говоря о более конкретных гипотезах по поводу датировки и стратиграфии отдельных памятников. В числе первоисследованных этим ученым объектов находятся такие центральные для будущей археологической классификации, как Дьяково городище под Москвой, Южновское на Десне, Гочевское на Псле, многие курганы ямного, катакомбного, срубного времени. Однако правильного вычленения соответствующих археологических ку-

льтур у Самоквасова мы еще не найдем. Ему так и не удалось достичь того уровня точности в атрибуции древностей, какой оказался доступен А.А.Спицыну и ряду других представителей "вершинной волны" дореволюционной русской археологии.

Но как бы там ни было, перед нами один из пионеров комплексной, междисциплинарной методологии в области исторической науки. От описания и каталогизации выкопанных вещей — к их предположительной систематизации по векам и народам, а отсюда — к посильному и постепенному пониманию, объяснению общественного развития в древности — таково исследовательское кредо Самоквасова. Этому пути в изучении начальных веков отечественной истории принадлежало будущее. С усовершенствованием подобной методологии в дальнейшем удалось преодолеть и некоторые заблуждения, многое уточнить в историко-археологических концепциях самого профессора, других ученых его поколения и круга.

К тому же, пример взаимной дополнительной, органичного сочетания в общем — то разных специализаций в одном лице и тогда, при жизни Самоквасова, не прошел незамеченным. "...Археологические изыскания нашего почтенного ученого, — писал попечитель Варшавского учебного округа министру народного просвещения, хлопоча о финансировании раскопок, — не только не мешающие его исследованиям в области истории русского права, но, напротив, находящиеся с ними в тесной связи, ... имеют важное значение для науки"¹⁵ Архив профессора свидетельствует о его многолетних творческих контактах, личных и эпистолярных, как с собственно историками (И.Д.Беляевым, К.Н.Бестужевым-Рюминым, А.Ф.Бычковым, Д.И.Иловайским, Н.И.Костомаровым, Д.В.Цветаевым и др.), так и почти со всеми видными археологами того времени (А.А.Бобринским, Н.Е.Макаренко, А.А.Спицыным, В.Г.Тизенгаузеном, А.С. и П.С.Уваровыми и др.). На Западе взгляды Самоквасова на историческое значение городищ и курганов пропагандировали А.Рамбо, Л.Леже, Ж. де Бай, С.Мюллер, Й.Пич, Л.Нидерле и другие иностранные участники всероссийских археологических съездов. Упомянем и о ожесточенных публичных дискуссиях Самоквасова по вопросам истории и археологии с корифеями либеральной науки, — Д.Н.Анучиным, А.А.Кизеветтером, М.М.Ковалевским, В.О.Ключевским, М.А.Дьяконовым, П.Н.Милоковым.

Таким образом, — прямо, благожелательно или же косвенно,

через первоначальное недопонимание, даже отрицание, — археология постепенно входила в круг профессиональных интересов сообщества историков, правоведов, этнографов.

Внешнее, общественное признание археологии за полноправную научную дисциплину зависело от ее внутренних методических возможностей открыть и зафиксировать сведения, заключенные в "древних земляных насыпях".

Выработанные Д.Я.Самоквасовым приемы полевых работ на городищах и могильниках в целом ряде моментов выглядят далеко не безупречными с позиций позднейших, особенно современных требований. Глядя из сегодняшнего дня трудно одобрить траншейные раскопки на поселениях, вскрытие курганной насыпи "колодцем" или той же траншеей, постоянное применение стального щупа при разведках погребений и некоторые другие процедуры, что маститый археолог практиковал сам и рекомендовал другим.

Однако, говоря о методике раскопок и других археологических работ столетней давности, следует учитывать: перед нами далеко не всегда ошибки отдельного человека, но чаще — обусловленные временем и местом заблуждения, трудности роста той науки, которую он представлял. Во второй половине XIX — начале XX в. так копали все наши профессиональные археологи. Элементы дилетантизма, малопонятные, вопиющие по любым меркам упущения встречаются в практике едва ли не каждого дореволюционного исследователя. Принцип историзма требует сопоставлять достигнутый при Самоквасове и с его активным участием методический уровень не столько с последующим, сколько с предшествующим, в сущности — донаучным состоянием поиска вещественных древностей.

В прошлом специалисту-археологу приходилось организовывать раскопки от начала и до конца почти всегда единолично. Он сам выискивал объект изучения, нанимал десяток-другой землекопов и конных грабарей из числа местных или приехавших на заработки крестьян с их заступами, ломами и кирками, лошадьми и подводами для вывоза грунта. Раскопки обычно приходились на самое горячее время года в деревне, когда рабочие руки были особенно дороги и нарасхват. Полевой сезон стоил Самоквасову от тысячи до трех-четырёх тысяч рублей. Одним из первых в стране он сумел получить долгосрочные казенные субсидии на предпринятые по личной инициативе раскопки¹⁶.

Когда в министерских сферах решался этот вопрос, в качестве эксперта был привлечен директор Петербургского Археологического института Н.В.Калачов. Его резолюция гласила: "... Кроме богатейших коллекций..., которые украшали бывшие в последние года археологические выставки, и рисунков с них, находящихся в Историческом музее (имеются в виду картина Г.И. Семирадского "Похороны знатного русса" и орнаменты славянского зала - С.Щ)..., профессор Самоквасов обогатил также литературу своими научными выводами о быте наших предков... Особенную важность для науки представляют... изданные им... указания и правила о способах раскопок"¹⁷. В другой раз поручителем таких же ассигнований выступил А.С.Уваров. Он в сходных выражениях рекомендовал оказать материальную поддержку "археологическим и вполне научным исследованиям профессора Самоквасова"¹⁸.

В чем же выражался тогдашний взгляд на археологические работы? Методика Самоквасова-археолога в своих главных чертах определялась методологией и тесными Самоквасова-историка. Вещественные древности он рассматривал как "основание решения главнейших вопросов русской истории, а именно: вопроса о времени заселения славянами [различных]... областей России, вопроса о народности русских князей Рюрикава Дома, вопроса о времени и интенсивности культурного влияния Западной Европы на Восточную и т.д."¹⁹.

С такими вопросами связана тщательная, как теоретическая, так и практическая подготовка к выезду в поле. Так, собираясь посвятить двухмесячный летний отпуск в 1891 г. раскопкам в новом для себя районе Феодосии и Старого Крыма, он запрашивал Археологическую комиссию: "Я хочу обстоятельно и заблаговременно познакомиться со всеми напечатанными отчетами Комиссии и другими изданиями и так подготовиться к раскопкам и будущему отчету моему..."²⁰. Отсюда же постоянный интерес к находкам других археологов, периодический обмен опытом с ними. Переписка профессора пестрит упоминаниями на сей счет, вроде следующего: "...Буду в Киеве, со специальной целью проверить тамошние археологические находки за последние два года, осматрю открытые там пещеры и орудия, в них найденные..."²¹.

Еще до того, как разрешения на все раскопки по стране перешли в исключительное ведение Археологической комиссии, Са-

моквасов взял за правило перед каждым полевым сезоном запасаться официальной бумагой — от университета, министерства или другой инстанции, санкционирующей его работы. В 1888 г. комиссия узнала из "Правительственного вестника" о раскопках Самоквасова в бассейне р. Сулы. На ее запрос роменскому исправнику: "Кто разрешил эти раскопки?", тот отвечал: "г-н Самоквасов имел открытый лист от г-на Министра внутренних дел о том, чтобы ему оказывали содействие власти при раскопках"²².

В каждой группе курганов, выбранной для раскопок, Самоквасов вскрывал насыпи малой, средней и самой большой величины. Работа, как правило, останавливалась, когда обнаруживались захоронения "только повторительного устройства и содержания". К некоторым могильникам, например, Черниговским или Седневским, Аксютинским или Пятигорским, археолог возвращался снова, "когда кабинетная обработка найденного сначала материала приводила к вопросам, требовавшим дополнительных раскопок"²³.

Первые два-три кургана изучаемой группы, а также все одиноко стоящие и сложноустроенные насыпи археолог всегда разрывал "не иначе, как послойною съемкой земли, начиная от вершины и до основания", т.е. на снос. Только разобравшись в типичном для данного могильника характере захоронений, Самоквасов позволял себе и советовал другим копать остальные насыпи широким прямоугольным колодцем, — срезав насыпь на треть высоты, углублять раскопом до самого материка и далее, чтобы не пропустить могил ниже "подожвы" кургана. При таком подходе уменьшалась возможность негативных последствий неполной раскопки насыпи некоторых курганов. Возьмем для образца огромную Бессчастную могилу в обширном некрополе бронзового века на берегу р. Конки, в Александровском у. Екатеринославской губ. Самоквасов по поручению Археологической комиссии раскопал ее крестообразно траншеями с каждой из четырех сторон света за один полевой сезон. При этом было открыто 14 отдельных захоронений — 5 в насыпи, 2 на "подожве" и 7 в материке — срубного и катакомбного типа, со скорченными окрашенными костяками²⁴.

Для Самоквасова характерно стремление доисследовать ограниченные в древности или же неудачно раскопанные другими археологами памятники. Изредка подобная скрупулезность вознаг-

раждалась. Кроме нескольких пропущенных его предшественниками погребений, в одной из воровских "мин" Самоквасову встретился скелет засыпанного обвалом земли кладоискателя, а в другой — орудие грабителя — заостренное долото. Сделанные при проверочных раскопках находки показали всем археологам реальную возможность повторного изучения объектов, чья целостность оказалась по каким-то причинам нарушена.

К сожалению, профессия расхитителей курганов в целом ряде мест еще процветала. На кладбище под Владикавказом из 150 катакомб на долю Самоквасова пришлось 36, а остальные опустошили жители близлежащего аула Чми.²⁵ Символично звучало название здешнего урочища — "Воровская балка". Ощутимый урон археологическим памятникам приносила интенсификация хозяйственной деятельности в период капитализма, в особенности увеличение крестьянской запашки после отмены крепостного права и столыпинской аграрной реформы. Если бы не археолог с его, пусть не идеальной методикой, многие городища и особенно курганы до усовершенствования методики просто не сохранились бы.

Полевая практика Самоквасова не знает случаев устройства раскопок, когда он сам или же другой опытный археолог отсутствовали бы там от начала до конца работ. Между тем заочное рытье курганов допускали даже лучшие археологи того времени, как до, так и после Самоквасова.

Расчистку вскрытого рабочими погребения он всегда делал сам "при посредстве ручной лопатки, ножа и сухого веника". "Первые опыты раскопок курганов убедили меня, что вскрытие гробниц и извлечение из земли найденных в курганах предметов никогда не следует поручать рабочим. Предполагая в исследуемом кургане скрытые драгоценности, рабочие мало обращают внимание на вещи глиняные, железные, костяные и, несмотря на беспрепятственные требования быть осторожными, почти всегда разбрасывают кости и ломают найденные вещи", — сетовал Самоквасов.²⁶

Кульминационные сцены раскопок (общий вид памятника до начала работ, этапы вскрытия насыпи, расчищенное погребение) Самоквасов старался начертить или зарисовать. В ряде случаев им применялось молодое тогда искусство фотографии. (Так, выполненными с фотографий гравюрами иллюстрированы его статьи о Черной могиле).

Но все-таки основную информацию о раскопках сто лет назад вбирал в себя полевой журнал археолога. Профессор не ус-

тавал повторять, что "могила, при раскопке которой дневник не был составлен по правилам инструкции, признается потерянной для науки"²⁷. Главный интерес Самоквасова на раскопках привлекали не черепа и кости, которые он передавал антропологам, и даже не сами древние вещи, но "устройство могилы", характерные черты погребального обряда данной культуры. Разборка погребения и упаковка прокумерованных вещей производились им только после письменного описания общего вида захоронения, расположения скелета или кострища, урны с прахом и остального инвентаря. Все предметы, найденные при каждом отдельном погребении, профессор категорически требовал соединять вместе (скажем, прикрепляя на картон) и так хранить, демонстрировать.

Именно обработанные на склоне лет полевые дневники и репродукции находок составили итоговую книгу Д.Я.Самоквасова — "Могилы Русской земли" (М., 1908). Полученная автором в связи с этим изданием корреспонденция свидетельствует о высоком авторитете Самоквасова как археолога-полевика. Так, А.А.Спицын обратился к нему "с нижайшей просьбой" — "не забывать меня Вашими последними археологическими капитальными изданиями"²⁸. Получив в подарок "великолепное издание", оценивает его: "Это выдающееся явление в русской археологии последнего времени, один из ее основных камней"²⁹. И тут же просит разрешения воспользоваться иллюстрациями из присланной книги для своего руководства по производству раскопок. Аналогичные отзывы содержат письма Л.Нидерле, Б.В.Фармаковского, А.А.Бобринского и всех, кто обменивался с переехавшим в Москву профессором своими научными трудами.

Скрупулезно выполняя полный объем черновой, во многом рутинной работы на раскопках и требуя того же от всех остальных археологов, Самоквасов не потерял репутации удачливого находчика неординарных, даже сенсационных памятников. Полевая археология принадлежит к тем областям человеческой деятельности, где элемент "везения" или случайности, риска и интуиции играет далеко не последнюю роль. К сожалению, по имеющейся литературе советский читатель гораздо лучше осведомлен об увлекательных археологических поисках Г.Шлимана (Гомеровская Троя, погребения микенских царей) или Г.Картера (гробница фараона Тутанхамона), нежели о подобных по своему мас-

штабу открытиях русских археологов, того же Самоквасова (могилы скифских вождей и черниговских князей, древние города Руси).

Преодолев синдром кладоискательства, археологи самоквасовской поры и на "правильных раскопках" сохранили романтику творческого поиска. Мемуаристы не сговариваясь отмечают у профессора искреннее любование древностями, эмоционально окрашенное отношение к археологическим находкам. В заключении одного из деловых писем Самоквасова государственному секретарю А.А.Половцеву встречаем такой пассаж: "У нас уже настоящая весна: теплота, трава, цветы, деревья распускаются, тянет за город, чаще вспоминаются картины летней жизни на курганах..."³⁰.

Большую часть своей университетской квартиры в Варшаве Самоквасов отвел все растущей археологической коллекции. В назначенные часы владелец ее лично знакомил студентов и всех желающих с экспонатами домашнего музея. По воспоминаниям Д.В. Цветаева, при этом "его речь нередко превращалась в целую импровизированную лекцию. Приятно было также смотреть на него, когда он каждую вещицу укладывал в назначенное ей местечко, прикреплял, описывал, занумеровывал"³¹.

Став членом-корреспондентом, а затем одним из первых сверхштатных (без жалования) членов Археологической комиссии, профессор с 1890 г. аккуратно доставлял туда отчеты по выдававшимся ему открытым листам. Многие из них в урезанном виде публиковались в трудах комиссии, а оригиналы с чертежами, рисунками и фотографиями сохранились в ее архивном фонде. Так же точно — вместе с рукописью полевых дневников и печатным каталогом всех находок было им пожертвовано в Русский Исторический музей основное собрание древностей. Не говоря уже о раскопках, очистка, сортировка, консервация и описание огромного количества древностей потребовали много сил и средств. "Для механической работы нанял двух помощников, а дело подвигается все-таки медленно.— Объяснял Самоквасов тому же Половцеву.— Нужно переписать начисто до 300 листов дневника раскопок за двадцать лет; нужно составить каталог и описание более пяти тысяч отдельных предметов древности; нужно переменить более 50 [фото] карточек и более 100 таблиц, попорченных при отправлении на выставки; и пр."³² Зато от этого ар-

хеолога не осталось неописанных, перепутанных вещей из раскопанных им памятников. Недаром так много самоквасовских материалов вошло в знаменитые "Обозрения губерний и областей России в археологическом отношении", которые прославили А.А.Спицына и признаны вершиной дореволюционной археологии.

Практический опыт археологических работ Д.Я.Самоквасову пришлось обобщить в специальной "Инструкции для описания городищ, курганов, пещер и для производства раскопок курганов".

Этот документ — плод коллективного творчества. III, Киевский Археологический съезд поручил подготовку его проекта комиссии в составе В.Б.Антоновича, Л.К.Ивановского и Д.Я.Самоквасова, — самых активных и образованных "раскопщиков" среди своих участников. Выполняя поручение, они консультировались с Н.Е.Брандербургом, И.Е.Забелиным, Н.И.Костомаровым, И.И.Срезневским, В.Г.Тизенгаузеном, А.С.Уваровым и другими российскими, а также французскими и польскими делегатами. На заключительном заседании съезда Самоквасов как глава комиссии прочел выработанный ими текст. После нескольких поправок и дополнений, инструкция была единогласно утверждена "как нравственный закон для всех лиц, раскапывающих земляные насыпи с учеными целями".

По сравнению с предыдущими наставлениями такого рода³³, рекомендации 1874 г. выглядят предпочтительней, в целом они соответствуют тогдашним задачам и возможностям археологии. В основу первых, описательных частей инструкции положен текст анкеты, годом раньше составленной Самоквасовым для учета городищ и курганов по всем европейским губерниям и областям России и Польши³⁴. Археологам и их информаторам на местах предписывалось подробно указывать положение на местности, внешний вид, размеры, количество, соотношение визуально различимых археологических объектов, а в связи с ними — факты находок древних вещей, раскопок и народные предания на их счет. Предложенная программа послужила источником целого ряда заочных опросов населения и первых вариантов археологических указателей и карт по нескольким регионам страны³⁵.

Заключительная часть инструкции резюмировала ту практику курганных раскопок, что уже охарактеризована нами выше. Добавлены были советы по сохранению "окисших и прожженных", вообще пострадавших от времени вещей. До современных техно-

логий реставрации древностей им далеко, но начало решения этой трудной задачи обозначено. Через все нормативы настоячиво проводится идея целостности каждого конкретного памятника археологии и недопустимости произвольного разделения его компонентов при описании раскопок или позже, в процессе хранения, демонстрации или издания добытого инвентаря.

Самоквасовская инструкция оставалась единственной в своем роде и действовала среди наших археологов вплоть до конца XIX в. Ее использовали и неоднократно перепечатавали как образцовую заинтересованные организации - министерство просвещения³⁶, антропологи, занимавшиеся раскопками³⁷, Русское и Московское археологические общества³⁸.

Между тем сам основной автор с годами сознавал ограниченность своей инструкции. Он несколько раз переиздавал ее в дополненном и исправленном виде, предупреждая: "Предлагая эту программу исследования древнейших вещественных памятников нашей истории, мы не уверены, что она обнимает собой все вопросы, интересные для науки... Очень может быть, что в будущем будет обращено внимание на такие условия, о которых мы теперь еще не думаем"³⁹.

Больше всего заботило Самоквасова, как проконтролировать исполнение уже существовавшей краткой инструкции на практике раскопок. Предпринятые по его инициативе попытки Московского археологического общества подключить к этому делу губернские власти не дали результатов⁴⁰. Ничего не дали и запросы профессора, адресованные через очередные Археологические съезды правительству: "Какие учреждения получают право раскопок? Какой предварительной подготовкой должны обладать лица, командируемые для раскопок? Не должны ли раскопки производиться комиссиями, состоящими из археологов и естествоиспытателей? Каковы должны быть общие правила дневника раскопок, обязательные для всех исследователей древних земляных насыпей? Где должны храниться материалы, добываемые путем раскопок, и не должны ли все эти материалы составлять государственную собственность?"⁴¹

Сегодня сформулированные вопросы звучат чисто риторически и ответы на них в общем известны. В условиях самодержавной бюрократии они оставались гласом вопиющего в пустыне. Единственным откликом властей предрежущих послужило присвоение Археологической комиссии

"исключительного права производства и разрешения раскопок на землях казенных, общественных и принадлежащих разным установлениям"⁴². Частные же угодья вместе со всеми расположенными там памятниками старины оставались в неограниченном распоряжении собственников земли.

Получив монополию на открытие дыр, комиссия подготовила собственный вариант регламента раскопок⁴³. К его обсуждению привлекались В.Б.Антонович, Д.Я.Самоквасов и другие видные археологи-практики⁴⁴. Тогда соперничавшее с петербуржцами Московское археологическое общество решило переработать свою старую инструкцию. На XIV Археологическом съезде в Чернигове соответствующую рабочую группу составили Э.Р. фон-Штерн, А.В.Селиванов и опять-таки Самоквасов. Протокол заседания комиссии и выработанные ею директивы по новой, развернутой инструкции опубликованы в трудах съезда⁴⁵. В архиве осталось несколько докладных записок, поданных делегатами съезда по этому вопросу (кроме членов комиссии⁴⁶ своим опытом поделились Н.И.Веселовский и В.В.Хвойко)⁴⁷. Проектируемую инструкцию предполагалось иллюстрировать типичными видами раскопок различных памятников, — не только городищ и курганов, но и селищ, полей погребений в урнах и др.

Из-за болезни и скорой кончины Самоквасова завершить подготовку обновленного наставления археологам общество поручило В.А.Городцову. За его подписью "Руководство для археологических раскопок (М., 1914) и вышло в свет. В нем заключен тот методический багаж, который дореволюционная археология передала советским исследователям материальной старины.

Как ни важен в науке правильный метод исследования, надо еще уметь пользоваться его нормами. Выступая за государственную охрану памятников истории и археологии, Самоквасов имел в виду и, так сказать, "человеческий фактор" решения данной проблемы.

До революции в учебных заведениях России археология не изучалась сколько-нибудь систематически. Отдельные преподаватели высшей школы, на досуге увлекавшиеся раскопками (В.Б. Антонович и В.З.Завитневич в Киеве, И.А.Линниченко в Одессе), по собственному почину уснащали свои занятия со студентами-историками, филологами, юристами и даже богословами археологическими экскурсами. Д.Я.Самоквасов, как профессор истории

русского права сначала Варшавского (с 1873), а затем Московского (с 1892 г.) университетов пошел в этом направлении дальше прочих — археологические материалы составляли непреходящий и значительный по объему элемент его многотомного лекционного курса. Часть слушателей с одобрением воспринимала нетрадиционный разворот тематики их учебных программ⁴⁸, другие выражали по этому поводу недоумение⁴⁹. Те студенты, что увлекались рассказами профессора о проведенных им раскопках, сопровождали его на археологических экскурсиях вокруг Варшавы, а затем и в Подмоскowie. Перед нами прообраз летней археологической практики, повсеместно утвердившейся в подготовке студентов-гуманитариев уже в советское время.

Однако рамки историко-юридической науки, разумеется, далеко не совпадали с быстро растущим объемом и разнообразием археологических сведений. В пореформенный период назревает необходимость самостоятельного преподавания и последовательного изучения археологических дисциплин. Первым известным нам опытом решения данной задачи явился курс "с каменном, бронзовом и железном веках с обращением особого внимания на Прибалтийский край"⁵⁰, читавшийся в Дерптском университете в 1870-е годы. Ходатайства о введении кафедр археологии и соответствующего предмета на историко-филологических факультетах прочих российских университетов на Археологических съездах отклика со стороны его "августейших покровителей" не получили.

Положения не поправили даже два Археологических института, созданных сначала в Петербурге (1877), а затем в Москве (1907). В названиях этих учебных заведений термин "археология" использовался в уже упоминавшемся расширительном своем значении. По замыслу своего основателя Н.В.Калачова и согласно уставу они имели целью "приготовление специалистов по русской старине, для занятия мест в архивах правительственных, общественных и частных". Сюда принимали лиц, уже окончивших курс в государственных высших учебных заведениях и желающих еще два года специализироваться по архивному делу. В петербургском институте собственно первобытную археологию начали читать только с 1892 г. Лектор — Н.И.Веселовский главное внимание уделял (согласно своему опыту раскопок) древностям Причерноморья.

Ближе к задачам полевой археологии стоял Московский институт. Курсы лекций и практикумы по первобытной и так называемой бытовой археологии здесь образцово для своего времени читал и вел В.А.Городцов⁵¹. Как видно из сохранившейся в ЦГАДА переписки основателя и попечителя Московского Археологического института генерала В.Г.Глазова с Самоквасовым, последний регулярно "являлся на празднике института в день годовичного акта со своим вдохновенным и вдохновляющим словом страстного археолога"⁵². Кроме личного примера, профессор помогал самостоятельному учебному заведению более ощутимыми способами. На базе Московского архива министерства юстиции, которым управлял Самоквасов в последнее двадцатилетие своей жизни, проходила археографическая практика слушателей института. Опытные сотрудники архива — Н.Н.Ардатов, В.В.Шереметьевский, М.В.Довнар-Запольский, Ю.В.Готье и др. преподавали им дипломатику и иные специальные исторические дисциплины.

На очерченном фоне определенный историографический интерес представляют самостоятельные усилия Д.Я.Самоквасова по организации преподавания русской археологии. Как отмечалось выше, с 1873 по 1910 г. "в лекциях по истории русского права... он... в отделе древнейшей истории уделял гораздо большее место, чем это вообще было принято, данным бытовой археологии, посещал со студентами Исторический музей, устраивал даже для них раскопки в окрестностях Москвы"⁵³. К этим занятиям, кроме университетских студентов, привлекались воспитанники Лицея памяти цесаревича Николая (где также преподавал профессор), а кроме того — слушатели Археологического института и некоторые сотрудники архива.

Более широкой публике адресовались публичные лекции, с которыми ученый время от времени выступал в Варшаве⁵⁴, а потом и в Москве (в помещениях Исторического и Политехнического музеев, своего архива на Девичьем поле). Излюбленными темами его популярных чтений служили вопросы о значении могильных раскопок и охране исторических памятников, о происхождении славян и русских и т.п.⁵⁵

С общедоступными лекциями такой тематики профессор нередко выезжал в провинцию, — на родную Украину (Чернигов, Полтава, Киев), в Курск, Орел и другие города. Отметками о соответствующих командировках испещрены его паспорта и послужные

списки⁵⁶. Важно подчеркнуть благотворительный характер этих выступлений – входная плата за лекции передавалась на археологические раскопки в соответствующем регионе. Чаще всего лектор еще приплачивал от себя солидные по тогдашнему денежному курсу суммы на те же цели. Подобным образом им финансировались работы по подготовке и проведению археологических съездов в Чернигове (до тысячи рублей) и Новгороде (6 000 руб), раскопки уникального Гочевского комплекса в Курской губернии (более 400 руб) и многие другие экспедиции (Н.Е.Макаренко, В.Р.Апухтина, К.П.Сосновского, П.С.Рыкова и прочих начинающих археологов, которыми тяжело заболевший профессор руководил по переписке).

Выступления археолога перед столичной и провинциальной аудиторией сопровождалось "световыми картинками" при помощи так называемого "волшебного фонаря" – родоначальника нынешних технических средств обучения. Лектор располагал полусотней диапозитивов – фотоизображений сцен раскопок, планов и видов самых типичных памятников, отдельных находок. Ряд вещей из городищ и курганов (массовые дублеты или еще не переданные в музей материалы последних раскопок) демонстрировались слушателям в натуре. Со времен Антропологической выставки 1879 г. у профессора сохранились модели, представлявшие "внешнюю форму кургана, способ раскопки и внутреннее устройство могилы в малом размере (остов 4 вершка)"⁵⁷.

Распространению археологических знаний среди населения служили многочисленные самоквасовские публикации в массовых повременных изданиях – журналах и газетах вроде "Древней и Новой России", "Живописной России", "Голоса", "Газеты А.Гатцука", "Кремля" Д.И.Иловайского, различных "Губернских ведомостях", "Епархиальных известиях" и др. Еще чаще различные органы прессы – от столичного "Правительственного вестника" до провинциального "Варшавского дневника" помещали хроникальные заметки о раскопках профессора, его коллекциях и выступлениях на Археологических съездах.

Итогом учебно-просветительской деятельности исследователя стала отпечатанная им "Программа курса лекций по русской археологии" (М., 1907). В отечественной литературе того времени ей не находится аналогов по широте обобщения фактического материала археологии ради превращения его "в матери-

ал исторический", как определял свою задачу автор. Тоненькая брошюра построена в соответствии с выработанной Д.Я.Самоквасовым систематикой археологических памятников. Древности России расположены по хронологической шкале — периодизация совмещена с типологией важнейших, на взгляд автора, этнокультур: 1) "доисторической" (палеолит); 2) киммерийской (неолит); 3) скифо-сарматской (бронза и раннее железо); 4) славянорусской; 5) половецко-татарской и вплоть до 6) "древностей русских новейшего периода". Как видно, за исходный критерий тут взяты "внешние культурные влияния, изменявшие домашний и социальный быт туземного народонаселения"⁵⁸. "Этой классификацией могильных древностей я желал, — пояснял профессор, — дать своей коллекции значение учебного пособия для преподавателя начальных периодов русской археологии и истории..."⁵⁹

Самоквасовская классификация подверглась острой критике в ходе первого же обсуждения — на УШ Археологическом съезде в Москве. Речь шла не только об устаревшем выражении "доистория" и загадочных "киммериянах", но и об искусственной подгонке разнообразных по типу материальной культуры и, видимо, этносу памятников под ту или иную рубрику. (Кроме отмеченных крупных периодов, Самоквасов различал целый ряд их подразделов. Допустим, скифо-сарматская эпоха включала, по его мнению, отрезки "скифо-массагетский", "скифо-сколотский" и "скифо-сармато-праславянский"). Критики же сошлись на том, что "в России введение этнографических терминов в отношении хронологии опасно и преждевременно"⁶⁰.

Слов нет, приведенная группировка отечественных древностей весьма уязвима, хотя бы из-за своей прямолинейности. Но перед нами первая попытка конкретизировать универсальную схему каменного-металлического "веков" применительно к пестрой и динамичной картине археологии Восточной Европы от начала ее заселения человеком и до первых классово-государственных образований. Особенно поучителен историографический аспект анализируемой программы. В ней предусмотрено изложить результаты важнейших археологических работ как за границей, так и в нашей стране. В этой связи отмечены имена полусотни археологов, их главные открытия, упомянуты крупнейшие государственные, общественные музеи и частные коллекции древностей, перечислены ученые общества и организации, занимавшиеся рас-

копками. Остается сожалеть, что автору не хватило времени развернуть столь содержательный конспект в целый учебник по истории самой археологии, которую он так хорошо знал.

Лекционная программа Самоквасова, впрочем, не осталась только на бумаге. В своем архиве он оборудовал специальную аудиторию с электрическим освещением и преподавательской кафедрой. На лекциях по археологии здесь присутствовало два-три десятка добровольных слушателей, собиравшихся по субботам в течение учебного семестра. Как вспоминал один из посетителей этих занятий, лектор "горел желанием зажечь в нас искру стремления продолжать его любимое дело. Он показывал нам свои археологические находки, которые еще не были переданы в музей, учил, как производить раскопки, очищать металлические предметы от ржавчины, учил, как надо обращаться с документами".⁶¹

Обострение тяжелой болезни, которая вскоре свела ученого в могилу, прервало лекции уже на третьем учебном году. Кроме того, оказались нереализованными такие замыслы профессора, как создание музея северянских древностей в Киеве или Чернигове, раскопки в районе выбранного для очередного, XV Археологического съезда Новгорода, издание ряда рукописей по археологии. В итоге мы вправе сказать: изучение отечественных древностей явилось для Д.Я.Самоквасова всежизненным призванием. Его следует по праву отнести к числу основателей и первых вполне профессиональных представителей русской археологии.

ПРИМЧАНИЯ

1. Забелин И.Е. В чем заключаются основные задачи археологии как самостоятельной науки? // Труды III АС. Киев, 1878. Т. I. С. XXIII /2-й паг./.
2. Уварова П.С. Д.Я.Самоквасов как член ИМАО // Древности. М., 1914. Т. XXIII. Вып. 2. С. 440.
3. В 1887 г. А.С.Уваров, сообщая председателю Археологической комиссии графу С.Г.Строганову об успешных раскопках Д.Я.Самоквасова и Т.В.Кибальчича в Киевской, Черниговской и Полтавской губерниях, запросил: "Не благоволит ли ИАК назначить какую-либо сумму на снаряжение экспедиции для раскопки курганов в поименованных губерниях?" - "Его

сиятельство" через три месяца отвечает "его сиятельству": Не желая отвлекать средств, дарованных ИАК, от прямой их цели — от раскопок в окрестностях Керчи и на Таманском полуострове, я не считаю возможным принять деятельное участие в предполагаемых МАО изысканиях в губерниях Киевской, Черниговской и Полтавской" (Архив ЛОИА. Ф. I. Д. 4. Л. 6 об.

4. Древности. М., 1874. Т. IV. Вып. I. С. 46. (2-й паг.).
5. Самоквасов Д. Я. Происхождение русского народа. М., 1908. С. 13.
6. См.: Самоквасов Д. Я. История русского права. Т. I. Начала политического быта древнерусских славян. Вып. I. Литература. Источники. Методы научной разработки источников. Варшава, 1878; То же. Вып. 2. Происхождение славян. Происхождение русских славян. Варшава, 1884; Он же. История русского права. Университетский курс. Кн. I. Языческая эпоха. Источники. Содержание институтов экономического, религиозного, государственного и процессуального права. Варшава, 1888.
Результатом ряда исправленных и дополненных переизданий явился его же итоговый: Курс истории русского права. М., 1908.
7. Самоквасов Д. Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1916. С. 8-9.
8. Самоквасов Д. Я. Северянская земля... С. 9.
9. Багалей Д. И. История Северной земли до половины XIV ст. Киев, 1882. С. 72.
10. Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. XXXII. Вып. I. Протоколы заседаний. 1876-1880. М., 1881. С. II.
11. См.: Антропологическая выставка 1879 г. М. 1879. Т. III. Ч. 2. Вып. 3. Отдел краниологический (Сост. А. П. Богданов. С. 9-17; Богданов А. П. Курганные черепа области древних северян (Суджанское длинноголовое население по р. Пслу) // Антропологическая выставка 1879 г. М., 1878. Т. II; Его же. Курганные жители Северянской земли по раскопкам в Черниговской губернии // Там же. М. 1879. Т. III. Ч. I.
12. См., напр.: Самоквасов Д. Я. Об антропологических и археологических материалах эпохи язычества в пределах Царства

Польского // Антропологическая выставка 1879 г. М., 1879. Т.Ш. Ч.1.; Он же. О памятниках культуры человека каменной эпохи в Малороссии // Речи и протоколы VI съезда русских естествоиспытателей и врачей в Петербурге. СПб., 1880.

13. Самоквасов Д.Я. Семейная община в Курском уезде // Записки РГО по отделению этнографии. СПб. 1878. Т.УШ.
14. Самоквасов Д.Я. Формы социальной организации сидячих и бродячих народов (при условии каменной культуры) // Варшавские университетские известия. 1886. № 8; Его же. Общества кочевых народов // Там же. 1886. № 9; Его же. Общества оседлых народов // Там же. 1887. № I, 2; Его же. История городского общежития древних и диких народов // Там же. 1887. № 6.
15. ЦИТА. Ф.733. Оп.149. Д.164. О назначении Д.Я.Самоквасову субсидии из казны на производство ежегодных исследований древних земляных насыпей и издание их результатов. 8.03. 1875 - 3.09.1876. II. I об.
16. Из сумм государственного казначейства Д.Я.Самоквасов получал на раскопки по 500 руб ежегодно в течение пяти лет, начиная с 1876 г. Затем ассигнование выдавалось ему в 1881 г. (500 руб), 1882 (1000), 1886 (300). Кроме того, в финансировании его раскопок участвовали некоторые земства и губернские статистические комитеты. См.: Пршение магистранта Д.Я Самоквасова об оказании ему денежной помощи при археологических изысканиях. II .12.1872 г. // Журнал заседаний Черниговского губернского земского собрания. Чернигов, 1872. С.10,25-26; Пршение магистранта Д.Я.Самоквасова об оказании ему денежной помощи при проведении археологических раскопок в Курской губернии. 21.06.1872 г. // Гос. архив Курской обл. Ф.4. Оп.1. Д.63. Л.36.

Передав безвозмездно государству всю свою коллекцию древностей, содержащую помимо прочего множество изделий из драгоценных металлов работы старых мастеров, ученый с лихвой возвратил соотечественникам указанные займы. Между тем, Британский музей при посредничестве Б.И.Ханенко безуспешно пытался приобрести у Самоквасова его собрание за большую сумму наличными.

17. ЦГИА. Ф.733. Оп.149. Д.164. Л.53-53 об.
18. Там же. Л.65 об.
19. Архив ЛОИА. Ф.4. Оп.1. Д.38. Л.79.
20. Там же. Ф.1. 1891. Д.54. Л.1.
21. ОРГБ. Ф.120. Б. оп. Д.1219. Л.2 об.
22. Архив ЛОИА. Ф.1. 1888. Д.16. Л.49-50.
23. Самоквасов Д.Я. Северянская земля и северяне... С.8.
24. Архив ЛОИА. Ф.1. 1882. Д.20. Л.83 об.
25. Там же. Ф.1. 1887. Д.68. Л.89.
26. Самоквасов Д.Я. Северянские курганы и их значение для истории // Труды Ш АС. Киев, 1878. Т.1. С.186.
27. Самоквасов Д.Я. Раскопки древних могил и описание, хранение и издание могильных древностей. М., 1908. С.4.
28. ЦГАДА. Ф.337. Оп.1. Д.782. Л.48.
29. Там же. Л.49.
30. ЦГИА. Ф.1654. Оп.1. Д.235. Л.2.
31. Памяти Дмитрия Яковлевича Самоквасова. М., 1912. С.34. Ср. собрание древностей профессора Д.Я.Самоквасова // Исторический вестник, 1892, N 3.
32. ЦГИА. Ф.1654. Оп.1. Д.235. Л.1 об.
33. Сахаров И.П. Записка для обозрения русских древностей. СПб., 1851; Савельев П.С. Известия о курганах и городищах // Известия ИРАО. Т.1. СПб., 1858. Т.1. Вып.2.
34. См.: ЦГИА. Ф.1290. Оп.2. Д.87. О затребовании от губернских статистических комитетов сведений о городищах. 203 л.
35. См.: Инструкция для описания городищ, курганов и пещер и для проведения раскопок курганов // Труды Ш АС. Киев, 1878. Т.1. С. 1XIX-1XXII (2-й паг.)
36. См.: Приложение 2-е к 7-му Циркуляру по Виленскому учебному округу за 1878 г. Вильна, 1878.
37. См.: Инструкция для научного исследования курганов (и дополнения к ней А.П.Богданова) // Антропологическая выставка 1879 г. М., 1879. Т.П.
38. 31 октября 1884 г. на заседании Русского археологического общества "секретарем было доложено о том, что в Обществе неоднократно поступали и продолжают поступать от разных лиц просьбы о сообщении им инструкции для производства курганных раскопок. Имевшееся в Обществе некоторое количество экземпляров инструкции, составленной профессо-

ром Самоквасовым, давно израсходовано и на упомянутые просьбы приходится отвечать отказом. Между тем правильное производство курганных раскопок представляется весьма желательным и методические указания существенно необходимы". Общее собрание, где присутствовали такие авторитетные лица, как А.А.Бобринский, А.Я.Гаркави, Н.В.Калачов, В.В.Латышев, Н.В.Покровский, Д.А.Хвольсон и др., постановило: "Обратиться к профессору Самоквасову с просьбой предоставить Обществу право издания его инструкции с некоторыми необходимыми дополнениями" (Архив ЛОИА. Ф.3. Оп. I. Д.399. Л.198).

39. Самоквасов Д.Я. Условия научного исследования курганов и городищ. Варшава, 1878. С.7.
40. См.: Историческая записка о деятельности Московского археологического общества за первые 25 лет его существования. М., 1890. С.33.
41. Древности. М., 1877. Т.УП. Вып. I. С.48 (2-й паг.).
42. Полное собрание законов Российской империи (3 собр.). СПб., 1891. Т. IX. С.95.
43. См.: Спицын А.А. Производство археологических раскопок. СПб., 1895; Он же. Археологические раскопки. СПб., 1910.
44. Архив ЛОИА. Ф. I. 1887. Д.69. Л.299.
45. Труды XIV АС. М., 1911. Т. III. С.93-III.
46. См.: Селиванов А.В. По поводу устройства археологических раскопок и хранения добытого материала // Архив ЛОИА. Ф.4. Оп. I. Д.82. Л.97-103; Фон-Штерн Э.Р. По поводу вопроса о выработке общих правил для производства археологических раскопок // Там же. Л.105-112.
47. Неизглавленные записки Н.И.Веселовского и В.В.Хвойко см. там же, л.113-127.
48. Положительные отзывы бывших слушателей лекций Д.Я.Самоквасова и участников проводимых им занятий по археологии см.: ЦГАДА. Ф.337. Оп. I. Д.782. Л.57-58. и др.
49. По словам одного из варшавских студентов профессора, "он читал нам по тетради скорее археологию, чем историю права... Мучил он нас результатами своих археологических разведок и много, очень много распространялся о древних русских городах..." (Тур К.Н. Студенческие годы. Воспоминания о Варшавском университете) // Русская старина.

1912. № 9. С. 417.

Также не понравились лекции Самоквасова, но уже в Москве, будущему видному советскому историку В.И. Пичете (См. его: Воспоминания о Московском университете (1897-1901) // Московский университет в воспоминаниях современников (1755-1917). М., 1989. С. 592.

50. Труды Ш АС. Киев, 1878. Т. I. С. 34-35. Много позже, начиная с 1910-х годов отдельные дисциплины археологического цикла начали читать в Петербургском университете А.А. Спицын, Н.И. Веселовский, В.Б. Фармаковский.
51. Стрижова Н.Б. Педагогическая деятельность В.А. Городцова // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии. М., 1988. С. 27-31.
52. ЦГАДА. Ф. 337. Оп. I. Д. 781. Л. 80-81.
53. Анучин Д.Н. Д.Я. Самоквасов как археолог // Древности. М., 1914. Т. XXIII. Вып. 2. С. 409.
54. См. для примера один из его отчетов Ссвету университета: "... Об историческом значении городищ и курганов читаны были рефераты в Императорском Географическом обществе, Московском Археологическом и на Киевском съезде археологов. О том же предмете читаны две публичные лекции в Варшаве" // Варшавские университетские известия. 1875. № 3. С. 46.
55. Самоквасов Д.Я. История культуры населения Русской земли по могильным древностям . Лекция 23 ноября 1908 г. в Политехническом музее в пользу фонда Орловской ученой архивной комиссии, предназначенного для местных археологических раскопок. М., 1908; Он же. Право и государство. Чтения для рабочих города Москвы. М., 1907 и др.
56. См.: Формулярный список о службе управляющего Московским архивом Министерства юстиции, тайного советника Д.Я. Самоквасова. 5.09.1911 г. // ЦГИА. Ф. 1405. Оп. 525. Д. 843.
57. Антропологическая выставка 1879 г. М., 1878. Т. I. С. 90.
58. Архив ЛОИА. Ф. 4. Оп. I. Д. 53. Л. 73.
59. Самоквасов Д.Я. Могилы русской земли. М., 1908. С. 43.
60. Городцов В.А. Первобытная археология. М., 1908. С. 89.
61. Кротков А.А. Самоквасов Дмитрий Яковлевич // 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. Исторический очерк. Краткие биографии [членов]. Саратов, 1911. С. 31-32.

КОЛЛЕКЦИЯ ИЗ ИМЕНИЯ А.С. И П.С.УВАРОВЫХ КАРАЧАРОВО
В МУРОМСКОМ МУЗЕЕ

"Едва ли скоро увидим мы опять такого деятеля, бескорыстного, энергичного, преданного науке до самопожертвования, талантливого, широко образованного, как П.С.Уварова". Это строки из некролога, опубликованного академиком А.И.Соболевским в "Известиях Российской Академии Наук"¹. В 1925 г. такая оценка деятельности первой русской женщины-археолога графини Прасковьи Сергеевны Уваровой еще была возможна. На восьмом десятке лет на чужом корабле покинула она Россию. Все осталось там: большая многотрудная жизнь, наука, раскопки, издания, обширнейшие имения, ценнейшие коллекции, конфликты и почитание, вечные хлопоты, заботы и радости. Как лесной пожар гнал с родной земли революционный огонь всенадцатого года. В довершение всех бед кораблю не суждено было благополучно достичь берега. В воде погибла уникальная древняя рукопись, над которой Уварова работала в последнее время и с которой не расставалась.

Ученые с европейской известностью, супруги Алексей Сергеевич (1825-1885) и Прасковья Сергеевна (1840-1924) Уваровы в советское время были объявлены дилетантами, "барамы от науки". И только в 1980-е годы, наконец, появились публикации, по достоинству оценивающие их заслуги перед русской наукой. Создатель и первый председатель Московского Археологического общества, инициатор созыва археологических съездов А.С.Уваров, несомненно, был человеком незаурядным.

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!..."²

Мало кто нынче знает, что это стихотворение Алексей Константинович Толстой посвятил своему двоюродному брату А.С.Уварову. Созвучный же образ создает в своих воспоминаниях, храня-

шихся во Владимирском областном архиве, жена археолога. Она пишет о нем как о человеке увлеченном, окруженном особой атмосферой духовности, всегда готовом поддержать высокие научные устремления в других, особенно в молодых и начинающих ученых.

В юности, в родном доме Алексей Уваров окружен был богатством, даже роскошью. Для него, сына министра народного просвещения, была открыта любая карьера. Образование получил он на историко-филологическом факультете Петербургского университета, затем слушал лекции в Берлинском и Гейдельбергском. В 22 года он уже один из учредителей Петербургского Археолого-нумизматического общества. Вскоре он оставляет дипломатическую службу, и занятия археологией становятся главной целью его жизни. Начав свою деятельность в Петербурге, А.С.Уваров после женитьбы переселился в Москву. Именно с Москвой и подмосковным имением Поречье связана большая часть его жизни. Еще при его отце Сергее Семеновиче Поречье было известно современникам как музей античных мраморов, а самого Уварова-старшего называли порецким меценатом. Популярно было в среде ученых это имение и при Алексее Сергеевиче. Сюда съезжались члены археологического общества, здесь работали в огромной стотысячной библиотеке многие историки прошлого века. Здесь собраны были колоссальные исторические и художественные коллекции. Собрание это теперь рассеяно по нескольким крупным музеям и книгохранилищам. Все свои археологические коллекции Уваров завещал Российскому историческому музею. Музей был его любимым детищем, и многие материалы он передал туда еще при жизни для создания первой экспозиции. Часть подарила Прасковья Сергеевна, а все оставшееся было перевезено после революции. Художественные коллекции в основном попали в Музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина, книги — в Ленинскую и Историческую библиотеки и в ГИМ. Такова судьба вещей из Поречья и из московского дома в Леонтьевском переулке (ныне Станиславского, 18). А были еще поместья в Саратовской, Пензенской, Смоленской, Владимирской губерниях.

Во Владимирской губернии, в Муромском уезде принадлежало им старинное село Карачарово, известное каждому русскому как родина былинного богатыря Ильи Муромца. В их владении было еще несколько ближних сел и 32 тысячи десятин знаменитых не-

когда муромских лесов. В письменных источниках до XVII века сведений о Карачарове нет. В писцовых книгах 1629–1630 гг. сообщается, что "Карачарово дано царем Михаилом Федоровичем за осадное московское сидение князю Василию Янушевичу Сулешову"³. Через пятьдесят лет село значится вотчиной другого помещика – князя Михаила Черкасского. В 1702 году, как о том свидетельствует жалованная грамота Петра I, оно дано стольнику Якову Богданову. К середине XVIII в. это – вотчина одного из крупнейших землевладельцев, которому принадлежало 140 тысяч душ крепостных, графа Петра Борисовича Шереметева. С приданым дочери его Варвары Петровны в 1774 г. Карачарово перешло во владение графа Алексея Кириловича Разумовского, а он отдал село за своей дочерью Екатериной Алексеевной, когда она в 1811 г. вышла замуж за Сергея Семеновича Уварова. Неизвестно, кем и когда начато было строительство барской усадьбы. Теперь она числится на государственной охране как комплекс архитектурных памятников конца XVIII–начала XIX в., в который входят дворец, флигель, каретник, конюшня, хозяйственная постройка, парк, склад. От времени владения Шереметевых осталась грамота о том, как "1769 года июня 1-го дня... учинена межа города Мурома владений купцов и мящан от всех смежных посторонних земель как следует начало межи с смежною землею того ж Муромского уезда села Карачарово с селы и деревнями и пустошами владения Его Сиятельства Графа Петра Борисовича Шереметева"⁴. Теперь Карачарово, хоть и не изменило своего сельского вида, но вошло в черту города. Если с верхнего течения Оки подплывать к городу Мурому, расположившемуся на высоком левом берегу, то на одном из холмов можно видеть бывший господский дом. Высятся по крутому склону вековые сосны, каменная белая лестница ведет к дому. Вот только трудно назвать дворцом лишенное всех украшений здание.

Усадьба строилась и перестраивалась на протяжении всего XIX в. Это было единственное настоящее большое "дворянское гнездо" во всей округе. По одному из ранних планов площадь под ним была 152 на 105 сажен. Кроме господского дома был флигель – вотчинное правление; кухни, бани, хлебный магазин, коровник, конюшня, кузница, оранжереи. Воду с помощью водоподъемной машины брали в речке Сусловке, бежавшей в глубоком овраге.

В начале 1850-х гг. несколько лет провел здесь молодой

Алексей Сергеевич. В далекой провинции, в родовом поместье обрабатывал он материалы первых своих раскопок. В результате было издано два выпуска "Исследований о древностях Южной России и Черного моря". Начинаящего археолога не могли не увлечь и окружавшие его древности. Муром приближался в ту пору к своему тысячелетию, а за Окой возвышались старне курганы. Со свойственным Уварову размахом разворачиваются раскопки сразу по всей губернии и вскрывается 7729 курганов. Собранный материал был обобщен в исследовании "Меряне и их быт по курганным раскопкам".

Не только научные интересы владеют графом. Старейшим отцом на него возложено управление Карачаровским имением, и он разворачивает там устроительные работы. Пределы усадьбы, получившей название "Красная гора", несколько расширяются. По плану 1863 г. земли под ней состоит 10 десятин 800 квадратных сажен, дом соединен с флигелями полукруглыми галереями, разбито множество цветников. Приходилось решать вопросы и о барщине, и об оброках, хотя пахотной земли было немного, и главный доход шел с так называемых "лесных дач". Об этих работах рассказывают несколько сохранившихся документов. Например, письмо от 8 января 1851 г. о получении денег за выкуп (9 тысяч) крестьянина Тараса Фанталова. Бывший крепостной стал паромщиком, на Приокской улице в Карачарове стоит его двухэтажный дом, теперь полуразрушенный и пустой. В 1850 г. объявилась в селе некая поморская секта. В наказании граф был крут, распорядился: "Учителей этого раскола - в рекруты, ...неспособных - в смиренный дом, а женщин и девок, уклоняющихся от семейных обязанностей, употребить без очереди в работу по господскому саду".⁵

После 1885 г. Уваров надолго во Владимирскую губернию не приезжал. От отца своего он получил в наследство богатые имения, в том числе Поречье со всеми коллекциями и библиотекой, которые стремительно разрастались. Всевозможные редкости получал Алексей Сергеевич через своих посредников, чаще всего муромских, ежегодно скупавших для него книги на ярмарках: Нижегородской, Ростовской, Ярославской. Из отчета по Карачаровской волости за 1879-1880 гг. можно узнать, что "на покупку рукописей и древних орудий для графа Алексея Сергеевича потрачено 189 рублей 04 копейки"⁶. В 1877 г. Уваров сделал од-

но из важнейших своих открытий. В Карачаровском овраге, почти на территории усадьбы он нашел палеолитическую стоянку, одну из самых северных в Европе. Богатый материал по неолиту дали раскопки в нескольких километрах за Окой у деревни Волосово. Наблюдения за каменным веком России А.С.Уваров изложил в своем главном труде "Археология России. Каменный период". Книга его и более чем через сто лет используется археологами. Устарели многие выводы, но книга не потеряла значения как ценнейший свод археологических источников.

В 59 лет, уже тяжело больной, Алексей Сергеевич был полон планов, начинаний, идей. Осуществить их самому ему было не суждено — в декабре 1884 г. он умер. Достойным продолжателем дела стала супруга графа, его верная сподвижница и надежный секретарь Прасковья Сергеевна Уварова. Алексей Сергеевич всегда высоко ценил ее помощь, но при его жизни она не была членом Московского Археологического общества, поскольку он не хотел допускать туда дам, подавая пример принятием своей супруги. Однако именно она заменила его на посту председателя, а затем стала пожизненным бессменным председателем. П.С.Уварова — автор 174 работ по разным вопросам археологии и истории культуры. Она сама вела раскопки. Особым ее увлечением был Кавказ, ею подготовлено несколько объемных томов "Материалов по археологии Кавказа". Она составляла каталоги музеев и описания церковных ризниц, и все же гораздо большее значение, чем ученые труды, имеет ее деятельность в Московском Археологическом обществе. Обладая замечательным организаторским талантом, Уварова смогла более четырех десятилетий координировать и направлять деятельность столь серьезного научного общества, объединявшего самые разнообразные силы, занимавшегося исследованием памятников архитектуры и старинной русской утвари, икон и книг, произведений древнерусской литературы и фольклора. Огромной ее заслугой была организация девяти археологических съездов, работа по сохранению памятников. Поражает широта интересов и познаний этой удивительной женщины! Называли ее второй Дашковой. Она состояла почетным членом Российской Академии наук. Прасковья Сергеевна отличалась неутомимой энергией и непреклонным почти мужским характером. Во многом ей, конечно, помогало высокое положение в свете и немалые средства, которыми она располагала. Порой Уварова по-

крывала из своих средств расходы общества, даже не извещая о том правление, по три тысячи серебром в год вносила на уваровские премии при Академии Наук. Немалая часть доходов шла на пополнение коллекций. Поречье поддерживалось как музей.

Сама она большей частью жила в Москве, а в преклонных годах все чаще надолго отправлялась в Карачарово. Сюда съезжалось, особенно летом, все многочисленное семейство: давно уже взрослые дети, внуки, правнуки. Вместе с ней обычно жили две незамужние дочери, Прасковья и Екатерина, ставшие матери верными помощницами. Старшему сыну, Алексею, видимо, передано от деда стремление к государственной деятельности, он стал членом III Государственной Думы от Саратовской губернии. Второй сын, Федор унаследовал увлечение отца, стал археологом. О третьем сыне известно, что был он предводителем дворянства Смоленской губернии, где тоже были уваровские имения. Был и еще сын — Сергей, но он умер молодым. В Муроме от старожилов можно услышать рассказы об Уваровой, о ее простоте в обращении. Говорят, что ездила без кучера, не чинясь могла войти в любой дом. Если замечала в своем любимом Карачарове покосившийся дом, то справлялась у соседей о поведении хозяев и писала записку управляющему, чтоб дал лесу, а соседям просила помочь. Зато и строга была, узнав, что кто-то замечен в дурном поведении, пьянстве, воровстве, выселяла всю семью в дальнюю деревню. Карачарово содержала в образцовом состоянии. На самом высоком месте в селе стоит Троицкая каменная церковь, выстроенная в 1828 г.. В 1930-е гг. пытались ее взорвать, купол обрушился, но стены выдержали, а недавно отреставрировали колокольню. Приход был не из бедных — Уваровы среди вкладчиков. Рядом с церковью была больница, школа. В областном архиве хранится немало документов о благотворительной деятельности П.С.Уваровой, особенно о строительстве школ, больниц, о содержании за ее счет учительниц. Она сама посещала уроки, садилась за парту. Об этом вспоминает 86-летний карачаровский житель Михаил Алексеевич Гушин. (Гушины, между прочим, считаются потомками Ильи Муромца). Помнит он и как в числе других крестьянских детей был в имении на именинах. Усадьба в Карачарове была своеобразным культурным центром. Деятельность Уваровых способствовала пробуждению интереса к местной истории. Муремские краеведы знакомы были с Прасковь-

ей Сергеевной, пользовались ее постоянной поддержкой, а Н.Г. Добрынин стал членом Московского Археологического общества, участником археологических съездов. Приезжали в имение ученые, археологи из столиц. В.А.Городцов жил у Уваровых, когда в 1910 г. копал в Подболотне под Муромом. Сама графиня в эти годы археологических работ уже не вела, но на раскопах бывала. Ее постоянно занимала и судьба древних муромских храмов. О состоянии памятников она не раз делала сообщения в заседаниях общества: "Заявление об осмотре колокольни церкви Воскресения в Муроме", "Доклад об осмотре Троицкого храма в Троицком девичьем монастыре в г. Муроме", письмо "По вопросу об искажениях в Муромском Благовещенском соборе и восстановлении Козьмо-Дамьяновской церкви", "По вопросу о пристройке к Перемиловской Троицкой церкви Муромского уезда" и др.

После революции Карачарово попало в ведение уездного земельного отдела. В 1918 г. в имении создается одна из первых в крае коммун с экзотическим и, наверняка, непонятным крестьянам названием "Альтруист". Первые коммуны, как известно, просуществовали недолго. В усадьбе открыли дом отдыха "Карачарово". Во время Великой отечественной войны здесь разместились воинская часть, да так и осталась до сей поры. Ни внутренняя ни внешняя отделка дворца не сохранилась. Дом ветшает, на крышах прорастают березки. Исчезли редкие породы деревьев в парке, нет и следа от оранжерей.

Коллекции же, которыми был полон дом, судьба пощадила. В первые месяцы советской власти в конфискованном имении работала компетентная комиссия. В качестве эксперта по оценке художественного собрания был привлечен живший в Муроме академик живописи И.С.Куликов. Ценности передали в музей, который открылся 1 января 1919 г. в центре города в одном из лучших купеческих особняков, в доме Зворыкиных на Никольской улице (ныне Первомайская, 4). Выбор дома был не случаен, здесь еще до революции местными энтузиастами был основан небольшой музей. Семейство Зворыкиных относилось к числу муромской интеллигенции. Сам хозяин дома, пароходчик, Козьма Алексеевич, был директором банка, дети все получили высшее образование. Старший сын, уехав в Америку, стал знаменитым изобретателем, одним из создателей телевидения. Сестра его была замужем за В.И.Жадиным, впоследствии видным советским ученым-гидробиоло-

гом. Вот он-то и стал в 1918 г. первым заведующим Музеем местного края в Муроме, а затем возглавил Окскую Биологическую Станцию, разместившуюся все в том же доме Зворыкиных. Одним из первых руководителей музея был художник и коллекционер Иван Семенович Куликов, в 1920-е гг. работали в музее и старые краеведы В.Н.Добрынкин (сын Н.Г.Добрынкина), И.П.Мяздриков, приезжали специалисты из центра. Было кому оценивать и изучать уваровские коллекции и произведения древнерусского искусства, в огромном количестве поступавшие из разоренных церквей и монастырей.

Сейчас все самое замечательное из переданного 70 лет назад представлено в экспозициях Муромского историко-художественного музея, за исключением того, что в разные годы по распоряжениям свыше передано то в Горький - в музей, в архив или в библиотеку, то во Владимир. Однако наиболее интересное осталось в Муроме.

В художественном отделе перед нами открывается целая галерея фамильных портретов. Среди них сразу же привлекает внимание роскошной объемной золоченой рамой овальный портрет строгой дамы в голубом платье. Известный русский портретист Н.Е.Рачков писал Прасковью Сергеевну Уварову в начале 1880-х гг. в самом расцвете сил ее. Правильные, суховатые, но энергичные черты лица, прямой пробор русых волос, традиционная коса вокруг головы, благородная осанка, немного кружев, скромный букетик у корсажа - такова ученая графиня. Никаких украшений, кроме медали, которую и за украшение-то счесть нельзя - это медаль преподнесенная ее супругу на тифлисском археологическом съезде и переданная ей с надписью "Любимому сотруднику". Прасковья Сергеевна была урожденная княжна Щербатова, из древнего, но обедневшего рода. Мать ее происходила из рода князей Святополк-Четвертинских, бабушка - княжна Гагарина. Все эти рода восходят к Рюрику. В семье Щербатовых Прасковья, как старшая дочь, разделяла с матерью заботы о воспитании девяти сестер и братьев. Сама она получила хорошее домашнее образование. В числе ее учителей Ф.И.Буслаев - по русской литературе и искусству, Н.Г.Рубинштейн - по музыке, А.К.Саврасов - по рисованию. Чтоб представить себе юную княжну Щербатову, достаточно открыть роман "Анна Каренина" и перечесть сцену выезда на бал Кити Щербацкой. Княжна Прасковья была одним из

первых светских увлечений молодого графа Льва Толстого, и облик ее он запечатлел в Кито. Не так давно на IX выставке в реставрационном центре в Москве экспонировалась небольшая акварель из Государственного исторического музея (инв. № ГИМ 57520), на которой изображена совсем юная княжна Щербатова. Она в светлом платье, с осиной талией, девичье лицо обрамляет коса. На обороте рамки графиня Уварова приписала своей рукой: "Я гораздо лучше была"⁷. Удивительно, но на фотографиях, где ей восьмой десяток лет, она все еще с той же прической. Небольшая, казалось бы, деталь, но разве не говорит она о цельности характера, о постоянстве привычек и вкуса.

В Карачарове были подобраны портреты наиболее знатных и влиятельных родственников. На портрете неизвестного художника красивый в пудреном парике аристократ XVIII века - это князь Антон-Станислав Святополк-Четвертинский, прадед Прасковьи Сергеевны. Он принадлежал к числу видных деятелей последних лет существования Речи Посполитой, и в 1794 г. был повешен поляками за приверженность российской политике. Дети его воспитывались при русском дворе. Сын, Борис Антонович, дед Прасковьи Сергеевны, служил в гвардии. Портретов его найти пока не удалось, только у дальних родственников в Москве хранится маленькая репродукция с подлинника, находящегося за границей. Немало лестных слов посвящено современниками его сестре, известной красавице Марии Антоновне в замужестве Нарышкиной. Ее романтический образ воссоздан искусной кистью Сальватора Тончи. Такой же, как в Муроме, ее портрет есть в музее Павловска под Ленинградом. Муромский портрет нет оснований считать копией. Замечательная проработка, живописные приемы не оставляют сомнений в подлинности работы самого Тончи, можно лишь говорить об авторском повторении. Немолодым и неблистательным в домашнем халате изобразил неизвестный художник ее мужа, одного из богатейших и знатнейших вельмож екатерининской эпохи, Дмитрия Львовича Нарышкина, печально прославленного "магистра ордена рогоносцев". Ни для кого в свете не был тайной негласный союз его прелестной супруги с императором Александром I. Один из многочисленных портретов царя, созданных А. Лямпя, принадлежал Уваровым. Брат фаворитки тяжело переживал положение, занятое при дворе сестрой. По семейному преданию, од-

нажды он не подал руки Александру I и, заявив, что не может вызвать на дуэль своего государя, надолго удалился от света. Впрочем, к сестре он сохранил дружеские чувства, находился с ней в переписке, но никогда больше не виделся. Не оказалось в фамильной галерее портретов ни отца ни матери Прасковьи Сергеевны.

Ряд портретов представляют родственники по линии А.С.Уварова. Жестко и несколько надменно смотрит Сергей Семенович Уваров с парадного портрета, исполненного Вильгельмом (Василием) Голике, художником, который в качестве подмастерья знаменитого Д.Дюи был одним из создателей галереи героев войны 1812 года и прошел прекрасную школу портретиста. С.С.Уваров — отец археолога, государственный деятель, министр просвещения пушкинского времени. Ни один исследователь той эпохи не обходит вниманием эту одиозную фигуру. Уделяют ему обычно внимание как одному из главных гонителей А.С.Пушкина, высмеянному великим поэтом в эпиграмме "На выздоровление Лукулла", как автору формулы "самодержавие, православие, народность". Европейская образованность уживалась в этом человеке с мелочной скарелностью, крайняя реакционность сочеталась с порывами к реформаторству. Род Уваровых незнатен и небогат, родословная предков довольно темна, но крестной матерью Сергея Семеновича была Екатерина II, родство с князем А.Б.Куракиным обеспечило его первые успехи, а брак с графиней Екатериной Алексеевной Разумовской в полном смысле "составил fortuna его". Любимая фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны, графиня была значительно старше супруга и не из первых красавиц, но в приданое принесла часть несметных богатств Разумовских и влиятельные связи в свете. Она подарила мужу, выкупив у дядей, братьев отца, имение Поречье, пожалованное государыней Елизаветой Петровной Алексею Разумовскому. На портрете неизвестного художника XIX в. Е.А.Уварова изображена в глубоко открытом красном платье с высокой талией по моде начала века, шаль у плеча скотата алмазным вензелем "ЕА". Именно благодаря вензелю портрет вошел в альбом "Русские ювелирные украшения XVI—XIX веков"⁸. В альбоме воспроизведен подлинник, хранящийся в ГИМ. В Муроме, следовательно, находится копия. Становится понятным почему так невыразителен образ Екатерины Алексеевны, как-то сглажены индивидуальные черты, плоскогато прописана фигура,

одежда.

Еще несколько портретов позволяют сделать экскурс в глубь родословной Разумовских. Впрочем, корни их генеалогического древа прослеживаются лишь на три поколения. Мать археолога была дочерью министра Алексея Кириловича и внучкой последнего гетмана малороссийского Кирилы Григорьевича Разумовских, правнучкой простой казачки Наталки Розумихи. Портреты последней в XVIII в. были очень популярны. В основном это были копии полотна Г. Стеценко, ее "придворного" художника, писавшего мать всесильного любимца императрицы Алексея Разумовского в малороссийском костюме и с миниатюрным изображением государыни, украшенном бриллиантами на андреевской ленте. Миниатюра говорит о том, что она пожалована в статс-дамы, но ни в одном списке статс-дам мы не найдем Наталью Демьяновну Разумовскую. Автор муромской копии неизвестен, и она весьма далека от совершенства. Был у Уваровых и парадный портрет Елизаветы Петровны, которой предки их обязаны были фантастическим возвышением. На нем — царица в полный рост в горностаевой мантии со скипетром и державой. Эта копия XVIII в. находится теперь в запаснике муромского музея. Род Разумовских в России угас еще в XIX в. Графов Уваровых не значится в справочниках по генеалогии русской эмиграции. Потомки их носят другие фамилии. Может быть, в каком-то уголке Европы хранят семейные уваровские тайны, "преданья старины глубокой", а в Муроме многие портреты остаются пока неатрибутированными.

Недавно удалось установить, что неизвестная старая дама с пронзительным взглядом, в пышном чепце и в буклях на портрете неизвестного художника начала XIX века — это Наталья Кирилловна Загряжская, урожденная Разумовская, старшая дочь гетмана. Некрасива, сутуловата, почти горбата и, в то же самое время, обаятельна, пользовалась большим влиянием — такой описывают ее современники. Пушкин не отрицал, что в его Пиковой даме многое взято от Натальи Кирилловны, с которой он состоял в дальнем родстве. Пушкинистам известно несколько ее акварельных изображений. При сличении их с неизвестным фамильным портретом выявляется несомненное сходство. Итак получается, что археолог Уваров приходился двоюродным внучатым племянником "Пиковой даме"? Окончательную атрибуцию можно сделать, лишь если найдутся тому подтверждения в семейных ар-

живах. Неизвестным остается бравый военный на портрете первой половины XIX в., не найдены имена многих художников.

Перебирая родственную цепочку, замечаем, что не хватает главного конечного звена – портрета самого археолога Уварова. Известны лишь его посмертные портреты, один, 1885 г., находится в Государственном историческом музее, другой, написанный в 1916 г. И.С.Куликовым – в Муроме. Художник не только пользовался фотографиями, но и писал иногда "с натуры" – ему позировал сын археолога Федор, очень похожий на отца. Заказан был Куликову и портрет Прасковьи Сергеевны. На фотографиях, хранящихся у дочери художника, зафиксирован процесс работы – графиня позирует в старинном кресле. Неизвестно, был ли ее портрет закончен, но портрет Алексея Сергеевича она не успела выкупить в связи с революционными событиями, и он попал в музей с наследием художника. Большие парные акварельные портреты Уваровых были выполнены в Берлине, ее в 1898, его в 1889 г. На них читается подпись художника – Scharwächter (Шарвехтер – ?). На двух мраморных барельефах они представлены в профиль, молодыми, обращенными друг к другу. Небольшой гипсовый профильный портрет Алексея Сергеевича экспонируется в историческом отделе музея рядом с его книгой "Археология России". Три года назад реставраторы тщательно расчистили акварельный портрет размером в альбомный лист, датированный 1854 г., неизвестного автора. На нем молодой человек с усиками и бакенбардами, одетый в венгерку. Буквы внизу "АУ", которые до реставрации разобрать не удавалось, естественно, навели на мысль, что это тридцатилетний Алексей Уваров. Внешнее сходство подтверждает этот вывод. И совсем юношей он запечатлен на акварели Нечаева.

Уваровское собрание живописи складывалось на протяжении жизни нескольких поколений и рассредотачивалось по разным именам, но главным центром оставалось Поречье. В "Указателе Порецкого музеума" 1853 г. упоминаются первоклассные имена. Немало прекрасных произведений украшало карачаровский дворец. Среди наиболее интересных – "Монах" испанского художника XVII в. Хусепе Рибейра. Сумрачная зеленовато-коричневая гамма, в которой выдержаны одежда и фон, подчеркивает аскетизм изможденного монаха, устремившего взор ко Всевышнему и прижимающего к груди грамоту с надписью Charties – милосердие. Эта

работа очень характерна для Гибейры, создавшего немало образов старых суровых монахов. На полотнах западноевропейских мастеров чаще всего мы видим сюжеты из священной истории. Картина Доссо-Досси "Святой Иероним" (первая половина ХУП в.) построена на традиционной символике. В теплых охристых тонах написан отшельник у своей пещеры. Перед ним песочные часы, в левой руке – череп, правой он опирается на книгу – Иероним причислен к лику святых за перевод Библии. В верхней части картины, как напоминание об отвергнутой мирской суете – светлый город, холмы и море вдалеке. Небольшое, с многофигурной плотной композицией и красноватым колоритом полотно "Спасение Моисея" представляет школу Рубенса. Неизвестным фламандским мастером ХУП в. создано одно из наиболее значительных произведений в коллекции – "Портрет старика". Крупным планом очень достоверно, со всеми приметами старости и нелегкой жизни запечатлел художник простого фламандца. В ХУИ в. написан портрет молодого итальянского аристократа. Как бы из непроницаемой глубины высвечен холерный надменный лик, гордо поднята голова, на темном бархате выделяется пухлая рука и белая перчатка. По старой уваровской аннотации, портрет считался произведением Анжело Бронзино. Однако в музее пришлось авторство исправить, поскольку в Эрмитаже подобный портрет атрибутирован Якопо Пальма Старшему. Наиболее раннее в коллекции – "Распятие" конца ХIУ-начала ХУ в. на дереве, исполненное итальянским мастером круга Джотто. Венчает собрание западно-европейской живописи прекрасный образ "Мадонны", созданный знаменитым итальянским художником ХУШ в. Джованни Батиста Тьеполо, автором грандиозных циклов монументально-декоративных росписей и крупных живописных композиций. В его наследии необычно выглядит это камерное проникнутое теплым чувством полотно, на котором извечной нежностью и тревогой воедино связаны Мария, Младенец-Иисус и Иоанн Креститель.

Создания великого Рафаэля можно видеть в искусных миниатюрных копиях, сделанных немецкими художниками в ХIХ в. "Мадонна в кресле", "Мадонна в саду", "Иоанн Креститель", "Папа Лев X". На двух миниатюрах – итальянские мадонны, на одной – копия с "Юдифи" Бронзино. Написаны они в сложной технике на особом прочном картоне и заключены в роскошные тяжелые рамки из золоченой бронзы. Целый зал занимает коллек-

ция акварелей итальянских и немецких мастеров XIX в., писавших городской пейзаж, дворцы и площади, интерьеры соборов. Многообразием оттенков запоминаются сепии Виланелли (Внутренний вид итальянской церкви), ювелирным исполнением поражает "Библиотека в Ватикане" неизвестного художника, прописавшего все мельчайшие подробности в росписях на сводах библиотеки, а рядом романтические итальянские виды, горные цепи и долины Рим и Венеция – на акварелях Корроди, Майнелла, Пассини, Мюллера, Линдемана.

Из произведений русских художников первой половины XIX в. кроме портретов заслуживают внимания мифологического сюжета полотно А.Иванова (1775–1848) "Похищение Ганимеда" и карандашный эскиз Карла Брюллова к картине "Последний день Помпеи" близкий к окончательному варианту.

Приобретали Уваровы не только старые, проверенные временем шедевры, но и картины русских художников своих современников. В муромской коллекции оказались в основном небольшие пейзажи. В рисунках пером "Лес" и "Стадо овец" по точности изображения каждой детали, листочка или травинки безошибочно узнается И.И.Шишкин. Романтической эффективностью удивляет акварель А.К.Саврасова "Горное озеро в Швейцарии" (1864 г.). Здесь и традиционный морской вид Н.Гриценко, и малороссийский пейзаж с ветлами и аистами С.И.Светославского. Сочностью пестрой палитры выделяется А.Архипов – в музее авторское повторение его картины "На Оке". Живописно раскинулись крестьяне в широкой лодке, врезавшейся в залитую солнцем спокойную гладь реки.

Рядом с небольшими восточными этюдами В.Д.Поленова особенно восхищает размахом и глубиной его большое полотно "Мечта" (1899 г.). В картине все реалистично и одновременно индизательно. На переднем плане скалистый выжженный берег, крупными чистыми мазками прописаны пробивающаяся у воды трава, серо-голубая дымка скрывает противоположный берег, сливающийся с небесной высью. На этом светлом фоне четко вырисовывается силуэт путника в белом хитоне и темном плаще, присевшего на камни. Взгляд его обращен вдаль, в неведомое нам, но открытое ему. Путник, конечно, – Христос, а позировал для этого образа И.И.Левитан⁹.

Карачаровский дворец обставлен был мебелью разных стилей

и направлений¹⁰. В гостиной, судя по фотографиям, располагалась резная мебель из мореного дуба. Массивный друстворчатый шкаф-гардероб с пышным навершием, весь покрытый рельефными крупными гирляндами ветвей, трав и листьев, датируется концом XVII века. К эпохе "аннинского" барокко относятся 12 стульев и одно кресло с прямыми спинками из точеных и резных деталей, завершенными гербовой символикой: щитами, коронами, львами, амурами. Они ориентированы на северогерманские образцы, изготовлены могли быть русскими мастерами, но есть аналоги гданьских мастеров. Мебель частично реставрирована, а на сиденьях оставлена подлинная бархатная обивка, очень ветхая и выцветшая. Один из двух столов мореного дуба особенно замечательно изукрашен: витые ножки, виноградная лоза вокруг крышки и роза ветров на столешнице. У двух из четырех жестких диванов-ларей есть высокие спинки, заполненные рельефами со сценами охоты у средневекового замка. Два дубовых дивана с мягкими сиденьями сохранились не полностью и находятся в запасниках в разобранном виде. К петровскому времени относится дубовый стол, сделанный на основе голландских и старорусских образцов, с точеными с шарообразными утолщениями ножками, с двумя подстольными ящиками и раскладной столешницей. Больше всего мебели начала XIX в., фанерованной красным деревом с простым декором в виде узких латунных полос: круглые, полукруглые и квадратные столы, диваны, стулья; бюро с откидной дверкой, скрывающей множество мелких ящичков и полочек; письменный стол Прасковьи Сергеевны, изящный, сложного устройства, с выдвигающейся чертежной доской, внутренними ячками и тайниками. Из мягких диванов, кресел, стульев состоит набор мебели вишнево-красного дерева в стиле эпохи классицизма, отличающийся легкой конструкцией, гнутыми ножками и медальонами с профилем и вензелем Екатерины II. Традиционна была для русских провинциальных усадеб мебель из карельской березы: удобные диванчики, кресла, круглые столики на одной стойке, высокие трюмо. К сожалению, на мебели из Карачарова утрачены все накладные детали и заменена обивка, что не позволяет ее определенно датировать. В коллекции представлено несколько предметов изысканной ореховой инкрустированной мебели: пристенные вычурные столики в стиле рококо, парные комодики, покрытые инкрустациями деревом контрастных тонов и

слоновой костью, по сюжетам имитирующим китайскую живопись.

В фонде редких книг музейной библиотеки в высоких, от пола до потолка, застекленных шкафах разместились уваровские книги. Их библиотека была одной из самых крупных в России и занимала целый этаж в Поречье. Установить, какая ее часть хранилась в Карачарове, невозможно, потому что в музейных актах передачи количество указывалось в ящиках. Из 25 тысяч книг, накопленных в музее, сейчас выявлено около двух с половиной тысяч томов, имеющих какие-либо признаки уваровского собрания: экслибрисы, монограмму "АУ" или "ПУ" на корешки, маргиналии, автографы. Многие книги в характерных строгих переплетах, темно-зеленых кожаных или в картонных с коричневым и желтым кожаным корешком, за исключением нескольких роскошных изданий, оправленных в тисненую золоченую кожу. Большая часть книг на русском языке, но и иностранных около 800, на французском, немецком, английском, испанском, польском, латинском, итальянском языках. Очень интересен подбор книг. Это, видимо, рабочая часть библиотеки, книги, которыми пользовались постоянно, причем не только владельцы, но и приезжавшие ученые гости, муромские краеведы и любители древностей, даже будущим учительницам дозволялось готовиться к экзамену. Здесь находим труды М.П.Погодина, Н.А.Полевого, Н.И.Костомарова, С.М.Соловьева и других историков, первое издание древнейшей русской рукописной книги "Остромирово Евангелие", тома "Полного собрания русских летописей", "Акты исторические", "Акты юридические", труды археологических съездов и издания Московского Археологического общества, прекрасную подборку по фольклору, исследования А.Н.Афанасьева, П.В.Киреевского, В.И.Даля - все самое замечательное, что создано было в XIX в. по русской истории.

Около 300 книг с автографами. Некогда были они приподнесены Уваровым, Прасковье Сергеевне и Алексею Сергеевичу. Несколько книг адресовано их детям: по одной Федору, Прасковье, Екатерине, три - Алексею. Матери археолога подарил двухтомник своих сочинений, вышедший в 1824 г., В.А.Жуковский. На шмуц-тителе в первом томе - надпись рукой поэта "Ее превосходительству Екатерине Алексеевне Уваровой от сочинителя" (фонд редкой книги № М 849). В книге В.И.Даля "Были и небылицы казака Владимира Луганского" на отдельном листе вслед за титульным

впечатано посвящение Сергею Семеновичу Уварову: "Высокоименитому вотчиннику села Карачарова" (фонд редкой книги № М 5000/1211). Среди "былей" опубликована своеобразная прозаически изложенная биография Ильи Муромца. А.С.Уварову адресованы дарственные надписи на 54-х книгах. В большинстве своем это краткие официальные обращения, преисполненные почтительности и уверений в искреннем уважении и выражения благодарности. Каждый член Московского Археологического общества спешил приподнести новое исследование председателю. Автографы находим на трудах Д.И.Иловайского, Д.Я.Самоквасова, Ф.И.Буслаева, А.Н.Афанасьева, Архимандрита Амфилохия, А.А.Аристов, М.Н.Березкова, И.Е.Забелина, В.С.Иконникова, М.А.Максимовича, А.А.Потебни. Мстерский издатель крестьянин Иван Гольшев в своей книге "Дубочные старинные народные картинки" приложил витиевато-почтительное письмо Алексею Сергеевичу. На первом томе "Древней русской истории" М.П.Погодина приклеена записка, в которой он просит найти ему в Поречье уголок, чтоб "из московской суеты уехать в уединение (фонд редкой книги, № М 5000/487). Книги, вышедшие после 1884 г., т.е. после смерти Уварова, дарились новому председателю - графине Уваровой. 236 книг надписано видными русскими учеными, исследователями и издателями, среди них труды В.Ф.Миллера, Е.В.Барсова, А.А.Шахматова, Н.П.Лихачева, П.К.Симони. Всего встречаются автографы 127 лиц - это все свидетельства признания авторитета и значения Уваровых в ученом мире.

Мало что осталось от карачаровского архива. Хозяйственные документы, переписка (в основном на французском языке) хранятся в Государственном архиве Владимирской области (фонд 631). То, что попало в музей, особенно не берегли. При дефиците бумаги в дело пускали чистые листы из книг, неиспользованные обороты документов, писем, гравюр, старые бумаги шли и на растопку. В тридцатые годы в экспозицию помещали только те материалы, которые доказывали, что Уваровы крепостники и "душители русской культуры": купчие крепости, закладные, а для контраста графское праздничное меню. Уцелело буквально несколько десятков листов, часть упоминалась выше, а также, например, письма кадета Е.А.Челнокова за 1911 г. о борьбе в Думе, об убийстве Столыпина, адресованные Екатерине Алексеевне; ее удостоверение на право находиться в помещении Думы;

приглашение Прасковье Алексеевне, "дежурной фрейлине ее высочества" к обеду в Грановитую палату; предвыборная программа Алексея Алексеевича, в которой он касается вопросов свободы личности и печати и малоземелия крестьян; его же свидетельство на золотую медаль от Сельскохозяйственного общества юго-восточной России. В корочки с золоченым тиснением вложен почетный адрес к дню рождения Прасковьи Сергеевны, полученный из Эривани в 1907 г. "От имени 34-х наших товарищей-экстернов шлем Вам горячее русское спасибо и пожелания долго жить, здравствовать и продолжать Вашу полезную работу на ниве народной за то, что Вы открыли доступ в университет" (коллекция документов Уваровых № М 98II). Наука, политика, великосветские обязанности, агрономия, общественная деятельность, благотворительность - все члены семьи активны и деятельны, и эти документы яркое подтверждение тому.

В 1918 г. комиссия осматривала комнату за комнатой в оставленном владельцами карачаровском дворце, самое ценное заносся в акт на передачу в музей. Из археологических вещей упомянуты в нем лишь античные терракотовые статуэтки, привезенные графиней из Смирны в 1902 г. Из них хорошо сохранились два маленьких светильника (II-I вв. до н.э.), сосуд для масла, форма для отливки фигур, крошечный сидящий Бахус, остальное - фрагменты: женские, мужские головки и торсы.

Часть уваровских вещей, особенно ткани, посуда, мебель, разошлась по селу. Порой и теперь можно услышать, что у кого-то в сарае есть стол графини Уваровой, а лет 15-20 назад московские коллекционеры скупали у карачаровских старушек старинный фарфор. Предметы декоративно-прикладного искусства, наполнявшие интерьеры карачаровского дворца, составили основу многих коллекций Муромского музея. Приезжие посетители, как правило, бывают приятно удивлены, не ожидая встретить в районном музее такую роскошь, как французская ампирная бронза: золоченные оксидированные вазы-кувшины, люстры и канделябры, каминные украшения в виде античных воинских доспехов, чаши лондонской и парижской фирм конца XVIII - начала XIX вв., копию скульптуры "Меркурий" Джамболоньи и другие скульптуры. Из уваровского фарфора показано только то, что и в прошлом веке считалось коллекционным: чашки и блюда императорского завода в греческом стиле, расписанные как краснофигурные и

чернофигурные вазы; чайная посуда и редкий флакон фирмы Гарднера; три пестрые вазочки, украшенные лепными цветами и птичками; из немецкого фарфора – табакерки с сюжетной росписью, парные вазочки с лепными амурчиками; из французского – часть севрского сервиза, редчайшие тарелочки марки Даготти, тарелки с сюжетами из времен Наполеона; английские тарелки марки Веджвуд.

Невозможно, разумеется, даже самое интересное перечислить из того, что представлено в экспозициях или хранится в фондах, тем более, что специалистам еще предстоит немало работы по исследованию замечательной коллекции, собранной археологами Уваровыми. К сожалению, не стало музеем ни Поречье, ни Карачарово. Есть надежда, что военное ведомство выведет воинскую часть из Карачарова, и тогда можно будет начать восстановление усадьбы и создать там новый культурный центр. Восстановлена пока лишь добрая память о двух русских ученых прошлого века, посвятивших жизнь служению науке, изучению и спасению памятников истории и культуры России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Соболевский А.И. П.С.Уварова. 1840–1924 // Известия Российской Академии Наук. М., 1925. Серия XI. Т.ХІХ. С.144.
2. Толстой А.К. Соч. В 2-х томах. М., 1981. Т.І. С.206.
3. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Владимир, 1897. Вып.4. С.206.
4. Муромский историко-художественный музей (МИХМ), коллекция документов Уваровых. № М 9605.
5. Там же. № М 9804.
6. Там же. № М 9735.
7. Каталог IX выставки произведений искусства, реставрированных ВХНРЦ им. И.Э.Грабаря. М., 1988. С.107.
8. Русские ювелирные украшения XVI–XX веков. М., 1987. С.155. Инициал А. указан ошибочно.
9. Хлебов Г. Муромская коллекция // Художник, 1974. № 8.
10. Гладкая М., Скворцов А. Русская мебель из Муромского музея // Декоративное искусство, 1976, № 4.

УРАЛЬСКИЙ АРХЕОЛОГ М.В.МАЛАХОВ

31 июля 1877 г. в Казани открылся IV археологический съезд – научная конференция, собравшая 330 ученых и любителей старины. Больше всего здесь было москвичей, петербуржцев и казанцев, но приехали представители и пятидесяти других центров – от зарубежных столиц – Парижа и Вены – до захолустных городков Европейской России – Елбуги, Спасска, Уржума, Вязьмы, Рославля. Единственным делегатом был представлен уездный город Пермской губернии Екатеринбург – нынешний Свердловск. То был М.В.Малахов, приехавший с докладом о курганах этого региона.

Доклад впоследствии напечатали¹, но на съезде он прочтен не был. Можно догадаться почему: организаторы съезда с удивлением увидели, что докладчик всего навсего недоучившийся гимназист. Через семь лет, когда вышли в свет "Труды IV археологического съезда", автор успел уже завоевать известность в научном мире. А через полгода его не стало. Менее десяти лет суждено было заниматься изучением природы и истории Урала этому одаренному человеку. И все же свой след в науке он оставил. Мне хочется рассказать о жизненном пути М.В.Малахова и попытаться определить, какое место занял он в истории отечественной археологии.

Смерть молодого талантливого ученого вызвала ряд откликов. Наиболее подробные некрологи опубликовали писательница Любовь Христофоровна Симонова (1838–1906)² и известный в будущем писатель Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк (1852–1912)³. Список других некрологов можно найти в справочнике С.А.Венгерова,⁴ портрет – в "Еженедельном обозрении" (1885, №97, стр.319).

Михаил Викторович Малахов родился 4 июня 1856 г. (ст.ст.) в семье горного инженера Нижне-Исетского завода в 12 верстах от Екатеринбурга. Уже в гимназии в уездном городе проявился интерес юноши к естественным наукам и археологии. В середине XIX века это не были обособленные области знания. Разночинцы-просветители из поколения шестидесятников, вроде Д.И.Писарева, пропагандировали в обществе достижения эволюционной теории в полном объеме, используя данные как зоологии, ботаники.

геологии, так и первобытной археологии. Собирая сведения о насекомых и пресмыкающихся, о периодических явлениях в жизни природы Среднего Урала, Михаил Малахов не оставил без внимания и материалы о древностях этого края.

Археологическое изучение Среднего Зауралья началось в XVIII в., когда горный инженер Вилим де Генин (1676–1750) и академик Петр Симон Паллас (1741–1811) описали некоторые памятники старины в окрестностях Екатеринбурга. В городе, еще очень небольшом (к концу XIX века в нем было 37000 жителей), среди служащих горных заводов были образованные люди, с 1869 г. существовало Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ). Туда входили и коллекционеры редкостей. Существовал свой антикварный рынок. Более того, на Среднем Урале раньше, чем где-либо в России были проведены раскопки на стоянке каменного века. Речь идет об исследованиях Полуденки под Нижним Тагилом преподавателя Выйской гимназии Иродиона Матвеевича Рябова (1811–1863) в 1837 г. и главного кассира Нижнетагильского завода Дмитрия Петровича Шорина (1817–1903) в 1845 г.

Все же от этих первых опытов до сложения научных представлений о древнейшей истории Урала было далеко. Рябов и Шорин привлекли к Полуденке своеобразные насыпи – "богатые бугры". Раскопать предполагалось курганы, а не поселение каменного века. Рябов нашел "орудие из твердого зеленого камня, с одной стороны заостренное, похожее на широкий нож", но не определил, в какую эпоху оно изготовлено.⁵ Точно также Паллас, отметив следы древних горных разработок, так называемых "чуждских копей", под Екатеринбургом, не дал ответа на вопрос, когда же здесь добывали медную руду.

В середине XIX века положение изменилось. В результате раскопок во Франции, в Дании и Швейцарии вошла в употребление "система трех веков" – каменного, бронзового и железного, возникло представление о двух этапах эпохи камня – палеолите и неолите. Основные труды по первобытной археологии перевели на русский язык. Некоторые из этих книг дошли до екатеринбургского гимназиста Малахова. В позднейших своих статьях он ссылаясь на "Доисторический быт человечества и начала цивилизации" Эдуарда Тайлора (М., 1868) и на "Доисторические времена" Джона Леббока (М., 1876). Один из преподавателей Екатеринбургской гимназии и основателей УОЛЕ Онисим

Евгеньевич Клер (1845–1920) – швейцарец по происхождению – рассказывал ученикам о раскопках свайных построек на озерах Швейцарии.⁶ Идеи ученых-эволюционистов позволили юному уральскому любителю Малахову сделать важный шаг в осмыслении местных древностей. В 1874 г. он добывал у деревни Палкино неподалеку от Верхнеисетского завода. Здесь при ладоискательских раскопках уже находили каменные орудия. Вероятно, в руки Малахова их попало не больше, чем к Рябову и Шорину. Но в отличие от них он понял, что это не случайное скопление древних предметов, а следы первобытного поселения, стоянки каменного века. Об этом он и хотел рассказать на Казанском археологическом съезде.

Сборы и небольшие раскопки близ Палкина Малахов продолжал и в 1875, 1876, 1878 гг. Вскоре он узнал и о других аналогичных находках на Аятском озере. Так наметились первые контуры представлений о каменном веке Урала. Возникло предположение, что чудские копи отражают следующий этап его истории – бронзовый век. Краевед Малахов был еще неопытен: принял за курганы городища – остатки древних укреплений, расположенные рядом с Палкинской стоянкой, но в целом он шел по верной дороге.

Занятия наукой поглощали все время и силы гимназиста. Уже увидели свет его первые заметки на биологические темы.⁷ А казенное учение не шло. Михаил демонстративно отказывался учить древние языки. Это не свидетельствовало о лени или неспособности гимназиста. Здесь чувствуются установки писаревской школы: культ естествознания и ненависть к "болтовне", к какой Писарев относил и зубрежку древних языков. В итоге на гимназической скамье Малахов задержался до 1877 г. и расстался с ней в возрасте двадцати одного года, так и не получив аттестата.

Можно было продолжать свои изыскания, не покидая родных мест. Михаил нашел друзей и наставников среди членов возникшего в 1869 г. Уральского общества любителей естествознания (где состоял и его отец)⁸, прежде всего в лице Наркиса Константиновича Чупина (1824–1882)⁹ и О.Е.Клера, в 1879 г. сам был избран членом общества, печатался в его изданиях. Но юношу влекло в столицу, в центр научной жизни.

В 1877 г. Малахов стал вольнослушателем естественного отделения Петербургского университета. По свидетельству Д.Н.Мамина-Сибиряка, туда его устроил ректор университета Карл Фе-

дорович Кесслер (1815–1881), познакомившийся с работой молодого исследователя о раках. Выводы статьи были чужды для старого ученого, но он понял, что автор – одаренный человек, заслуживающий поддержки. Лекции Михаил посещал всего два года. Хотелось самостоятельности. Начинающий ученый мечтал о собственных больших экспедициях. Поэтому, не порывая с университетом (в 1879–1883 гг. он был хранителем музея университета), Малахов связал свою судьбу с Русским географическим обществом (РГО). Уже в 1879 г. он сделал доклад на отделении этнографии РГО о своих находках в Палкине, был принят в члены-сотрудники РГО и назначен секретарем этого отделения.

В 1880 г. Малахов составил план многолетнего изучения Урала в зоогеографическом и археологическом отношениях и представил его председателю отделения этнографии РГО Леониду Николаевичу Майкову (1839–1900). Малахов подчеркивал, что хорошо знает коллекции музеев Казани, Петербурга и Москвы (он участвовал в Антропологической выставке 1879 года)¹⁰ и имеет достаточное представление о каменном веке. На Урале он предполагал обследовать пещеры, курганы, городища, чудские копи и так называемые костища. В пещерах хотелось найти такие же следы обитания палеолитического человека, как во Франции. В костищах – скоплениях расколотых людьми костей, выявленных на ряде уральских рек, – виделось что-то аналогичное кьеккенмеддингам – раковинным кучам, обнаруженным в Дании по берегу моря и оставленным собирателями и охотниками мезолитического и неолитического времени.

Географическое общество выделило средства на экспедиции, и в 1880–1882 гг. Малахов обследовал значительную территорию Северного, Среднего и Южного Урала.¹¹ Отправной точкой всегда был родной Екатеринбург. Здесь в начале лета 1880 г. Малахов услышал об интересных находках, сделанных в 1879 г. при поисках золота на Шигирском торфянике под Невьянском. 9 июня он приехал туда и сумел найти в толще торфа слой с древними орудиями из кости, столь редко сохраняющимися на стоянках каменного века и уцелевшими тут благодаря консервирующим свойствам торфа. Так был открыт один из важнейших археологических памятников Урала.

Основной маршрут экспедиции был начат 7 июля и шел из Екатеринбурга на северо-запад к Богословскому заводу, через хребет в бассейн реки Вишеры в Прикамье. За четыре месяца

было обнаружено более 50 археологических объектов, в том числе четыре стоянки каменного века, заложены раскопы на двенадцати городищах.¹²

В 1881 году работы велись в Вятской и Оренбургской губерниях. В Вятской – вместе с профессорами Казанского университета Александром Антоновичем Штукенбергом (1844–1905) и Степаном Кировичем Кузнецовым (1854–1913) Малахов побывал на известном с 1858 г. Ананьинском могильнике и на городищах Чертовом, Пьяный бор, Атамановы кости, Ройский шихан. При этом молодой ученый разобрался в двух важных вопросах. Костища – вовсе не такие ранние памятники, как ему казалось вначале. Это поселения и жертвенные места железного века. К эпохе железа, а не бронзы относится и Ананьинский могильник, давший множество вещей из бронзы и потому казавшийся первым исследователям очень древним.¹³ Городища Малахов уже верно расценивал как остатки поселений и связывал с железным веком.

В Пермской и Оренбургской губерниях Малахов обследовал пещеры по рекам Салда, Тагил, Лай, Исеть, Миас, но слоев каменного века не обнаружил. Зато по берегам озер оказалось много стоянок этого времени. Тем самым были определены условия, наиболее благоприятные для поисков поселений первобытного человека на Урале.

Были осмотрены древние горные разработки на Чусовой, Сосьве и озере Багаряк на Южном Урале. Из дел Екатеринбургского горного архива XVIII века Малахов выписал сведения об археологических находках, сделанных тогда в чудских коях. Они касаются главным образом Гумшевского рудника, где в разные годы находили части деревянных креплений, лучину для освещения штолен, сумки из лосиной кожи для выноса руды, берестяную чашу, кожаные рукавицы, шапку из соболя и части шубы. Одежда и кости людей свидетельствуют о том, что штольни иногда обрушивались и погребали рудокопов. Архивные изыскания Малахова дали в руки археологов не учитывавшийся ранее источник – старые записи о находках всяческих древностей.

Около месторождения меди Багаряк Малахов раскопал несколько могильных сооружений, по рекам Вишере, Тагилу, Режи, Исети осмотрел древние росписи на скалах, в Кудымкаре нашел скопление средневековых идолов.¹⁴

Маршрут экспедиции 1882 г. пересек Урал с юго-запада на северо-восток, от Бисертского завода к реке Исе в Ирбитском

уезде. Изучались костыща, пещера с росписями на стенах, Миасская пещера у Троицкого Оренбургской губернии, могильник с каменными сооружениями в урочище Воробьевы горы в Миасском уезде. Вновь побывал Малахов на Аятском озере и в районе Верхотурья.

За экспедицию 1881 г. Русское географическое общество наградило Малахова серебряной медалью, а за полевой сезон 1882 г. — золотой.

Осенью 1882 г., проведя ночь под дождем на горе Качканар, Малахов сильно простудился. Вспыхнул туберкулез. В трудные экспедиции ездить теперь было нельзя. Подорвала здоровье и голодная юность, когда, по словам Д.Н.Мамина-Сибиряка, Малахов питался только хлебом с чаем. Университет выхлопотал у правительства пособие на лечение. Лето 1883 г. больной провел частью за границей, частью в Литве на курорте Друскеники. И здесь он вел археологические исследования, обнаружив и описав стоянку каменного века у села Балташишке на левом берегу Немана.¹⁵ В 1884 г. Малахов опять ездил лечиться за границу, в Ментону, осмотрев по дороге ряд зарубежных музеев, побывал в Крыму, в Башкирии. Положение его все ухудшалось. Осенью он решил проститься с родным городом. 8 сентября 1884 г. состоялся его доклад в Уральском обществе любителей естествознания, подводившей итоги шестилетних археологических изысканий на Урале. Докладчику оставалось жить всего четыре месяца.

Доклад "О доисторических эпохах на Урале" содержал первую в нашей науке периодизацию древностей этого обширного района. Самые ранние следы обитания человека на Урале Малахов рассчитывал найти в пещерах, хотя кроме единичных находок кремней и расколотых костей в Миасской пещере в руках ученого еще ничего не было. Более поздние поселения каменного века связаны с торфяниками. Таковы находки в Шигире, где обнаружены столь интересные вещи, как лопата из рога лося и костяной наконец — ник копья с пазами, куда вставлены кремневые пластинки. Дальнейшее развитие культуры отражают стоянки по берегам озер — Палкино, Аятская, Юринская, Кысы-куль. Затем наступает бронзовый век, характеризуемый "чуждскими копьями", вроде Гумешевского рудника, и могильникам типа Багаряк. Технику добычи и плавки металла человек освоил на месте. Железный век представлен многочисленными городищами, могильниками, костыщами.

Доклад увидел свет уже после смерти Малахова.¹⁶ За две не-

дела до кончины он еще писал О.Е.Клеру письма по научным вопросам, беспокоился о судьбе Уральского общества любителей естествознания, а Мамину-Сибиряку с горечью говорил, что не успеет составить археологическую карту Урала. Он скончался 20 января 1885 г. в Кутаиси, там и похоронен. Мать его - Анна Павловна - передала все рукописи сына О.Е.Клеру. В 1887 и 1908 гг. в "Записках Уральского общества любителей естествознания" часть этих материалов была опубликована¹⁷.

Область интересов Малахова была широка. У него есть работы по зоологии и фенологии, зоогеографии и этнографии (о башкирах, жертвоприношениях у марийцев, обряде "быкбой" в день Флора и Лавра у коми-пермяков). Интересна серия путевых очерков: "На чудском городище", "Около золота и меди", "За Уралом", "Поездка на изумрудные копи", "На золотом прииске". Таких очерков было более десятка. Они рассеяны по разным журналам, и полного списка их я дать не могу¹⁸. Наряду с первыми публикациями Д.Н.Мамина-Сибиряка эти статьи сыграли свою роль в знакомстве русских читателей с малоизвестными им тогда природой и историей Урала, бытом его обитателей. Стоило бы собрать эти очерки и издать их отдельной книжкой.

В "Журнале Министерства народного просвещения" Малахов поместил серьезные разборы трех научных книг: "Сборника статей, касающихся Пермской губернии" Н.К.Чупина, "Каталога древностей Вятского края" Александра Андреевича Спицына (1858-1931)¹⁹ и фундаментального труда профессора Петербургского университета геолога Александра Александровича Иностранцева (1843-1919) "Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера". Справедливо оценив эту книгу весьма высоко, рецензент столь же справедливо упрекал автора в том, что он отвергает деление каменного века на палеолит и неолит. Подписана рецензия И.Сет-ский, что, очевидно, надо понимать как "Исетский", уроженец Исетского завода.²⁰

Но основной итог короткой жизни Малахова - многочисленные сведения об археологических памятниках Урала, обследованных им лично, и приведение в первую систему этих материалов. Советские археологи продолжают пользоваться работами Малахова. Назову Елизавету Михайловну Берс - составителя археологической карты окрестностей Свердловска²¹ или Валерия Николаевича Чернецова (1905-1970), создавшего двухтомную сводку о наска-

льных изображениях Урала²². Но кое-кто об исследованиях археолога XIX века позабыл. Так, не знал о них Сергей Николаевич Бибииков (1908–1988), возобновивший в 1930-х гг. поиски палеолита в пещерах Урала²³. Есть и такие современные исследователи, кто приписывает себе вывод Малахова, что стоянки на Урале связаны в основном с озерами. Сейчас сотрудники Уральского университета пытаются собрать воедино части разрозненного архива Малахова.

Очень своеобразен и привлекателен сам образ этого безвременно ушедшего ученого. Деятельность его развернулась в конце 1870-х – начале 1880-х гг., но вдохновлялась идеями разночинцев–шестидесятников. Отсюда пренебрежение к официальной науке царской России. Малахов не получил ни гимназического, ни университетского диплома, занимаясь в основном археологией, не вошел в контакт с Императорской археологической комиссией, находившейся в ведении Министерства императорского двора. Отсюда же тяготение Малахова к добровольным объединениям ученых–естествоиспытателей – Русскому географическому обществу, Уральскому обществу любителей естествознания. Показательны его слова в одной из статей об антропологии как "достоинии общества", т.е. о значении открытий в области первобытной культуры для подкрепления идеи прогресса, способной вызвать общественный подъем.

Думается, что короткая жизнь и плодотворный труд Михаила Викторовича Малахова должны остаться в памяти историков науки и уральских краеведов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Малахов М.В. Курганы в окрестностях г. Екатеринбурга Пермской губернии // Труды IV АС. Казань, 1884. Т.I. С.114–117.
2. Симонова Л.Х. Михаил Викторович Малахов // Еженедельное обозрение, 1885, № 101. Стб.533–537.
3. Сибиряк Д. Михаил Викторович Малахов // Волжский вестник, 10(22) февраля 1885 г., № 33. С.3,4.
4. Венгеров С.А. Источники словаря русских писателей. П., 1917. Т.IV. С.129.
5. Формозов А.А. Начало изучения каменного века в России. Первые книги. М., 1983. С.8, 9.

6. Удинцев А. Онисим Евгеньевич Клер // ЗУОЛЕ. Свердловск, 1924. Т. XXXIX. С. III-IX.
7. Неполный и небрежно составленный список работ М.В. Малахова см.: Языков Д.Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. СПб., 1889. Вып. 5. Писатели, умершие в 1885 году. С. 103. Назову и уточню данные о некоторых из них: Малахов М.В. Периодические явления природы в Уральском крае. I. Таблица времени вскрытия и замерзания вод, выпадения первого и последнего дождя и снега // ЗУОЛЕ, 1876. Т. III. Вып. 2. С. 139-147. Он же. Периодические явления природы в Уральском крае // ЗУОЛЕ, 1879. Т. V. С. 62-79; Он же. Речные раки в Среднем и Южном Урале // Записки Русского энтомологического общества, 1878. Т. XI. Вып. I. С. 27-44; Он же. К вопросу о вредных насекомых. Личинки листоеда (*Chrysamela fastrulosa*) - враги посевов овса // Труды Вольного экономического общества, 1879. Т. II. С. 318-325; Он же. Обзор современных данных по зоогеографии Уральского края // ИРГО, 1881, Т. XVII. Вып. 5. С. 65-66.
8. Малахов В.М. Указатель минералов, встречающихся в горнозаводском округе хребта Уральского // ЗУОЛЕ. 1875. Т. III. С. 81-102; Он же. Указатель месторождений минералов, встречающихся в горнозаводских округах уральских // ЗУОЛЕ, 1880. Т. VI. С. 54-62.
9. Малахов М.В. Наркис Константинович Чупин // ИРГО, 1882. Т. XVIII. Вып. 4. С. 271-280.
10. Анучин Д.Н. Антропологическая выставка 1879 г. Описание предметов выставки. М., 1879. Вып. 2. Отдел доисторический. С. 19.
11. Семенов П.П. История полувековой деятельности Императорского русского географического общества. СПб., 1897. Ч. 2. С. 843-851.
12. Поездка члена-сотрудника М.В. Малахова на Урал // Отчет Русского географического общества за 1880 год. СПб., 1880. С. 32-34; Поездка члена-сотрудника М.В. Малахова // ИРГО, 1881. Т. XVII. Вып. 5. С. 97, 98; Малахов М.В. Предварительное сообщение о поездке в северную часть Пермской губернии // ИРГО. 1881. Т. XVII. Вып. 5. С. 103-105; Он же. Поездка в северную часть Пермской губернии // ИРГО. 1881. Т. XVII. Вып. 5. С. 112.

13. Поездка члена-сотрудника М.В.Малахова на Урал // Отчет Русского географического общества за 1881 год СПб., 1882, с.35-38. Малахов М.В. К антропологии Вятского края // ИРГО, 1882, т. XVIII. Вып. 4, с. 199-228.
14. Поездка г. Малахова на Северный Урал // ИРГО. 1882. Т. XVIII. Вып. 3. С. 38.
15. Малахов М.В. Стоянка доисторического человека на берегу Немана // ИРГО. 1883. Т. XIX. Вып. 5. С. 367-383.
16. Малахов М.В. О доисторических эпохах на Урале // ЗУОЛЕ, 1887. Т. XI. Вып. 1-2. С. 1-8.
17. Зоогеографические исследования в Уральском крае. Посмертные записки М.В.Малахова // ЗУОЛЕ. 1887. Т. XI. Вып. 1-2. С. 9-102. Посмертные записки (1878-1885) Михаила Викторовича Малахова. Вторая серия // ЗУОЛЕ, 1908. Т. XXVII. С. 3-80. Об археологии - С. 3-10 (Доисторическое время на Урале), 60-80 (Археологические памятники).
18. Малахов М.В. На Чудском городище // Древняя и новая Россия. 1879. Ч. I. № 3. С. 210-221; Он же. На золотом прииске // Исторический вестник, 1880. Т. 2. № 8. С. 731-749; Он же. На Урале (поездка на изумрудные копи) // Ежедневное обозрение, 1883, № 8. Стб. 247-250, № 9. Стб. 278-283; Он же. На Урале // Ежедневное обозрение, 1885, № 5. Стб. 424-426; Он же. В горах. Из поездки на Урал // Ежедневное обозрение, 1885, № 7. Стб. 310-313; Он же. На уральском кедровике // Живописное обозрение, 1884. № 5. Стб. 291-302, № 6. Стб. 321-334.
19. Малахов М.В. Рец.: Сборник статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части губернских ведомостей в период 1842-1881 гг. Пермь 1882. Ч. I. // Журнал Министерства народного просвещения, 1882, № 12. Отд. П. С. 362-367; Он же. Вятские древности. Рец. на кн.: Спицын А.А. Каталог древностей Вятского края. Вятка, 1881 // Журнал Министерства народного просвещения. 1882. № 7. Отд. П. С. 119-140.
20. И.Сет-ский. Рец.: Иностранцев А.А. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882 // Журнал Министерства народного просвещения, 1883, № 3. Отд. П. С. 120-151. Авторство указано у Д.Д.Языкова и Л.Х.Симоновой.
21. Берс Е.М. Археологическая карта Свердловска и его окрестностей // МИА, 1951, № 21. С. 182-243.

22. Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. М., 1964-1971. Ч. I-2.
23. Бибиков С.Н. Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала // СА, 1950, Т. XI. С. 71.

Вятский период жизни А.А.Спицына

Жизнь выдающегося русского археолога Александра Андреевича Спицына (1858–1931) четко распадается на три периода. Первый – связан с родным для него Вятским краем, второй – с 1893 до 1919 года – служба в Археологической комиссии в Петербурге, третий – с 1919 года и до смерти – работа в Государственной академии истории материальной культуры. Хуже всего мы знаем первый период. Ему и посвящен данный очерк.

В метрической книге Яранского Успенского собора за 1858 г. значится родившимся 14, а крещёным 17 августа котельничского мещанина Андрея Леонтьевича Спицына и законной жены его Дарьи Семеновны сын Александр¹. Спицыны – фамилия вятская. Маленький починок Спицыно (в 4 двора) был в 33 верстах от уездного города Котельнича.

"Я сын мещанина города Котельнича Вятской губернии, внук крестьянина из окрестностей этого города. Дед, а особенно одна из бабок, были людьми большого трудолюбия. От отца, страстного охотника, рыболова, любителя стихов и религиозного человека, я получил гуманный душевный склад" – писал Александр Андреевич в автобиографии².

Отец его служил у яранского откупщика Кузьмы Васильевича Беляева (ок. 1800–1858), библиофила и мецената, одного из вятских друзей Герцена. Положение Андрея Леонтьевича Спицына, сумевшего выбиться из крестьянства и записаться в мещане г. Котельнича, было, видимо, и в Яранске более или менее обеспеченное. Об этом говорит тот факт, что крестным отцом его сына в метрике записан яранский уездный судья Григорий Орлов. Александр не был единственным ребенком в семье. Старше его был брат Василий, младше – сестра. К 1868 г. семья лишилась отца, а значит, и средств к существованию. Выросший среди первозданной вятской природы, у большой реки, дремучих лесов, Александр Андреевич хорошо ориентировался в незнакомой местности, был удачливым рыболовом и грибником, смело забирался потом в самые глухие уголки Вятского края в поисках археологических памятников. Он проплыл на лодке по Вятке и ее при-

токама сотни верст, и много больше обошел пешком.

В 1868 г. десятилетний Саша Спицын был отдан матерью в первый класс Вятской мужской гимназии. Чтобы дать детям образование, мать с детьми даже переехала на жительство в Вятку, распродав в Котельниче (куда она переехала после смерти мужа) свое имущество³.

Любопытное совпадение. В конце 1868 г. в Вятку переехала и семья Циолковских. С одним из мальчиков Циолковских (Константином) Александру Спицыну довелось учиться вместе первые четыре года. Книги гениального ученого с его дарственными надписями были в библиотеке Спицына, велась и переписка⁴.

Но в гимназии учеба будущего ученого не шла. В первом и втором классах он оставался на второй год (причем во втором классе вместе с Костей Циолковским). Классическое образование требовало зубрежки и невероятной усидчивости. Многие действительно способные ребята учились плохо. Оставление на второй год не было чем-то чрезвычайным, как сейчас. В 1871 г. 29 учеников 2 класса перешли в третий, а 15 человек остались на второй год⁵. Материальное положение его семьи все годы его учебы было бедственным. Это, конечно, сказывалось на успехах.

В 1878 г. А.А.Спицын закончил Вятскую гимназию. По успехам он был на 14-м месте из 15 выпускников, но интересы его уже определились. Он пробовал писать исторические очерки. В 1877 г. послал С.Н.Шубинскому, редактору популярного исторического журнала "Древняя и новая Россия" свой очерк о рукописях Вятской публичной библиотеки⁶.

В 1878 г. Александр Андреевич поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета.

Патриотизм, инстинкт и интересное преподавание - вот три причины, которые, по словам студента из Вятки, привели его к занятиям русской историей. Он слился с аудиторией видного историка того времени Константина Николаевича Бестужева-Рюмина (1829-1897).

В представлении Бестужева-Рюмина главная задача историка - собирать и проверять основной фактический материал. Специалист по русским летописям, он нацеливал и студентов на изучение исторических источников. Источниковедческая направ-

ленность изучения истории сформирует Спицына как историка. В своих исторических работах 1880-х годов он выступает как ученик и последователь Бестужева-Рюмина. Повлияла на студента, очевидно, и личность маститого профессора. Сдержанный, мягкий, осторожный, но очень живой и четкий в оценках, он имел самые широкие и разносторонние интересы. Свой долг к ученикам, по словам С.Ф.Платонова, он видел в том, чтобы создать юнше обстановку для работы, не стесняя его личных интересов и способностей. Недаром среди учеников Константина Николаевича были историки самых разных оттенков, археологи, философы и искусствоведы⁷.

Студент Спицын активно участвовал в общественной жизни университета: работал в студенческой библиотеке, издавал лекции, состоял в комитете помощи неимущим студентам. Неудивительно, что на лекциях его видели все реже и реже. Революционное брожение среди студентов к 1881 г. усилилось. Тем не менее он чувствовал себя специалистом именно по русской истории, человеком преданным науке, а на старшем курсе активно работал в кружке русских историков в числе 5-6 человек, вместе с известными впоследствии историками С.Ф.Платоновым, И.А.Шляпкиным, И.М.Гревсом, В.Г.Дружининым. Дружбу с Платоновым, перешедшую затем в дружбу семьями, он сохранил до конца своих дней. Да и почти весь этот узкий кружок под названием "Старые друзья" сохранил дружеские отношения до старости. Вместе с Платоновым в 1882 г. он и закончил университет.

Именно в университете зародился у Александра Андреевича интерес к русской археологии.

К.Н.Бестужев-Рюмин особо отмечал в своих лекциях, что вещественные памятники старины должны дать особенно точный материал для истории, но они еще мало изучены, трудны для исследования⁸. Все это очень отвечало тогдашнему настроению студента из Вятки, ищущего область потруднее для приложения своих сил. Поэтому во время студенческих каникул он обошел и объекал многие археологические памятники Вятской губернии, тщательно обработал имеющиеся в местной периодике материалы по этой теме. В итоге к концу 1881 г. у него была уже готова первая крупная работа "Каталог древностей Вятского края", напечатанная в "Календаре Вятской губернии 1882" . Уже

здесь проявилась самая сильная сторона таланта Александра Андреевича — умение научного синтеза, обобщение и приведение в систему огромной массы разнородного и разнообразного материала. Весь материал был им разбит на 13 отделов: остатки каменного века, курганы, городища, побоища, пещеры, следы старых укреплений, акты и рукописи и так далее. В начале каждого отдела он давал небольшое общее введение, приводил имеющуюся общую литературу по вопросу, сравнивал вятские древности с древностями других областей⁹.

По существу эта студенческая работа положила начало главному направлению его деятельности — систематизации и классификации археологических памятников России по губерниям.

Но вернемся в университет. Для своего будущего кандидатского сочинения он взял у К.Н.Бестужева-Рюмина тему, лежащую в традиционном летописном русле "О первоначальном заселении Вятки", но решил ее довольно-таки революционно.

Перед местными историками к 80-м годам XIX века остро встал задача создания критически очищенного корпуса источников по истории Вятки. Много занимался в эти годы изучением летописного, актового материала известный местный историк Александр Степанович Верещагин (1835—1908), но с публикациями еще не спешил. Он полностью поддержал революционные выводы Спицына о недостоверности "Вятского летописца", освященного авторитетом Н.М.Карамзина, С.М.Соловьева. Спицын относил его к XVII веку и считал, что автор обработал местные исторические записки, народные предания. Там, где не хватило фактов, явились догадки. Он твердо уверен, что "единственное письменное свидетельство о ранней колонизации Вятского края не заслуживает доверия... Еще более несостоятельно представляется нам свидетельство повести о существовании независимой вятской общины, или как ее чаще называют — республики¹⁰. Спицын ставит верную задачу — вникнуть в процесс составления повести и отделить истинные факты от домыслов.

Фактически составитель "Повести о стране Вятской", ходившей по Вятке во многих списках, был первым вятским историком. Но то, что его труд был принят за летопись XVI века и стал для ведущих русских историков XIX века основным документальным источником по ранней истории Вятки, тормозило раз-

вие местной историографии. Критический пересмотр достоверности Повести, начатый Спицыным и продолженный А.С.Верещагиным, серьёзно двинул вперёд местную историографию. Был снят своеобразный стопор и началась широкая полоса изучения и обработки местных летописных, архивных и прочих источников.

Между тем, подав на 4-м курсе кандидатское сочинение "О первоначальном заселении Вятки" Александр Андреевич был серьёзно обескуражен. Рецензентом работы за болезнью Бестужева-Рюмина (уехавшего весной 1882 г. лечиться в Италию) был назначен Егор Егорович Замысловский (1841-1896), которому не понравилась критика заслуженного источника по вятской истории. Он провалил сочинение. Спицын пережил немало очень неприятных минут. Нужно было свидетельство об окончании университета, а его кандидатское сочинение отвергнуто. Новое в несколько дней не напишешь.

Тогда, весной 1882 г., он представил Замысловскому другую свою работу - уже напечатанный в Вятке "Каталог древностей Вятского края". Тот удовлетворился, а молодой учёный получил диплом. Неприязнь же к официальной процедуре защиты учёных степеней он сохранил на всю жизнь.

С 1 августа 1882 г. А.А.Спицын был назначен на должность учителя словесности и педагогики Вятской Маринской женской гимназии¹¹. Возвращение в Вятку было вызвано стремлением материально обеспечить семью (мать, сестру, брата), расплатиться с долгами, сделанными в период учёбы.

В Вятке (особенно первые три года) занятия Спицына археологией сильно замедлились, так как поездки и раскопки были невозможны. Он с головой ушёл в местную историю и преподавательскую деятельность.

Преподаватель из него получился хороший: талантливый, инициативный, ищущий. Он быстро стал любимым учителем вятских гимназисток. В женской гимназии, существовавшей с 1859г., он был первым штатным преподавателем словесности (до этого вели совместители) и получал жалованья 1100-1200 рублей в год - при 20-22 недельных уроках.¹²

В личном деле его за годы работы в гимназии нет ни одного замечания. С коллегами, начальством он ладил. Открытый, ровный, доброжелательный характер располагал к нему не толь-

ко гимназисток. В сочетании с высокой требовательностью к себе, огромным трудолюбием, упорством в достижении поставленной цели – это делало Александра Андреевича очень привлекательным человеком. При всей своей мягкости, он мог долго и методично идти к поставленной цели.

В гимназии он вёл словесность в старших классах (шестом и седьмом), а в восьмом (педагогическом) классе преподавал педагогику и методику преподавания русского языка в начальной школе. Последнее было делом особенно трудным, так как руководств и пособий почти не было. Уже через год после прихода молодой учитель издал в Вятке "Орфографический словарь с присоединением курса русской орфографии", а в 1886 году – "Азбуку для школьного и домашнего обучения", которая была составлена довольно обычным в то время словослагательным методом.

В том же, 1886 г. Спицын издал третье пособие "Начальный курс русской грамматики и правописания. Материалы для диктовки" (58 страниц). Все эти книжки изданы им под псевдонимом – А.Новиков. На занятиях по педагогике он говорил о качествах, нужных учителю, давал характеристики ученических типов, литературу вопроса, размышлял о служении добру, русскому народу.

Многие земские учительницы, его ученицы, и спустя многие десятилетия отзывались о нём с удивительной теплотой и сердечностью. Чаще всего они работали с огоньком, поднимая культурный уровень не только детей, но и окрестных крестьян. Идеи служения народу, заложенные Спицыным, дали свои плоды. Одна из его учениц бескорыстно вела занятия с рабочими спичечной фабрики, создала для них библиотеку, другая – готовила способных крестьянских мальчиков в гимназию, третья – взялась за дело, невиданное в Вятке – обучение слепых.

Н.Попова, его ученица, вспоминала уже в 1920-е годы: "Об А.А.Спицыне, ещё не учась в гимназии, я слышала самые восторженные отзывы от своих старших сестёр как о необыкновенном учителе... От других преподавателей он резко отличался своим добрым и очень ласковым отношением к учащимся, своеобразными приёмами преподавания, воспитывал в нас лучшие свойства человеческой души..., ободрял и поддерживал слабых

и малоодарённых, никогда не унижал их, а в каждой старался найти хорошие качества и развить их".¹³

Спицын ставил перед собой в Вятке очень широкие задачи. Так в дружеском письме С.Ф.Платонову от 24 июля 1883 г. он писал: "... позвольте сказать кое-что о смысле моей будущей деятельности, как я её понимаю. Я искренний патриот, и процветание России – вот что входит во все мои помыслы. Поэтому я никогда не буду таким учёным, каким будете Вы и Василий Григорьевич [Дружинин – В.Б.] Я буду заниматься не одной историей, но всем – историей, статистикой, языком, этнографией, изданиями – я буду заниматься, как начали всем этим заниматься славянофилы. Я буду писать, если это окажется мне по силам – как писали Аксаков, Хомяков, как теперь пишут сотрудники "Руси"... , для чего и будет пригодно трезвое научное направление, которое я вынес из университета.... Мне хочется для отечествования – принимая это слово в широком его значении, сделать то, что с помощью Гютэ сделал для французского языка Литре ... нужно, чтобы русские почаще видели свои интересы выраженными в печати – и поэтому я продолжаю "книжку".¹⁴

Если первые два-три года в Вятке для Спицына – это время самых широких устремлений и проектов: работа над учебниками, соби́рание материалов по народным говорам Вятского края и многое другое – то к середине 1880-х гг. Александр Андреевич концентрирует свои усилия на областной истории.

Тематика местной или областной истории получает в 1880-е годы самое широкое распространение. В каждой губернии складывается вначале вокруг статистического комитета, позднее вокруг губернской учёной архивной комиссии кружок краеведов, плодотворно занимавшихся публикацией источников, этнографией, топонимикой, статистикой родного края. Именно в провинции отчётливо заметно, что главными создателями и потребителями духовных ценностей в России становятся разночинцы. Сразу же по приезде в Вятку вошёл в этот круг людей Александр Андреевич. В центре кружка стоял Николай Александрович Спаский (1841–1921). С 1872 г. (с 26 лет) он в течение 45 лет был секретарём Вятского статистического комитета. В изданиях этого комитета печатали вятские краеведы свои труды в ежегодных календарях Вятской губернии, "Вятских губернских ведо-

мостях". Сам Николай Александрович был замечательным статистом.

В 80-е годы помимо Спицына (самого плодовитого в то время вятского историка) писали и печатали свои работы А.С.Верещагин (учитель семинарии), В.П.Юрьев (учитель истории и географии женской гимназии), Н.Г.Первухин (инспектор народных училищ Глазовского уезда) и др.

Конечная цель, сверхзадача, которую ставил перед собой молодой учёный – написание главной работы – "Истории Вятки до XIII века, которая всё время составляла венец в моих мечтаниях и надеждах".¹⁵ Конкретные темы его статей по местной истории – самые разнообразные: от истории вятских колоколов до занятий местной библиографией. Такой широкий диапазон объясняется младенческим состоянием исторического краеведения в крае, увлечённостью Спицына самим процессом исторического изыскания. Каковы же основные направления его работ по истории Вятки? Во-первых, он серьёзно занимался источниковедением. Изучал летописный материал (в русле своей кандидатской темы), пытаясь решить проблему первоначального заселения Вятки русскими, писцовые и переписные книги Вятской земли ХУП в., собирал и публиковал многочисленный актовый материал. Любопытно, что расширив и переработав своё непринятое кандидатское сочинение (по "Повести о стране Вятской") он хотел защитить на эту тему магистерскую диссертацию, но не успел, увлечённый другими темами. С гордостью писал он впоследствии в своей автобиографии, что поместил в губернских ведомостях 42 подписанных своих статьи.¹⁶ Помимо этого он ежегодно (в 1882–1893 гг.) помещал более или менее солидное исследование (иногда 2) в календарь Вятской губернии.

В "Календаре Вятской губернии 1884 г." он напечатал (на 32 страницах) "Свод летописных известий о Вятском крае", взяв за основу напечатанную А.С.Верещагиным в "Вятских епархиальных ведомостях" (за 1879, 1880 гг.) подборку летописных известий. Цель работы по мысли составителя и комментатора – систематизация летописных известий о древнейших событиях на Вятке, создание комментария к тексту и установление связи местной истории с историей общерусской. Даже в то время это воспринималось как научно-популярное историческое повествование, чему немало способствовал живой литературный язык мо-

лодого историка.

Интерес к историческому документу, сформированный ещё в университете, привёл учёного к попытке широкого сбора исторических источников в губернии. В 1885 г. он напечатал в местной газете "Приглашение". Сообщив о том, что у нас много древних актов, местных неразобранных архивов, которые до сих пор никто систематически не изучал, не публиковал, он предложил всем присылать ему старинные документы или сведения о них. По снятии копий документы обещано вернуть владельцам. Он предложил бесплатно перевести всем желающим на современный русский язык старинные судебные акты. У него к этому времени был собран уже громадный актовый материал. Только копий с фамильных актов вятских купцов Рязанцевых у него было 280 экземпляров, копий с актов Вятской Покровской церкви — 138 экземпляров¹⁷.

Широкий розыск Спицыным новых документальных источников шел в самых разных формах. Он тщательно изучал местные архивы, рукописные собрания церквей, частных лиц, архивные фонды учебных заведений.

Лишь в трудах Вятской ученой архивной комиссии он поместил II документальных публикаций и среди них также фундаментальные источники по XVII веку, как писцовые и переписные книги городов Орлова и Котельнича. Интересный материал содержали изданные им акты многих сельских церквей Вятского края.

Хотя с 1886 г. основное внимание Спицын стал уделять занятиям археологией, он по-прежнему активно работал и в архивах. По существу, он не видел противоречия в том, что одновременно с раскопками занимался изучением колоколов, рязанцевских рукописей, кустарных изделий. Все это было для него — историческими источниками, древностями Вятского края. Абсолютно полное, в системе, изучение всех вятских древностей должно помочь создать полную историю Вятского края — вот сверхзадача, поставленная (но не решенная) им. Спицын брал исторические источники шире, чем другой вятский исследователь А.С.Верещагин, но проигрывал последнему в тщательности, глубине и скрупулезности их научного анализа. Он развивался вширь, Александр Степанович шел вглубь. Но остается фактом: сегодня работы Верещагина по источникам — обязательный фун-

дамент любого исторического исследования, работы Спицына — дополнительный материал. Тем не менее подобного широкого охвата источников кроме Спицына ни один из вятских историков не имел (ни до, ни после него).

Помимо сбора и публикации источникового материала, на основе его обработки, ученый написал целый ряд самостоятельных работ по социально-экономической истории средневековой Вятки XIV—XVII вв. Это второе направление его деятельности.

В конце 1884 г. за подписью А.С. (так Спицын подписывал свои многие газетные заметки) вышла книжечка малого формата на хорошей бумаге "История рода Рязанцевых" (45 с.), посвященная 100-летию юбилею одной из стариннейших в губернии бумажных фабрик — Косинской кушцов Рязанцевых. В руках Спицына оказалось множество старинных актов этой вятской фамилии, известной с XV века. Судя по всему, это заказная работа. В ней отчетливо проявились свойства, отличающие ранние исторические работы Александра Андреевича. Работе придан литературно-повествовательный характер. Автор добился художественно-популярного изложения материала. Именно такие требования к научной исторической работе предъявлял К.Н.Бестужев-Рюмин. Занимательность (чтобы было интересно любому читателю) содержания работы обеспечивается отбором ярких, красочных фактов. Спицын прослеживал генеалогию рода, нарисовал родословные деревья, установил по писцовым книгам его постепенные приобретения, опираясь на завещания и грамоты. Повествовательно-описательный метод изложения материала с успехом применен им в этом небольшом сочинении.

В основном же все свои исторические очерки он помещал в ежегодные "Памятные книжки" и "календари Вятской губернии", публиковал статьи и в Казани.

Очень пестрая в национальном отношении Вятская губерния была населена русскими и татарами, марийцами и удмуртами, тептярами и бесермянами. Создать стройную картину появления и расселения этих народов в Вятском крае ученый пытался в работах "Вятская старина" (Календарь Вятской губернии на 1885 г.), "К истории вятских инородцев" (Календарь Вятской губернии на 1889 г.). Размеры его исторических работ, как правило, 20–30 страниц книжного текста. На основании подбор-

ки грамот арских князей он пробовал решить загадку каринских татар (старинного татарского поселения в середине Вятской земли).

Во второй работе даны широкие обобщения о расселении нерусских народов в крае. Эта тема имела близкое отношение к его археологическим исследованиям. В чём-то эти работы близки и к сводкам летописного и актового материала. Свести воедино разбросанные и разрозненные сведения по теме — это его главная научная задача.

Но малое количество данных, их отрывочность и неравнозначность неизбежно должны были отразиться на достоинстве работ. Определяя хронологию и районы проживания народов в крае, он опирался и на археологические материалы.

Работы учёного "Вотчины Успенского Трифонова монастыря" (Календарь Вятской губ. на 1886 г.), "Земля и люди на Вятке в XVII столетии" посвящены социально-экономической истории края в XVII в. В первой статье он пытается выяснить роль крупнейшего землевладельца края — Вятского Успенского Трифонова монастыря в колонизации края русскими. Исходя из знаменитой формулы С.М.Соловьёва ("Россия — страна, которая колонизируется"), он в живой форме показал постепенное расселение русских. Это тоже не анализ, а сведение воедино актового материала по теме, опубликованного и неопубликованного. Ведущим источником для него вновь стали "Древние акты, относящиеся к истории Вятского края", составленные А.С.Верещагиным и изданные в Вятке в 1881 г. В начале второй работы он отмечал в качестве своей главной цели — изучение бытовой истории населения. "В наших руках, замечает он, — готовых к печати 446 актов с.152), В основном это документы из церковных и монастырских хранилищ.

Рассматривая различные категории крестьян (бобыли и половники, захребетники и складники), он подробно характеризует их повинности. Один из его главных выводов — земля Вятки не имела достаточной ценности, поэтому много тягла пустовало.¹⁸ Продолжением этой работы стала статья "Подати, сборы и повинности на Вятке в XVII столетии", напечатанная в "Календаре Вятской губернии за 1888 год". Хорошая систематизация материала (все по графам, по полочкам) в сочетании с легким литературным языком — главное достоинство и этой работы ис-

торика. Широко использовал он здесь свои выписки из писцовых книг, сделанные им в архиве Министерства юстиции.

По источникам, форме обработки материала примыкает к этим исследованиям и статья "Местное и областное управление на Вятке до XVIII века".¹⁹ "Будучи заселена с Устюга и Двины Вятка в течение первого века своего существования до 1489 года сохраняла то устройство, которое в это время было общим для всего северо-востока и создано под непосредственным новгородским влиянием. Так мы знаем, что в середине XV в. она управлялась теми же земскими воеводами, ватаманами и подвойскими, каких в это время видим и в Устюге", — так и изложил он своё мнение по весьма спорной, неясной и сегодня проблеме управления Вятской земли.²⁰ По его мнению, заселение Вятки русскими началось в конце XIV в.

Эти его работы зафиксировали уровень развития исторического краеведения в Вятке конца 80-х годов XIX века. Он обобщил достигнутое своими предшественниками и современниками. На базе этих обобщений можно было идти вперёд. Очевидно, что он серьёзно стимулировал работу таких современных ему вятских историков как В.П.Юрьев, Н.Г.Первухин, А.С.Верещагин. В процессе развития исторического краеведения в Вятке его работы были необходимой ступенькой. Хотя собственно спицынскую тему — (история материального быта) никто из местных исследователей не продолжил.

Традиционной для местных историков была тема — развитие просвещения в Вятском крае. Ещё в 1860-е годы А.С.Верещагин собирал материалы по истории духовной семинарии. В.П.Юрьев обработал большое количество архивного материала XVIII в., создав содержательную и интересную работу "Народное образование в Вятской губернии в царствование Екатерины II" (Вятка, 1887).

Написал 5 работ на эту тему и А.А.Спицын, основываясь на архивах гимназий и ведомств. Лучшей среди них, да и едва ли не лучшей вообще исторической работой Спицына по местной тематике является "История Вятского главного народного училища (1786-1811)".²¹ Это его зрелая работа, в которой так кстати проявились все лучшие стороны его таланта историка: живое, яркое и образное описание училища, многообразия вятской жизни XVIII — начала XIX веков. Тщательно описывал он

все стороны учебного процесса: от учителей и учащихся до библиотеки, кабинетов и помещений. С удовольствием цитирует он сочные выражения старинных документов. Даже канцеляризмы того времени, которыми он любуется, нам сегодня интересны. Среди учителей особенно много места отводит он характеристике Александра Ивановича Вештомова (1798 – после 1825) – первого вятского историка. Подробные таблицы состава учителей и учащихся очень уместны в тексте. Такое всестороннее комплексное рассмотрение истории первого светского учебного заведения края (на основе архива гимназии), сделанное образцово, стало на долгие годы эталоном подобного рода работ. И сегодня это одна из наиболее читаемых и часто используемых краеведами его работ. В конце очерка Спицын замечает, что настоящая статья составляет как бы введение в предпринятую им историю Вятской гимназии.

Завершить историю гимназии ему на удалось по недостатку времени (уж слишком многими темами он занимался одновременно). Часть обработанного материала по теме он издал отдельными статьями "Преподаватели русского языка и словесности Вятской гимназии в 1811–1865 гг." (Календарь Вятской губернии на 1892 г.), "Директора, инспектора и преподаватели Вятской Гимназии (1811–1865 гг.)" (Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1905 год). Из своих вятских работ как историк Спицын более всего был удовлетворён "обработкой материала XVII века и историей Вятской гимназии".²²

Огромное количество сил и труда отдал он библиографической работе. Он не только сам следил за книжными новинками, но и стремился популяризировать их среди читающей публики, помещая в газеты рецензии или заметки. Незаменимым пособием для всех краеведов остаётся и на сегодня его фундаментальный труд – "Систематический указатель статей местного отдела неофициальной части Вятских губернских ведомостей (1838–1890 гг.)", помещённый в календарях губернии на 1891 и 1892 гг. Просмотреть и систематизировать по отделам статьи газеты за 53 года – это ли не подвиг во имя краеведения. Любопытно, что в 1880-е годы подобного рода указатель по "Пермским губернским ведомостям", составленный Д.Д.Смышляевым, вышел в Перми (также в 2 частях). Видимо, Спицын о нём знал. Работал он, очевидно, по комплекту газеты, принадлежащему статисти-

ческому комитету.

Все статьи разбиты им по тематике, крупные разделы поделены на подразделы. Раскрыто авторство большинства статей, зачастую после названия статьи в 2,3 строчках вкратце сказано о её содержании. Лишь в первой части указателя у него расписано 1522 статьи по 19 разделам, а всего у него перечислены 2773 названия. По тому времени работа была выполнена на высоком уровне. Систематичность, добросовестность, глубокое знание местного материала позволили Спицыну стать у истоков современной краеведческой библиографии.

Фактически 1882-1886 гг. - время становления А.А.Спицына как историка - были целиком отданы местной истории. Но интерес к археологии не оставил его, и с 1886 г. львиную долю своего времени он отдаёт археологии края. "На прежнюю дорогу, - писал он - вывел меня Ярославльский археологический съезд. Решив подготовиться к нему, я издал "Программу для собраний сведений по древностям Вятской губернии" (1886 г.), которую предполагал широко разослать по губернии при содействии властей и сделал предварительную поездку в Казань и Москву, где познакомился с П.А.Пономарёвым, единственным моим советчиком по части разведок и раскопок и гр.П.С.Уваровой, которая, нуждаясь в сотрудниках по северо-востоку России, обратила на меня внимание и немедленно назначила сумму на мои поездки по краю. Их я исполнил в 1887 и 1888 гг. на лошадях и на лодке, проехав на ней всю реку Вятку от города до устья и всё вятское течение Камы".²³

Думается, что без Вятки (т.е. без провинции вообще) Спицын бы не стал археологом. Пройдя последовательно все ступени развития, от студента - любителя археологии до организатора раскопок в огромном крае, он смог, став в центре российской археологии, отлично зная глубинку, максимально использовать свои возможности.

Именно благодаря Вятке увлечение археологией стало главным делом его жизни. Именно здесь он пришёл к выводу, что изучение исторического прошлого Вятского края немислимо без обращения к археологии. "Если бы я не уехал в провинцию, а остался в Петербурге, то, думаю, что всё же из меня вышел бы не археолог, а историк, по моей особой склонности к этой

науке", — размышлял Александр Андреевич в конце жизни.²⁴

К началу 1890-х гг. он отказался от мысли написать историю Вятского края хотя бы XVII века. В письме С.Ф.Платонову от 20 февраля 1891 г. он писал: "Знаете что — я разочаровался в том, чтобы можно было написать областную историю прежде центральной, московской. Суть не в Хлынове, а в Москве. Провинциальная жизнь XVII века — слабая уменьшенная копия с московских порядков (разумею администрацию). Москва всему даёт гон и всё дозирует в своих личных интересах".²⁵ Для уяснения исторических воззрений Спицына интересна его полемика с Платоновым о В.О.Ключевском. "Я очень принял к сердцу Вашу горячую защиту Ключевского, — писал он в том же письме, — но, право, я ему что-то не очень доверяю. Это — знающий историк, прекрасный работник, но очень претенциозный ученый; он все знает, все понимает и не признает никаких затруднений и препятствий в работах. Мы все мучимся недостатком фактов, недостатком мысли, на каждом шагу упираемся лбом в стену, нас осаждают все новые и новые вопросы, наши исследования все больше по части "может быть" — и не люблю я бойких говорунов, блистающих... ловкостью оборотов речи. Это не историк правды, трепещущий за каждый факт и ищущий в нем с боязнью, ожиданием, трепетом истины; это лишь хладнокровный математик, систематик-резонер, все понимающий и ничем не дорожающий, которому ничего не говорят ангелы небесные и трубные звуки. Его ясный курс истории представляется мне какою-то огромною чудовищною сплетнею; кто в прежнем видит только каких-то марионеток, которых тасует, передвигает то так, то иначе и воображает, что такова жизнь. Ключевский играет в историю, а не... живет ею... Ключевский крупная величина и потому-то так жалко смотреть на него: кому много дано, много с того и спросится".²⁶

Между тем с середины 1880-х годов Спицын стал думать о переезде из Вятки в Москву или Петербург, вел переписку с Московским Археологическим обществом (П.С.Уваровей) и Археологической комиссией в Петербурге.

Слабая, то и дело обрывающаяся ниточка связывала во второй половине XIX в. центральные археологические учреждения: Археологическую комиссию, Московское и Русское археологические общества.

Еще циркуляр от 27 апреля 1863 г. из министерства внутренних дел рекомендовал губернским статистическим комитетам оказывать содействие Археологической комиссии в собирании сведений об отечественных древностях. "При незначительном составе Археологической комиссии, члены которой заняты главным образом производством археологических раскопок и описанием открываемых вещей и при равнодушии общества к археологическим исследованиям и памятникам нашей древности собирание обстоятельных и правильных сведений о них становится почти невозможным без содействия других правительственных учреждений", — констатируется в документе²⁷. Статистические комитеты, по мысли С.Г.Строганова, инициатора циркуляра, основателя Археологической комиссии, должны собирать материалы для составления полной археологической карты России, обратить внимание общества на сохранение и исследование памятников старины, содействовать образованию местных археологических комиссий. Этот план надолго остался благим пожеланием, хотя к нему была приложена программа археологических исследований для статистических комитетов и книги по обозрению русских древностей. При отсутствии знающих и хоть немного подготовленных в археологическом отношении людей вести археологические исследования в губернии было просто некому.

В списке 1860 г. по Вятской губернии значилось лишь 20 археологических памятников. Прочная и постоянная связь с Археологической комиссией установилась к 1860-м гг. лишь по одной линии — случайным находкам древностей. Каменные копья и серебряные гривны, клады монет, костяные и медные орудия труда широким потоком шли от крестьян к местным исправникам с заявлениями, что они хотели бы получить за свою находку деньгами. Находки пересылали в статистический комитет, а через него в Археологическую комиссию, откуда и приходило вознаграждение, чаще всего небольшое (стоимость серебра по весу плюс 30 % надбавки).

Впервые маленький клад (медные копейки XVII в.), найденный крестьянским мальчиком Савватием Бердинских (Слободской уезд) послан в мае 1864 г. А уже в 1892 г. в Археологическую комиссию послано 15 крупных находок. В том числе клад серебряных монет XVI в. (около 1 тыс. экз.), серебряное блюдо Уш

в., за которое комиссия послала 100 рублей. Столь щедрое вознаграждение дано для "устранения крестьянами утайки в будущем". Гривны, кольца, каменное долото, "голова доисторического животного" и многое другое - все это входило в состав находок года²⁸.

Однако редкие крупные вознаграждения за уникальные находки (слухи о которых распространялись мгновенно) привели в некоторых местах к настоящим эпидемиям кладоискательства среди крестьян. Многие памятники погибли под их лопатами. Нацеленность комиссии на находки сокровищ (в основном произведений восточного искусства) отрицательно сказались в местных условиях. В отличие от официальных (сугубо деловых) контактов с Археологической комиссией связи с Московским археологическим обществом носили более дружественный и личный характер. Организуя культурные силы в провинции, нередко намечая тематику их исследований, оказывая научную и материальную помощь провинциальным историкам, общество периодически созывало археологические съезды, давшие серьезный толчок к развитию местной историографии.

Показательна в этом отношении подготовка УП (Ярославльского) археологического съезда, сыгравшего большую роль в жизни Спицына. Уже за год до съезда в Вятке статистическим комитетом была получена его программа и предложения предварительного комитета съезда. А.А.Спицын и Н.Г.Первухин собирали сведения об археологических памятниках губернии, вели раскопки, составляли коллекции для съезда. По поручению Московского общества Спицын провел раскопки в Яранском, Котельничском, Уржумском и Глазовском уездах. Всего на съезд было послано 238 названий предметов древности, размещенных там в 4 витринах. Весь археологический материал, полученный статистическим комитетом, был охарактеризован Спицыным в статье "Новые сведения по исторической археологии Вятского края", напечатанной комитетом к съезду тиражом в I тыс. экз. Н.Г.Первухин к съезду составил археологическое описание Глазовского уезда: "Краткий очерк кладовищ, встречающихся в Глазовском уезде". Поскольку у комитета средств на его издание не было, очерк выпустило Московское археологическое общество. П.С.Уварова выслала Спицыну и Первухину книги мужа и свои. По ее же

просьбе губернатор снабдил Спицына открытым листом для разъездов по губернии, причем волостным правлениям было дано указание содействовать Александру Андреевичу в раскопках. В 1891 г., уже пытаясь устроиться в Археологическую комиссию, Спицын писал Платонову: "Графиня Уварова мне про Археологическую комиссию пишет то же самое - что в комиссии добро помнить не умеют и деятелей не ценят. Очевидно, что кошка пробежала меж людьми, они перестали друг друга понимать и не могут судить. Отчего бы Уваровой не простить ее самоуправство? Кто от этого страдает? Ученое самолюбие? Господь с ним, с этим самолюбием! Я его и в Вятке наблюдаю и не красно оно очень (...) Я вовсе не очарован Уваровой и знаю ее слабые стороны чисто женского и графского характера, но как-то прощаю: каким вниманием умела она меня вовремя окружить, Я очень чувствую ласку... Ах как бы мне хотелось заняться русской историей всей!"²⁹

Доклад Спицына был прочтен на Ярославльском съезде 18 августа проф. Д.Н.Анучиным в общем "Отчете об экспедиции в Приуральский край в 1887 году". Раскопки Спицына, по заключению съезда, завершились полным успехом³⁰.

Выход на общерусскую арену много значил для начинающего археолога. Оживленная переписка Московского археологического общества с Вятским статистическим комитетом в конце 80-х - начале 90-х годов говорит о том, что раскопки Спицына к УШ археологическому съезду велись с еще большим размахом.

О приемах и методах раскопок Александра Андреевича в то время красноречиво говорит его отчет (П.С.Уваровый) о поездке летом 1891 г. на реку Юм (Котельничский уезд)³¹.

Колумб вятской археологии, Спицын, прослеживал связи эпох, устанавливал тождественность тех или иных местных памятников известным и датированным памятникам других губерний. Бывшая почти целиком белым пятном на археологической карте России, огромная Вятская губерния многое могла дать для уяснения этнических процессов, передвижения народов древности.

Он поднимал новые проблемы в археологии. Блестящее развитие одна из них получила в его реферате, представленном на Московский международный конгресс доисторической антропологии 1892 года "Костеносные городища на северо-востоке Рос-

сии". Члены конгресса могли ознакомиться с культурой костеносных городищ по довольно полной коллекции, составленной им из раскопок в Вятке³². Ученый вновь утверждал, что древности костеносных городищ имеют ближайшую связь с культурой Ананьинского могильника. Таким образом, он датировал и охарактеризовал культуру, памятники которой были известны по всему северо-востоку России.

Фактически заключительная работа Спицына по вятской археологии – "Приуральский край. Археологические разрыскания о древнейших обитателях Вятской губернии" (М., 1893) – стала итогом первого этапа в изучении археологических памятников Вятки (конец XVIII – начало XX века). Там были учтены все известные к тому времени археологические памятники бассейна Вятки. Этого итоговая работа по археологии Вятского края. Издана она под редакцией Д.Н.Анучина Московским Археологическим обществом. По мнению автора, начало основательного изучения древностей Вятского края связано с учреждением в конце 1870-х годов Казанского общества археологии, истории и этнографии, совпавшим с оживлением русской археологии вообще.

В отличие от своих ранних работ в этой книге Спицын ставил задачу осветить теорией описание древностей. Работа, начатая еще "Каталогом древностей Вятского края" в 1881 г., завершена им изданием этой фундаментальной книги.

В Спицыне чаще всего видят лишь археолога, но он по существу был историком русского быта в самом широком смысле слова. Он изучал все стороны русской материальной культуры с древнейших времен до XVIII века и задумал капитальную энциклопедию "Словарь русской старины", для которого была создана картотека в 100 тыс. карточек и подобраны иллюстрации. Продолжить эту спицынскую тему до сего дня никому.

Эта интереснейшая попытка синтеза русской истории на базе археологии в сегодняшнее переломное время нуждается в нашем осмыслении. Прав был выдающийся русский этнограф (тоже вятч) Д.К.Зеленин, называя его ученым провинциальным, то есть исследователем российской провинции³³. В наше время усиливающегося общественного внимания к истории национальной культуры растет интерес ко всем аспектам деятельности

А.А.Спицына: замечательного вятского историка, талантливого музейоведа, теоретика и практика археологической науки, библиографа, выдающегося русского археолога.

Примечания

1. Архив ЛОИА. Ф.1. Оп.1. Д.196. Л.34.
2. Петряев Е.Д. Вятские книголюбы. Киров. 1986. С.104.
3. ЛОААН СССР. Ф.811. Оп.1. Д.129. Л.2.
4. Петряев Е.Д. Вятские книголюбы. С.107.
5. ГАКО. Ф.211. Оп.1. Д.261. Л.21 об.
6. ОР ГИБ. Ф.874. Т.9. Л.88-90.
7. Платонов С.Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. П., 1921. Кн.2. С.104-133.
8. Спицын А.А. Мои научные работы // *Seminerium Kondakowianum* Прага. П. С.331.
9. Спицын А.А. Каталог древностей Вятской губернии // Календарь Вятской губернии на 1882 год. Вятка. 1881. С.25-91.
10. Спицын А.А. Когда явилось русское население на Вятке и были ли вятичи независимыми? // Вятские губернские ведомости, 23 октября 1882 г. № 85.
11. ГАКО. Ф.213. Оп.1. Д.1228. Л.20.
12. Там же. Л.2.
13. ЛОА АН СССР. Ф.811. Оп.1. Д.129. Л.45.
14. ОР ГИБ. Ф.585. П/1959. Ед.хр.1. Л.9, 9 об.
15. Там же. Ед.хр.2. Л.33.
16. Архив ЛОИА. Ф.5. Оп.1. Д.1. Л.1.
17. Спицын А.А. Приглашение // Вятские губернские ведомости, 27 апреля 1885 г., № 34. С.4.
18. Спицын А.А. Земля и люди на Вятке в XIII столетии // Календарь Вятской губернии на 1887 год. Вятка. 1866. С.158.
19. Спицын А.А. Местное и областное управление на Вятке до XIII века // Календарь Вятской губернии на 1889 год. Вятка. 1888. С.167-206.
20. Там же. С.167.
21. Спицын А.А. История Вятского главного народного училища (1786-1811) // Календарь Вятской губернии на 1891 год. Вятка. 1890. С.1-79.
22. Спицын А.А. Мои научные работы. С.342.

23. Там же. С.331.
24. Там же. С.342.
25. ОР ГПБ. Ф.585. Ц/1959. Ед.хр.2. Л.3.
26. Там же. Л.3, 2 об.
27. ГАКО. Ф.574. Оп.1. Д.147. Л.1.
28. Там же. Оп.2. Д.28.
29. ОР ГПБ. Ф.585. Ц/1959. Ед.хр.2. Л.4, 4 об.
30. ГАКО. Ф.574. Оп.1. Д.153. Л.221-235.
31. Архив ЛОИА. Ф.5. Оп.1. Д.80. Л.7-19.
32. Спицын А.А. Костеносные городища на северо-востоке России // Календарь Вятской губернии на 1893 год. Вятка. 1892. С.378.
33. Зеленин Д.К. Научные труды А.А.Спицына // Живая старина. 1906. Вып.2. Отд.3. С.15-18.

МОСКОВСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ПО МАТЕРИАЛАМ
ОТДЕЛА ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Организация археологических институтов в России падает на вторую половину XIX – начало XX в. – время, в целом плодотворное для отечественной науки и культуры. Отличительными чертами его были интерес к прошлому, стремление его познать, изучить, сохранить его памятники.

По образцу западных археологических институтов, возникших в первой трети XIX в., главным образом как центры по изучению античных древностей в странах классического мира, в 1885 г. был создан Русский археологический институт в Константинополе.

Петербургский и Московский археологические институты (далее ПАИ и МАИ), основанные соответственно в 1878 и 1907 гг. – учебные. Основной задачей их была подготовка профессиональных архивистов и археологов. Институты восполнили, в известной степени, пробел в деятельности российских университетов, где в то время из группы вспомогательных исторических дисциплин преподавали лишь историческую географию и палеографию и не вели подготовку археологов.

В предлагаемой работе представлены документальные материалы по истории Московского археологического института, хранящиеся в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея (далее ОПИ ГИМ). Но прежде надо дать краткий очерк истории института.

Идея создания археологического института для подготовки архивистов в Москве (на базе Московского архива Министерства юстиции) выдвигалась Н.В.Калачовым (основатель ПАИ), затем Д.Я.Самоквасовым. Осуществили же ее выпускники ПАИ – Владимир Гаврилович Глазов (1848–1916) – генерал от инфантерии, министр народного просвещения в 1904–1905 гг. и Александр Иванович Успенский (1873–1938) – искусствовед, архивист, приват-доцент Харьковского университета, архивариус Московского архива Министерства императорского двора.

Московский археологический институт был основан в 1907 году на частные средства и находился в ведении Министерства народного просвещения. На археологическом и археографическом (архивном) отделениях в течение трех лет вели подготовку специалистов "...для должностей в музеях, архивах и библиотеках правительственных, общественных и частных" (ОПИ ГИМ. Ф.431. Ед.хр.96. Л.1.).

На первом курсе слушателям читали лекции по избранной специальности, на втором – к лекциям добавлялись практические занятия, которым в МАИ уделяли самое серьезное внимание, на третьем – велась подготовка диссертаций. Действительным слушателям (с высшим образованием), сдавшим экзамены за полный курс, защитившим диссертации, присваивали звание "ученый археолог" или "ученый архивист". К ним приравнивали и вольнослушателей (без высшего образования), отлично сдавших экзамены и защитивших диссертации. Разрешалось неполное прохождение курса, прослушивание отдельных лекций.

Круг изучаемых дисциплин был обширен: русская история и история учреждений, первобытная и бытовая археология, христианская археология, история археологических открытий, этнография, историческая география, генеалогия, дипломатика, геральдика, нумизматика, русская палеография, чтение древних рукописей, архивоведение, библиотековедение, музееведение, история русского и западноевропейского искусства, геология и др.

Преподавали в институте – Ю.В.Арсеньев, В.А.Городцов, С.К.Кузнецов, В.К.Мальмберг, Н.И.Новосадский, А.П.Павлов, А.А.Парланд, Н.И.Романов, Л.М.Савелов, А.И.Соболевский, С.И.Соболевский, В.К.Трутовский, Н.Н.Фирсов, А.Н.Филиппов, В.Н.Харузина, А.И.Успенский, М.И.Успенский и др. В МАИ преподавали не только профессора и доценты российских университетов, но и авторитетные ученые, не имеющие высшего образования (В.А.Городцов, Л.М.Савелов).

Преподаватели института и члены-учредители (те, кто подписал прошение о создании института) образовали Совет, возглавляемый попечителем (В.Г.Глазов), а в его отсутствие – директором (А.И.Успенский). Совет решал все вопросы научной, учебной и финансово-хозяйственной деятельности.

Совет МАИ за сравнительно короткий срок установил связи с зарубежными университетами и музеями. С 1911 г. в Мюнхене, у профессора Ф.В. фон Биссинга проходил стажировку выпускник института Ф.В.Баллод. Вернувшись в Москву, с октября 1912 г., читал курсы по египтологии в МАИ и Московском университете. В 1911 г. В.Н.Харузина изучала постановку работы в этнографических музеях Германии. На X международный конгресс по истории искусств в Риме были командированы В.К.Мальмберг, В.Ф.Гринеизен, а в работе XV археологического конгресса в Каире участвовали А.И.Успенский, Л.М.Савелов, В.К.Мальмберг.

Совет археологического института положил начало просветительской деятельности в российской провинции. В 1909 г. представители Губернской ученой архивной комиссии в Смоленске обратились к А.И.Успенскому с просьбой об организации у них лекций по программе института.

Отделение института в Смоленске открыли 1 октября 1910 г. Затем отделение открыли в Калуге (27 февраля 1911 г.), Витебске (27 октября 1911 г.), Нижнем Новгороде (4 декабря 1911 г.) Ярославле (1912 г.). Впоследствии было открыто отделение в Ростове-Ярославском, где преподавал Д.Н.Эдинг и начала учиться Л.А.Евтюхова.

В Москве институт проводил и немалую просветительскую работу, особенно в первые годы существования. Преподаватели, слушатели МАИ, известные ученые выступали с лекциями и сообщениями по широкой тематике ("На развалинах древней Трои", "Старообрядческая поэзия", "Масонские ложи в Москве", с лекциями выступали профессора Д.И.Иловайский, Д.В.Цветаев и др.)

В 1908/1909 академическом году слушатели института провели вечер, посвященный деятельности И.Е.Забелина, где сделали сообщения: Н.А.Скворцов - "Забелин, как историк Москвы", А.И.Рачменский - "Из сказаний о начале Москвы", В.М.Борин - "И.Е.Забелин, как архитектор-археолог", В.С.Соколов - "Заслуги И.Е.Забелина в храмовой истории и археологии Москвы".

Каждое лето при институте работало "Общество руководителей экскурсий по Москве". Слушатели и выпускники МАИ проводили экскурсии по Москве и московским музеям. Д.Н.Эдинг в автобиографии, находящейся в его архиве (ф.473), писал о том, что был одним из таких руководителей.

В 1912 г. при археологическом институте образовали общество, названное "Московское общество по исследованию древних памятников им. Успенского". Там работало несколько комиссий: архивная, по изучению старинных колоколов, по изучению подземных сооружений Москвы. Одной из главных задач последней был поиск библиотеки Ивана Грозного. Результаты исследований сообщались на заседаниях общества, посещаемых не только специалистами, но и широким кругом московской интеллигенции.

Еще более активно институт вел издательскую работу. "Записки Московского археологического института" издавались с 1909 г. Там печатались разнообразные по тематике, уровню и объему работы — от монографий А.И.Успенского "Царские иконописцы XVII в.", "Императорские дворцы" до статей преподавателей, слушателей, диссертаций выпускников. К 1917 вышел 41 том "Записок". Опубликованы "Отчеты о состоянии Московского археологического института" за четыре академических года, выпущены 2 справочника. Но наиболее важную задачу институт решил изданием практически всех учебных пособий и курсов, читанных в институте. Не говоря о знаменитых курсах В.А.Городцова "Первобытная археология", "Бытовая археология", некоторые издания используются и до сего времени — "Сборник снимков с русского письма XVII—XVIII вв.", составленный И.Ф.Колесниковым и Н.А.Марксом, лекции по генеалогии Л.М.Савелова.

В связи с празднованием 300-летия дома Романовых в 1913 г., решением Совета института, была организована выставка "Древнерусское искусство" и проведен юбилейный археологический съезд, на котором В.А.Городцов руководил работой археологической секции и выступил с докладом "Культура бронзовой эпохи в средней России".

В Москве при институте работали библиотека и музей, главным хранителем которого с 1908 по 1915 гг. был В.А.Городцов, в Смоленске при институте были музей М.К.Тенишевой "Русская старина" с 1911 г., а с 1912 — Смоленский историко-археологический музей.

После революции начался новый этап в жизни института: исчезла организованная стабильность, эмигрировали некоторые преподаватели (Ю.В.Арсеньев, А.П.Калитинский, читавший курсы археологии после ухода В.А.Городцова в 1915 г.).

В 1922 г. МАИ, равно как и ПАИ – упразднили. При I МГУ и ПГУ организовали археологические отделения в составе факультетов общественных наук. Археологическое отделение I МГУ возглавил В.А.Городцов, в числе преподавателей были Н.И.Новосадский и В.К.Трутовский. В 1931 г. открыли Московский историко-архивный институт, где преподавал выпускник МАИ И.Ф.Колесников.

В целом можно отметить, что за небольшой срок существования институт внес достойный вклад в историю отечественной науки и культуры, подготовив серьезных специалистов, среди которых Н.К.Аузрбах, Ф.В.Баллод, В.С.Воронов, М.Э.Воронец, В.В.Гольметен, Е.Н.Клетнова, И.Ф.Колесников, С.А.Локтышев, А.Н.Лявданский, П.С.Рыков, И.М.Самойловский, Д.Н.Эдинг.

Основной комплекс материалов по истории и деятельности МАИ хранятся в ЦГИА г. Москвы (ф.376) – это законодательные акты, делопроизводственная документация, материалы учебного процесса. Архивы преподавателей и выпускников института находятся в ОР ГБЛ, ОР ГПБ, ЦГИА СССР и ОПИ ГИМ.

В ОПИ ГИМ материалы по истории Московского археологического института находятся в фондах Ю.В.Арсеньева (ф.43), Е.В.Барсова (ф.450), В.А.Городцова (ф.431), Л.М.Савелова (ф.216), Н.Н.Фирсова (ф.449), В.Н.Харузиной (ф.81), Д.Н.Эдинга (ф.473), коллекциях (ф.281, ф.132) и архиве Московского археологического общества (ф.104).

Материалы о преподавании вспомогательных исторических дисциплин в МАИ из фондов Ю.В.Арсеньева и Н.Н.Фирсова, лекции по нумизматике В.К.Трутовского и его письма к А.В.Орешникову (ф.136) использованы в диссертации А.М.Пашкова¹. Автором настоящего обзора введена в научный оборот часть материалов из фонда В.А.Городцова².

Материалы ОПИ ГИМ, представляющие разнообразную информацию по истории института, можно разделить на следующие группы: 1) законодательные акты 2) материалы учебного процесса 3) делопроизводственная документация 4) периодическая печать 5) источники личного происхождения.

Законодательные акты МАИ представлены двумя печатными тиражированными документами – проектом положения о Московском археологическом институте от 1906 г. и Положением о Мос-

ковском археологическом институте, утвержденном 31 января 1907 г., определившем задачи, структуру, основные направления учебной и научной деятельности и способы финансирования института, существовавшего по принципу самоокупаемости.

Группа материалов, характеризующих учебный процесс в институте, достаточно представительна.

Первые варианты курсов по первобытной и бытовой археологии В.А.Городцова не сохранились, но в его фонде остались использованные при подготовке лекций развернутые планы (ед. II2) и большой подготовительный материал – выписки, конспекты работ по археологии, геологии, этнографии и т.д. (ед. I24).

Значительный интерес представляет комплекс, связанный с диссертацией Д.Н.Эдинга, беловой машинописный текст диссертации "Булавки Европейской России" (опыт применения типологического метода обработки материала) находится в фонде В.А.Городцова (ед.99). "Материалы для диссертации на звание "ученого археолога", защищенной в МАИ 21 сентября 1910 г." хранятся в фонде Д.Н.Эдинга (ф.473). В этой подборке есть рукописный текст диссертации с правкой, таблицы, черновые записи, черновой текст вступительного слова на защите. Д.Н.Эдинг изучал с 1908 г. бронзовые, серебряные и железные булавки, П.С.Рыков – одновременно золотые и костяные. Диссертация Д.Н.Эдинга позволяет оценить уровень работы вольнослушателя института, удостоенного звания ученого археолога и интересна в историографическом плане.

Для историографии, безусловно, любопытны также работы выпускников МАИ: Н.К.Ауэрбах "Типы каменных стрел урочища Бор близ г. Красноярска Енисейской губ." (ф.43I, ед.99), В.П.Лапчинский "Польские геральдические эмблемы в связи с историей некоторых дворянских родов России" (ф.104, ед.12), И.И.Иодковский "О литовской гривне в связи с вопросом о древнейших денежных единицах в Литве" (ф.43I, ед.99).

На диссертации, защищавшиеся в институте, требовались отзывы руководителей. Отзывы (беловые и черновые варианты) на работы В.Б.Арендта, Ф.В.Баллода, В.В.Гольмстен, П.С.Рыкова, И.М.Самойловского, Д.Н.Эдинга и др., данные В.А.Городцовым, находятся в его фонде (ед.99).

В этом же фонде – записные книжки В.А.Городцова (ед.112), содержащие разнообразные сведения о преподавательской работе

Василия Алексеевича с 1908 по 1940 г., в том числе многочислен-
ные записи о преподавании в археологическом институте. Это
списки учеников, перечень диссертационных тем, экзаменацион-
ные билеты. Наиболее представительным источником, входящим
в записные книжки, является Журнал занятий со слушателями
МАИ за 1909/1910 и 1914/1915 академические гг. Здесь даны
отчеты о занятиях по практической археологии и музееведению,
проводившихся в фондах и на экспозиции Российского Историче-
ского музея.

В дневнике В.А.Городцова за 1909 г. (ед. 330) есть под-
робные записи об археологической экскурсии слушателей инсти-
тута в Лужский и Гдовский у. С.-Петербургской губ. в июне
1909 г., где проведено обследование городищ, жальников, кур-
ганов. Проведены раскопки нескольких могил жальников³. Кроме
того во время экскурсии слушатели познакомились с местными
достопримечательностями и посетили Петербург.

В дневнике за 1911 г. (ед.333) В.А.Городцов сделал крат-
кую запись об экскурсии слушателей МАИ, прошедшей под его
руководством в июле 1911 г. в Смоленской губ., где в окрест-
ностях Гнездово проведены раскопки курганов и городища.

Подробные записи об археологических экскурсиях слушате-
лей института, состоявшихся в мае 1914 г. в Подмоскowie - в
дневниках В.А.Городцова за 1914 г. (ед.339). Эти записи ис-
пользованы при подготовке сообщения "Результаты археологиче-
ских раскопок в Московской губернии в 1914 году" (ед.60),
прочитанного В.А.Городцовым на заседании Общества друзей И-
сторического музея в 1920 г.

Вот вступительная часть: "Весною 1914 года, мною выпол-
нен ряд археологических экскурсий с целью по ознакомлению
моих слушателей по Московскому археологическому институту с
практическими приемами раскопок курганов и описания других
памятников на месте, от осмотра и подготовки подобных памят-
ников для будущих научных исследований. Всего мною выполнено
шесть экскурсий. Я полагаю, что собранный моими экскурсиями
материал, если и не дает новых научных выводов, то до неко-
торой степени расширяет наши сведения о нахождении маститых
памятников в Московской губернии и даст возможность в ближай-
шем будущем использовать эти сведения, если не с чисто науч-

ными, то с учебно-просветительными целями, например, с целью ознакомления разного рода ученических экскурсий с теми или другими видами древних памятников".

У д. Немчиново, Московского у., раскопаны два кургана XII в., восемь курганов XII в. — у с. Саввино, Богородицкого у. и три кургана XII в. близ ст. Барыбино, Подольского у.⁴ Проведено обследование части территории парка в с. Братцево (имение Н.С.Щербатова), осмотрена группа курганов у с. Спас-Тушино и проведена экскурсия по берегам р. Истры с целью регистрации археологических памятников.

Таким образом, еще в археологическом институте В.А.Городцов положил начало обследованию Подмосковья, которое продолжил, будучи руководителем археологического отделения I МГУ.

Отчет о раскопках Коленовских курганов Ростовского уезда, проведенных слушателями Ростовского отделения МАИ в 1922 г. под руководством Д.Н.Эдинга, хранится в его фонде (ф.473). К "Отчету" (рукописный и машинописный варианты) приложены план группы курганов и могил у д. Коленово, планы и разрезы отдельных курганов, зарисовки находок, выполненные Д.Н.Эдингом.

В архиве В.А.Городцова отложились записи лекций по истории греческой архитектуры, истории русской литературы, истории учреждений и др., которые он прослушал в МАИ, сдав затем экзамен.

Кроме названных выше, в группу учебных материалов входят разрозненные печатные учебные программы (ф.43I, 449, 473) и расписания занятий в Москве и отделениях МАИ (ф.43I, 473).

В группе делопроизводственной документации наиболее интересен "Краткий отчет Московского археологического института за десятилетний период его существования (1907—1917 г.)". Это рукописный незавершенный документ из фонда Н.Н.Фирсова (ф.449, ед.174) — экстракт отчетов МАИ за 10 лет. Структура "Краткого отчета" подобна структуре ежегодных отчетов института. Поскольку этот отчет юбилейный, здесь дан краткий экскурс в историю основания института, а затем, как обычно, идет перечень имен инициаторов организации МАИ, его почетных членов, преподавателей, перечень изучаемых дисциплин. Названы основные аспекты деятельности института, образованные за это

время кафедры и изменения в преподавательском составе.

В "Кратком отчете" названа цифра окончивших институт за 10 лет со званием ученых археолог и ученых архивист - 289 человек, т.е. 10-15 % от числа поступивших.

Поскольку плата слушателей за обучение была главным источником дохода - Совет искал все новые пути к увеличению числа слушателей, ходатайствуя перед Министерством народного просвещения об открытии третьего отделения в МАИ - истории искусств. В отчете есть сведения о том, что в отделениях института Совет проводил гибкую лекционную политику, учитывал местные интересы и возможности.

В "Краткий отчет" включены сведения о пожертвованиях в пользу института - втором крупном источнике доходов МАИ.

От жертвователей, передавших институту от 500 до 5000 руб., за 10 лет получено более 235 тыс. рублей. В библиотеку МАИ передано более 60 тыс. книг, в том числе рукописных и старопечатных. За счет дарений во многом пополнялся и музей института.

В отчете поименно названы наиболее щедрые дарители. В 1911 г. М.К.Тенишева передала институту музей "Русская старина" в Смоленске (коллекция почти 9 тыс. предметов, оцененная в несколько миллионов долларов), на ее деньги оборудованы помещения для занятий. М.Н.Бардыгин - егорьевский фабрикант - передал музей в Егорьевске. С.П.Рябушинский постоянно поддерживал институт крупными денежными вкладами, участвовал в организации выставки "Древнерусское искусство" (1913 г.), только на строительство здания МАИ он пожертвовал 165 тыс. руб.

Совет института, в свою очередь, высоко ценил дарителей: их избирали почетными членами МАИ, их имена присваивали аудиториям института, за особо крупные пожертвования лица мужского пола получали чин У класса по ведомству Министерства народного просвещения.

Помимо "Краткого отчета" в группу делопроизводственной документации входят списки слушателей первого и второго набора (1907/1908 гг. и 1908/1909 гг.), в первом (ф.450, ед. 859) указаны социальное положение и род занятий учащихся. Документ интересен, но вторичен по отношению к спискам слу-

шателей и личным делам, хранящимся в ЦИА г. Москвы (ф.376).

Небольшая подборка печатных материалов (вырезки из газет "Русские ведомости", "Русское слово", "Смоленский вестник" и др.) отложилась в дневниках В.А.Городцова (ф.43I). Здесь заметки об открытии института, статьи и заметки о деятельности М.К.Тенишевой, связанной со Смоленским отделением института, заметки о подготовке летом 1914 г. совместных с зарубежными археологами экспедиций в Египет и на Балканы, не состоявшихся из-за начавшейся I мировой войны.

Заключительной и наиболее интересной группой являются источники личного происхождения – дневники, письма, воспоминания, отложившиеся в фондах Ю.В.Арсеньева, В.А.Городцова, Н.Н.Фирсова, В.Н.Харузиной и Д.Н.Эдинга.

По скрупулезным записям в дневниках В.А.Городцова и его воспоминаниям, записанным в 1930 г. (ф.43I, ед.347) возможно восстановить отдельные моменты из истории организации института и практически все аспекты деятельности археологического отделения МАИ с 1908 по 1915 г.

Письма А.И.Успенского Н.Н.Фирсову (ф.449, ед.39) дают возможность проследить отдельные моменты сложной жизни института с 1915 по 1920 г. Характеристики самому А.И.Успенскому можно найти в дневниках В.А.Городцова (ф.43I), В.Н.Харузиной (ф.8I).

Высокая оценка работам В.Н.Харузиной и, в частности, курсу по этнографии, читавшемуся в МАИ, дана в письме В.Ф.Миллера (ф.8I, ед.35).

Об уровне преподавания в институте истории искусств и археологии можно узнать из автобиографии Д.Н.Эдинга (ф.473).

По дневникам В.А.Городцова, письмам к нему Е.Н.Клетновой и М.К.Тенишевой (ф.43I), письмам к В.Н.Харузиной от М.К.Тенишевой, Н.Синявского, П.Цветкова (ф.8I) прослеживается деятельность Смоленского отделения, для блага которого так много сделали Е.Н.Клетнова и М.К.Тенишева. Представленные материалы, в сопоставлении с иными источниками, делают знания об институте емкими, конкретными, достоверными.

В заключение можно сказать, что материалы по истории Московского археологического института, хранящиеся в ОПИ ГИМ, представляют безусловный интерес для исследователей истории

отечественной науки и культуры рубежа XIX–XX вв., исследователей истории русской интеллигенции и, кроме того, могут использоваться в экспозиции музея.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пашков А.М. Изучение вспомогательных исторических дисциплин в России во 2-й половине XIX – начале XX вв. Автореф. канд. дисс. М., 1984.
2. Стрижова Н.Б. Педагогическая деятельность В.А.Городцова // Труды ГИМ. М., 1988. Вып.68. С.27–32.
3. Городцов В.А. Дневник раскопок, произведенных экскурсиею слушателей Московского археологического института... в Санкт-Петербургской губернии Лужского и Гдовского уездах 1909 года 4–9 июня // Отчет о состоянии Московского археологического института за 1909/1910 академический год. М., 1911. С.65–89 прилож.
4. Каталог коллекций В.А.Городцова // Труды ГИМ. М., 1988. Вып.68. С.51, 52.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Из дневника В.А.Городцова за 1930 год.

21 декабря закончил чтение лекций студентам–археологам Историко–философского факультета I–ого Московского Государственного Университета, где секция Археологии закрыта совсем.

...Идя с последней лекции из университета домой, я старался припомнить всю мою лекторскую жизнь. Она началась фактически с 1906 года, когда я уже был кандидатом в лекторы организовавшегося Московского археологического института. В начале этого года, 16 февраля <не разб.> в Исторический музей, где я служил, явился приват–доцент А.И.Успенский и просил меня быть лектором в организуемом Московском археологическом институте. Я охотно согласился и выразил искреннюю радость по случаю возникновения самой идеи открытия в Москве института.

– Если бы Вы, Александр Иванович, не пригласили меня быть лектором, то я бы первым записался в слушатели.

А.И.Успенский сообщил мне, что мысль создать археологический институт явилась у него и генерала Глазова, бывшего

министра народного просвещения, а в это время состоявшего командующим войсками Московского военного округа. Глазов, будучи в Петербурге, прослушал курсы в Петербургском археологическом институте, где познакомился, как с товарищем по институту с А.И.Успенским. Оказавшись в Москве, они и взлелеяли хорошую мысль. Сообщили ее некоторым другим лицам и в том числе мне. Я был шестым из приглашенных. Мне предлагалось читать курсы по "Первобытной" и "Бытовой" археологии. Начало, мне казалось, не только хорошо, но и радостно. Однако у русских людей уже так истари повелось, что хорошим делам необходимо нагадить, подставить ножку, бросить палки в колеса. А.И.Успенский просил меня переговорить с А.В.Орешниковым, не согласится ли он преподавать в Институте нумизматику. Я согласился и на это и, простившись с Успенским, пошел к Орешникову, передал ему предложение Успенского. — "Никогда!" — решительно заявил Орешников. "Никогда я не соглашусь вести дела с этими господами. Знаете ли Вы, кто такие Успенский, Глазов?! Я и Вам не советую иметь с ними дела..." и т.д. с рядом крепких русских аттестаций... Это очень омрачило мою радость. Я тогда был новым человеком в Москве и мало знал москвичей, а в том числе Успенского и Глазова, а поэтому очень волновался и только горячее желание быть у археологического очага заставило меня пренебречь предостережением Орешникова. Я думал так: "Что мне то или другое лицо, я буду вести поручаемое мне дело, как можно лучше и добиваться хороших результатов и, если такие результаты окажутся, то кому это может быть неприятно". У меня было тогда верное чутье, которое меня вело верным путем, но у меня было много наивности и незнания людей, которые устлали намеченный путь колючими терниями.

В 1906 году было организовано первое учредительное заседание. Оно состоялось в квартире генерала Глазова, на Пречистенке, в доме штаба Московского военного округа. Собралось человек тридцать. Была графиня П.С.Уварова, как председатель Московского Археологического Общества, были профессора Д.Н. Анучин, Д.Я.Самоковасов, Д.И.Цветаев [надо Д.В.], Вл.И. Цветаев [надо И.В.], ректор Университета Любавский и многие другие, которых я и не припомню. Заседание открыл Гла-

зов, как председатель организационного кружка. Началось обсуждение дела. С первых же слов послышались неприятные нотки. Задавались вопросы: кто же и какую кафедру будет занимать, кто возглавит нарождающийся Институт. Ответы, повидимому, смущали и озлобляли некоторых из присутствующих. В конце концов, профессор Д.Я.Самоковасов, считая себя обиденным (его в списке кандидатов в лекторы не было) дерзко и неприлично сказал:

— Это будет не институт археологии, а лавочка для продажи дипломов*. Встал и гордо удалился. Произошло молчание. Затем поднялись гр. П.С.Уварова направилась к выходу, за ней встали Д.Н.Анучин, М.К.Любавский и еще человека два.

Смушение у оставшихся было очень велико. Глазов как-то скомкал конец заседания и оно кончилось без всякой резолюции. Я вышел из сорванного заседания в большом смущении. Мне казалось, значительной виной срыва была и моя кандидатура в лекторы — человека наименее имевшего на это право. Правда, перед приглашением меня в институт, я заявлял в университете о желании подвергнуться испытанию на получение звания приват-доцента и получения права чтения в университете курса археологии, но это не было заслугой и не давало мне ровно никакого права. Состояние духа было подавленное.

На другой день после заседания ко мне (жил я тогда на Смоленском бульваре в доме хозяина Фартусова) пришел А.И.Успенский.

— Не подпишите ли Вы резолюцию вчерашнего заседания? Я хочу ехать в Петербург и там провести начатое дело...

Я подписал. Подписаны были и другие имена, а во главе стояли имена Глазова, Успенского и др.

— Отлично! У нас имеется вполне достаточное число инициаторов, а прочее не важно (разумелся срыв вчерашнего заседания). А.И.Успенский имел связи со Двором бывал запросто у императора и поэтому был вполне уверен в полном успехе.

21 апреля — это у меня записано в памятке, состоялось второе заседание инициативной группы Института, на котором

* Это пророчество отчасти сбылось, будучи оправданным А.И. Успенским. (Прим. В.А.Городцова)

были утверждены: 1) проект Положения Московского Археологического Института 2) список почетных членов, так сказать покровителей Института и 3) список преподавателей, предназначенных к занятию определенных кафедр. "Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается!" Потребовалось более года для проведения в жизнь начатого дела. По временам казалось, что оно никогда не будет осуществлено. Только 17 мая 1907 года было объявлено, на заседании Совета, утвержденного Московского археологического института, об утверждении преподавательского списка. С этого момента я стал преподавателем высшего учебного заведения. Я был очень рад и заряжался энергией к выполнению принятого хорошего дела.

Помню, я был у Ивана Егоровича Забелина и сообщил ему об этом и он то ли шутя, то ли искренне сказал:
—Это свилось хорошее и нужное гнездо. Учите нас!

В последнем мне и послышалась нотка иронии, так как учить И.Е.Забелина, достигшего в это время 77 [надо 87] летнего возраста и колоссального научного авторитета, конечно, было делом непосильным не только мне, но и всему институту. Что делать, шутили над институтом, а в особенности надо мной, многие...

...Но первое выступление в роли лектора мне было страшно. Помню, как настала осень 1907 года и настал первый день моего выступления в роли лектора. О, как тщательно я готовился к этому! Как трепетало все мое существо и как я робел перед первым выступлением. Нервы были натянуты, как струна на лире, приготовленной к игре. Меня хотели сопровождать друзья, но я просил их не делать этого, чтобы не смутить меня во время лекции.

Я помню аудитория была полна. Слушателями в институт записались люди почтенные и, казалось мне, серьезные, которых мне следовало стесняться и я сильно стеснялся.

Нечего говорить о том, что чтение было при повышенной температуре. Я скоро овладел собой. Речь звучала ровно, гладко, энергично и уверенно, аудитория замерла. Читал я два часа без перерыва и, когда кончил, то аудитория вознаградила меня бурной овацией. Домой я бежал чуть не бегом. Так я был рад. Дома меня также встретили с радостью.

Так началась моя лекторская жизнь. Далее дело пошло еще лучше. Москва нас заметила и заговорила. Это нехорошо: тот, кого хвалят и делают модным героем круга, всегда возбуждает ревность, зависть и желание бросить палку в его не в меру быстро движущееся колесо.

Вскоре, после начала занятий, случилось пленарное заседание Ученого Совета института. Председательствовал Глазов. Присутствовал весь преподавательский персонал и некоторые почетные члены. Помнится, уже к концу заседания, секретарь доложил о поступившей записке от профессора Д.Я.Самоквасова, который просил Совет предоставить ему возможность бесплатно читать лекции в Институте, кроме того, обещал внести 2000 рублей в Институт на оборудование кафедры археологии. Я понял, что удар направлялся на меня, да и все это также поняли и как-будто встрепенулись.

Председатель предложил высказаться по поводу возбужденного вопроса. Все как-то тягостно для меня молчали. Тогда Глазов задал мне вопрос, буду ли я читать о скифах. Я ответил утвердительно. Тогда директор взял слово и произнес в мою пользу хорошую речь, предлагая заявление Самоквасова отклонить, так это и было сделано. Я вышел из заседания окрыленным, так как убедился, что меня все-таки считают до некоторой степени научной силой.

Подшло время лекции о происхождении человека. Лекция написана мною в естественно-историческом направлении. Мне приходила мысль, что выступление с такой лекцией опасно. На предшествующей лекции я даже заявил слушателям, что следующая лекция коснется вопроса о происхождении человека, что я немного стесняюсь ее излагать, зная, что среди слушателей есть лица, смотрящие на решение вопроса иначе, чем я смотрю. Услыхав это, аудитория, конечно не вся, шумно заявила просьбу читать эту лекцию. Я согласился и сделал залпом две ошибки: первую, что решил читать на скользкую тему и вторую, что заранее объявил об ее чтении. В часы лекции аудитория была переполнена слушателями. Явились не только слушатели археологического отделения, но и архивного (в институте было два отделения). Явились и некоторые из преподавателей с директором во главе. Я приступил к чтению. Аудитория тот-

час же наэлектризовалась моим зарядом электричества. Но, когда я, в конце лекции сказал, что химическое сродство кровей приматов и человека доказывает их кровное сходство, преподаватель Н.Н.Ардашев встал и вышел, за ним поднялось сразу человека три других лиц и вышли. Минут через пять я кончил.

Молодая и большая часть слушателей вошли в раж и кричали, рукоплескали и, словом, неистовствовали. Ко мне подошел директор и, улыбаясь, пожимал мне руку и приговаривал:

— Это ловко идет у Вас. Вы прекрасный лектор и пр.

Это было приятно, но, идя домой, я явственно ощущал, что-то неловкое и чувство сожаления, что я решился читать на скользкую тему, закрадывалось в мою душу. Прошло с неделю, а может быть и больше, преподаватели собрались на институтское заседание. Пришел и я и вот при удобном случае, Ардашев взял слово и заявил:

— Вот де у нас в аудитории уже человека произвели от обезьяны. Директору не мешало бы за этим построже смотреть. Я выпянул, но решил молчать, к моему счастью и директор смолчал и, поднятый щекотливый вопрос затухался.

Все же на меня установилось определенное воззрение, как на атеиста, чего я в то время совершенно не заслуживал. Я стал осторожнее. Дела пошли глаже. Дни и ночи я сидел за работой. Годы протекали за годами. Институт наш цвел, как махровый розан. Лепестком его служил и я. Но покой не вечен или вечен лишь в могиле.

Чем больше за мною шли слушатели, тем более завидовал мне директор и, в конце концов, в наших отношениях произошел разрыв. Это было в 1915 году, помнится в конце марта месяца. Из института я выбыл и, тотчас же, был принят лектором в Московский Народный Университет, где успех моих лекций оказался еще больше...

ГИМ ОПИ, ф.43I ед.347 л.л.23-29

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Журнал занятий В.А.Городцова по практической археологии с III курсом Московского археологического института [1909/1910 академический год].

10 октября. Суббота. 1909. С 2 до 5 часов вечера. Ознакомле-

ние с методами археологических раскопок: методы исследования курганов. Подготовка к раскопкам: план, карта, литература, записные книжки дневников, компас, рулетки, щуп, лопатки, лопаты, упаковочный материал.

Ведение дневника: осмотр и описание места, исторические и этнографические справки. Выбор курганов в группе. Измерение высоты и диаметра кургана. Закладка колодца или траншей. Расстановка рабочих. Ведение наблюдений, записи.

Могильная яма. Размеры. Очистка и описание костяка и сопровождающих его предметов. Исследование кострища.

17 [октября] суббота. 1909 года. Раскопка городища, стоянок, пещер. Занятие продолжалось 3 часа.

21 [октября] . Среда. Осмотр моделей [Российского исторического] музея и кладовой. Типологический метод исследования.

31 [октября] . Суббота. Выслушан доклад Д.Н.Эдингга и П.С. Рыкова о ведении ими работ по описанию типологическим методом булавки России.

- сравнительный метод исследования

- законы: а/ культурного соприкосновения;

в/ культурного совпадения;

с/ культурной инерции;

- исторический метод.

Методы обработки археологического материала.

7 ноября [1909] : Закон культурной инерции. Методы обработки археологического материала. Нашивка вещей на планшеты. Каталог. Составление отчета. Составление археологических карт.

14 ноября [1909] : Препарирование и хранение вещей в первое время по извлечении из почвы а/ вырезка гроба и отдельных вещей из почвы и доставка в музей...

[И.К.] Линдеман что-то сообщил о препарировании дерева... Корабль разбирался по частям и каждая часть препарировалась /для чего/ н/не пропитывание ли это кремнеземом?/.

в/ очистка вещей: серебр[яных] , мед[ных] , жел[езных] и др
с/ хранение полотен и тканей

II.

Производство раскопок и ведение дневника /упражнение на мо-

делях/.

21 ноября. Упражнение на моделях. Упражнение заняло два часа и вышло очень интересным. Взяты были следующие модели:

1/ Погребения полей погребальных урн.

2/ Скифские погребения.

3/ Погребение в дольмен двух костяков в сидячем полож[ении].

4/ Погребение кочевника с конем.

5/ Погребение в простой яме.

28 ноября: За упражнение на моделях:

1/ Кирилловская стоянка.

2/ Глинобитные площадки.

3/ Раскопки дворца Владимира Святого.

4/ Сложная модель погребения.

5/ Трупосожжение.

5 декабря. П.С.Рыков объяснял коллекции палеолит [ической] эпохи, находящиеся в Истор[ическом музее].

12 декабря. Д.Н. фон Эдинг объяснял колл[екции] неолит [ической] эпохи.

1910 год.

16 января. [М.А.] Рекстин объяснял трипольскую культуру.

22 января. Госпожа [А.И.] Соболева объясняла сибирские бронзы.

30 января. [И.К.] Линдеман объяснял бронзовые культуры Евр[опейской] России.

Журнал занятий со слушателями III курса Имп. Московского археологического института за 1914/1915 академический год .

...18 октября. Музееведение.

Ознакомление с порядком поступления, регистрации и размещения древностей в Имп. Российском Историческом музее.

Осмотрены: а/ инвентарная книга;

в/ подвижные карточные каталоги;

с/ осмотрены: а/ запасные коллекции и

в/ коллекции, выставленные в открытых залах музея.

Осмотры сопровождалась наглядными объяснениями всего дела. В заключение объяснены правила пользования коллекциями для научных работ и педагогических целей /записи, заявления,

требования <не разб.> и т.п./.

Занятие было направлено к тому, чтобы слушатели знали, как пользоваться сокровищами Исторического музея, где им чаще всего придется работать и как следует ставить музей, если бы это для кого-нибудь потребовалось.

25 октября.

Практические приемы обработки материала, добытого раскопками:

а/ распаковка материала из полевых пакетов. Чистка предметов, их фиксирование и распределение для хранения в музеях; в/ составление описи, зарисовки и фотографирование;

/приготовление к изданию дневников раскопок; поверка и сличение их составленной описью;

е/ статистическая обработка материалов, добытых раскопками;

/ составление археологических карт.

1 ноября.

а/ практическое описание коллекций;

в/ ознакомление с правилами археологических раскопок.

1/ Общие положения.

2/ Подготовка к производству археологических раскопок.

8 ноября. Составление описи предметов.

15 ноября. Снаряжение и заготовка разных вспомогательных средств /тетради, рулетки, кисти, малые лопатки, большие лопаты, кирки, ломы, буравы, <не разб.>, тачки, подводы, рельсовые пути, упаковочный материал/.

Способы археологических раскопок, вычисление количества рабочих и постановка их во время работы. Ведение отчетности во время археологических раскопок.

22 ноября. Ведение раскопок. Раскопка культурных слоев, ям, костров, остатков жилищ, древних стоянок, городищ, зольников, кострищ, холмищ. Раскопка пещер.

Е. Н. КЛЕТНОВА — ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ СМОЛЕНСКИХ АРХЕОЛОГОВ

Первые научные археологические исследования (курганов) в Смоленской губернии были начаты по идее председателя Московского археологического общества А. С. Уварова М. Ф. Куспинским в 1874 г. А. С. Уваров находил целесообразным начинать изучение с бесспорно кривичских древностей, т. е. с "ближайших окрестностей Смоленска, как главного культурного центра или гнезда [подчеркнуто А. С. Уваровым, Л. А.] славян-кривичей и отсюда уже расширять исследования по рекам к окраинам губернии"¹. Следом в 1870-х гг. в губернии копали курганы Н. Г. Керцелли (1865), В. М. Чебышева (1879), в 1890-1900-х гг. крупнейшие работы вел В. И. Сизов, раскопавший, кроме массы курганов в Гнёздове, еще 300 курганов в губернии, а также К. А. Горбачёв, А. А. Спицын, С. И. Сергеев и др.²

Если первые работы способствовали лишь возникновению интереса к древностям на местах, то вторым мощным толчком к развитию такого интереса была многолетняя подготовка к Девятому археологическому съезду в Вильне и сам съезд (1893). Не миновало это и Смоленщины, краеведы которой присутствовали на заседаниях съезда (С. П. Писарев, Г. К. Бугославский, Е. И. Кащпровский³). Действительно, из газет 1890-х гг. мы знаем, что С. П. Писарев организует Смоленское археологическое общество, некто К. Ровинский в весьма дельной статье советует расширить его деятельность, включив этнографию⁴, смоленский епископ утверждает Церковно-археологический комитет (50 членов и при нем — музей). На заседаниях этого комитета читаются исторические рефераты, налаживается связь с другими аналогичными учреждениями, в 1899 г. комитет проводит первые раскопки (Гнёздово), впрочем в 1909 г. о нем уже говорят, как о "погибшем"⁵. В 1908 г. в Смоленске была создана Смоленская ученая архивная комиссия (СУАК), о которой мы, правда, тоже мало знаем. На ее общем собрании в 1909 г. было решено составить археологическую карту губернии и для этого отпечатать 3 тыс. экземпляров "Опросного листка" и "разослать через "Смоленские Епархиальные Ведомости" всем священ-

никам и "земским начальникам"⁶. Такой листок был отпечатан⁷ и, вероятно, разослан, но результаты этого нам неизвестны. По Отчетам СУАК мы знаем, что на одном из его заседаний св. Н.Соколов прочел реферат о своих раскопках курганов в им.Тихановского⁸, что в деятельности ее принимали участие весьма культурные вяземские помещики Тухачевские (ближайшие родственники командарма) — А.М.Тухачевский был избран действительным членом СУАК а Е.М. и Н.М.Тухачевские принесли в дар СУАК три ценнейшие книги (1909)⁹. В Смоленске, как и в Витебске, с 1910 г. существовало Смоленское отделение Московского археологического института, где читались разнообразные историко-археологические курсы (в прежнем, расширенном понимании археологии)¹⁰. Смоленск изобилует памятниками старины, в местном издании П.П.Покрышкин поместил (ныне мало известные) рекомендации по вопросам ремонта зданий¹¹. 1908 г. был временем, когда в Смоленске интенсифицировались раскопки остатков многочисленной домонгольской архитектуры, подробно ныне изученной Н.Н.Ворониным и П.А.Раппопортом¹². Если попытки раскопок А.С.Уварова в 1883 г. Борисоглебского собора на Смядыни результатов не дали, то в 1908 г. Московскому археологическому обществу срочно пришлось налаживать это исследование, так как в городе возникла мысль устроить вокруг остатков храма женский монастырь. Работы проводил Д.В.Милеев, но документация его работ (кроме фотографий) не сохранилась. После Д.В.Милеева И.И.Орловским был собственноручно снят план руин собора — он и является ныне единственным источником для исследователей¹³. Раскопки Д.В.Милеева, видимо, дали толчок и работам И.Ф.Барщевского, пригласившего себе в помощники Е.Н.Клетнову.

Итак, мы видим, что интерес к памятникам древности Смоленщины к началу XX в. полностью сложился. Если в 1870—1880-х гг. он охватывал археологов центра — главным образом Москвы, то в 1890-х гг., особенно после Девятого археологического съезда, этот интерес проник и в Смоленск, где была подготовлена почва для деятельности археологов из местной среды.

Среди местных любителей археологии, лишь спорадически ранее занимавшихся раскопками (В.М.Чебышева, К.А.Горбачев и др.), в конце первого десятилетия XX в. выделялась вяземская

помещица Екатерина Николаевна Клетнова (1869 – после 1925 г.), широко начавшая изучать не только курганные древности Смоленщины (Вяземский и Смоленский уезды), но занимавшаяся и местной историей, этнографией и фольклористикой. Работам этой местной исследовательницы и посвящено настоящее сообщение.

О деятельности Е.Н.Клетновой можно судить кроме опубликованных работ, по ее большому семейному архиву, хранящемуся в Смоленском областном архиве и по некоторым данным в других архивах нашей страны¹⁴. Исследовательница происходила из мелкопоместных дворян Смоленской губернии, владевших в Вяземском у. селцом Кчетовым. В юности она много и серьезно занималась¹⁵ овладела языками, но интересы ее определились не сразу. В 1902 г. по заказу П.Ф.Юргенсона она перевела с итальянского текст оперы А.Бойто "Мефистофель"¹⁶. Следовательно, имела необходимое музыкальное образование.

Вскоре, впрочем, она обратилась к истории своего края, заинтересовалась археологией и этнографией и поступила в Археологическое отделение Московского археологического института, курс которого окончила со всеми отличными отметками и медалью¹⁷. Судя по архиву, ее выделял ее учитель В.А.Городцов, она была в дружеских отношениях с директором Института А.И.Успенским¹⁸. По деловым вопросам, связанным с археологией переписывалась с А.А.Спицыным¹⁹. По отметкам в паспорте Е.Н.Клетновой, можно видеть, как много она путешествовала, по каталогу ее книг – судить о широте ее интересов²⁰. Из документа от 29 июля 1918 г., разрешающего ей переезд из Кчетова в Вязьму, где есть описание ее библиотеки и коллекций, выясняется, что дом ее представлял довольно обширный музей, содержащий археологическую, этнографическую, зоологическую и художественную коллекции. Перевозились также собрание "художественной стильной мебели и фотографическая мастерская"²¹.

Огромную роль в развитии интересов Е.Н.Клетновой сыграли раскопки Малого храма на Смядыни в Смоленске, проводившиеся Смоленской ученой архивной комиссией на средства М.К.Тенишевой в 1909 г. Руководитель работ И.Ф.Барщевский пригласил ее на раскопки в качестве помощницы. Е.Н.Клетнова, по-видимому, заведывала графической фиксацией²², а позднее и публикацией материалов. Исследователи с удовлетворением отмечают

большую наблюдательность Е.Н.Клетновой, пристальное внимание ее к мелким деталям раскапываемого²³. Она описывала подробно характер плинфы, из которой выстроен храм, характеризуя клейма на ней, отмечала, что на ребрах они выпуклые, на постелистой стороне — вогнутые, указывала, что плинфы были положены непосредственно на материковый грунт, что свернутый в трубку кровельный свинец прикреплялся к перекрытиям гвоздями с продолговатыми головками и т.д.²⁴ Весь храм, по мнению ее, не имел бутового фундамента (что, конечно, невозможно, и она, видимо, не учла, как думает М.К.Каргер, мелко заложный фундамент из плинфы²⁵).

Раскопки в Смоленске настолько увлекли Е.Н.Клетнову, что она, по-видимому, готова была сама продолжить столь удачно начавшуюся свою археологическую деятельность. Случай не замедлил представиться, правда, с несколько неожиданной стороны, о чем мы узнаем из ее частного дневника. 27 июня 1910 г. там записано: "Случайно Е.Н.К[летновой] произведены раскопки двух небольших холмиков на поле д. Хожаево Спас-Неразл. волости, принимаемые за французские могилы 1812 г. Найдены погребения с трупосожжениями, части черепов, бронзовые и серебряные украшения, кольца, височные кольца, гривны, разные бусы, бубенчики, остатки тканей, русых волос..."²⁶ Историю этих первых "случайных"(!) раскопок можно представить в следующем виде. В конце первого десятилетия XX в. по всей России начали готовиться к юбилейным торжествам по поводу столетия войны с Наполеоном. В подготовке этих торжеств, в разработке связанных с ними событий столетней давности Е.Н.Клетнова принимала, судя по ее работам о 1812 годе, деятельное участие. Очевидно, она и начала с "французских могил" у д. Хожаево, но тут же поняла, что имеет дело с древними курганными захоронениями. Можно думать, что в это время археологические познания ее были невелики, раскопанные курганы в Смоленщине она, вслед за А.С.Уваровым, еще приписывала мерянам (!). В том же 1910 г. Е.Н.Клетова стала, по-видимому, слушательницей Смоленского отделения Московского археологического института²⁷, а каждое лето отныне посвящала археологии. Более всего она исследовала берега р. Вязьмы. В 1911 г. она послала свой первый научный отчет в Императорскую археологическую ко-

миссию (Петербург)²⁸. Она копала у ст. Меньшиково (курганы) и обследовала стоянки каменного века (1912)²⁹, вместе с членами археологического института изучала берега той же Вязьмы (1913)³⁰. С 1914 г. она вела периодические раскопки Гнёздовских курганов (к чему потом неоднократно возвращалась), в том же сезоне изучала и вяземские курганы³¹. В 1915 г. опять ею исследовались Гнездовские и вяземские (по рр. Вязьме и Осьме) курганы³². Дореволюционные археологические занятия Е.Н.Клетновой кончились в 1916 г. раскопками курганов в Гнёздове - Левобережном и при д. Относове Вяземского уезда³³.

Как видим, за шесть предреволюционных лет Е.Н.Клетнова со страстью занималась полевой археологической деятельностью и с первых же раскопок, еще не овладев должным количеством специальных знаний, стремилась все опубликовать. При такой поспешности исследования не всегда были сделаны на достаточно высоком научном уровне. Строение курганов ею не описывалось, бегло перечислялись найденные вещи и т.д. Она копала, как правило, на казенных землях, а это требовало получения в Императорской археологической комиссии в Петербурге Открытого листа и систематического предоставления научных отчетов о раскопках. Несмотря на то, что Е.Н.Клетнова была ученицей В.А.Городцова, ее подготовка все же была не на высоте, и в ИАК ее отчеты неизменно вызвали неудовольствие такого специалиста, каким был А.А.Спицын.

Переписка Е.Н.Клетновой с ИАК, А.А.Спицыным и В.А.Городцовым представляет для нашей темы большой интерес. Предполагая отсутствие в Петербурге А.А.Спицына, 7 апреля 1914 г., исследовательница обратилась к председателю ИАК гр. А.А.Бобринскому: "За отсутствием Александра Андреевича Спицына, не имею возможность сделать требуемые им некоторые разъяснения и, не получая посему Открытого листа на производство раскопок в Вяземском и Смоленском уездах Смоленской губернии, имею честь покорнейше просить выдать мне таковой"³⁴.

Письма А.А.Спицына, при всей суровости их содержания, могут служить образцом научной переписки такого рода (как, впрочем, и ответы Е.Н.Клетновой). 15 апреля 1914 г. А.А.Спицын отвечал: "Милостивая государыня, многоуважаемая Екатерина Николаевна! Простите меня пожалуйста, но я должен снова

прямо и решительно сказать, что отчеты Ваши о раскопках не могут быть признаны удовлетворительными. Для Вас обряд погребения, способ насыпания кургана, его (неразб. слово), характер кострища — дело второстепенное, а самое важное — вещи, для меня же важно исследование насыпи, а не вещи. Я не понимаю, как можно разрушить курган, не дав его точных чертежей и описания. Для меня ясно, что у Вас не было хорошего руководителя во время раскопок, когда Вы ему (очевидно, описка, вместо "этому") учились и это очень жаль, потому что теперь все наши требования стали представляться вздорными придирками. Как это Вы хотите жить раскопками других? Мы (неразб. слово) на раскопках боимся каждой новой раскопки, как труднейшего и ответственнейшего дела, Вы же приступаете к ним с увлечением и легким сердцем, лишь досадуя на чинимые Вам препятствия. Я же писал Вам: копайте на частных землях! Никто не поставит тут Вам никаких препятствий и условий. Отчеты о раскопках здесь совсем не обязательны!

Я охотно лично побеседовал бы с Вами в Петербурге, но это время не увидимся, т.к. на-днях я еду за границу и пробуду там не менее трех недель. Ваш покорный слуга А.Спицын"³⁵.

Письмо А.А.Спицына написано в апреле 1914 г. и относится, следовательно, к Отчету Е.Н.Клетновой за 1913 год. Учитывая критику крупнейшего русского археолога, исследователяница стремилась в следующие годы присылать более подробные отчеты. К отчету ее 1914 г., мы видим, приложен дневник работ с фотографиями курганов, открытых ею в Гнездове-Левобережном, также с фотографиями гончарных урн из гнездовских курганов и т.д.³⁶. Однако и этот отчет полностью комиссию не удовлетворил: препровождая ей Открытый лист 4 июня 1915 г., председатель комиссии А.А.Бобринский "покорнейше просил" "обратить внимание на прилагаемый отзыв члена комиссии А.А.Спицына по представленному отчету за 1914 г.". А.А.Спицыным было указано, что "несмотря на улучшения доставленного Вами отчета за 1914 г. он не может быть назван вполне удовлетворительным" — далее отмечался ряд недочетов ("в кургане I не исследована форма рва и зональной ямы", "вышина ямы до зольного слоя в разных местах разная" и т.д.)³⁷. Отчет о раскопках 1915 г., присланный Е.Н.Клетновой в 1916 г. был более полон

и сопровождался на этот раз большим количеством рисунков вещей³⁸. Из ответных писем А.А.Спицыну Е.Н.Клетновой приведу, написанное ею 25 марта 1916 г.: "Глубокоуважаемый Александр Андреевич! Принося Вам глубокую благодарность за Ваше письмо, беру на себя смелость просить Вас высказаться о моем последнем отчете, как Вы его нашли, ибо моя конечная цель добиться Вашего одобрения, каковое для меня особенно ценно (...) Все время читаю археологическую литературу и ни разу мне не приходилось видеть аналогичное Относоскому, кострище в ногах (погребенного, Л.А.), да притом такое мощное. Однако, стенки ямы имели незначительное покраснение, но отнюдь не сплавлены. Как это объяснить? (...) Как и откуда можно выписывать ОАК, "Известия" я выписывала также, как и "Материалы" от Рюккерт. (...) В надежде на Ваш любезный ответ и Ваше снисхождение ко мне, остаюсь глубоко уважающая Вас, всегда признательная Е. Клетнова"³⁹.

Как видим, Е.Н.Клетнова в переписке с А.А.Спицыным поддерживала тон высокой научной принципиальности и корректности и даже доверчивости. Она стремилась совершенствовать свою методику раскопок и, ставя вопросы науки выше личной амбиции, прямо писала этому крупнейшему русскому археологу, что стремится следовать его указаниям и добиться одобрения.

Иной характер носила переписка Е.Н.Клетновой с ее учителем В.А.Городцовым, которые постоянно ее хвалили. "Вы правы, что берега р. Вязьмы покрыты непрерывной цепью могильников. И все наши реки изобилуют памятниками, да некому их исследовать, — писал он ей в недатированном письме. — Река Вязьма счастливее других тем, что Вы на ней живете и изучаете ее берега..."⁴⁰ Статьи Е.Н.Клетновой писавшиеся в том же стиле отчетов, которые критиковал А.А.Спицын, у В.А.Городцова вызвали иную реакцию: "статью "Археологические разведки Вяземского уезда" прочитал с большим вниманием. Работа хорошая", — пишет он 30 апреля 1915 г.⁴¹ Статью Е.Н.Клетновой "Ямный могильник при д. Относове Вяземского уезда" он также прочел "с большим интересом" и только отметил, что это не "ямный", а "обычный курганный могильник"⁴². От учителя и научного руководителя Е.Н.Клетновой следовало бы ждать больших замечаний! Консультировалась же с В.А.Городцовым она больше по вопросам, свя-

занным с работами студентов по археологии Смоленского отделения Московского археологического ин-та⁴³.

Ж Ж Ж

Наступили революционные годы.

Положение в Смоленщине было тяжелым. Советская власть в Смоленске была установлена 31/13 ноября 1917 г., но в губернии долго было неспокойно, шли бои. В уездах, в глуши действовали шайки бандитов, да и новые волостные власти часто были не на высоте. Процветало беззаконие, преследовалось местное дворянство, интеллигенция (которую часто причисляли к эксплуататорским классам) и т.д. Владелица сельца Кочетово Вяземского у. Е.Н.Клетнова стойко и долго сопротивлялась притеснениям волостных властей и, понимая, очевидно, значение переживаемого момента для истории, вела дневник местных событий, четко отделяя "слухи" от действительности", продолжала его карандашом, когда чернил уже нельзя было достать⁴⁴.

7 ноября 1918 г. в Смоленске был открыт Смоленский государственный университет. Е.Н.Клетнова, приглашенная туда в качестве профессора, начала в Смоленске энергичную краеведческую (и археологическую) деятельность. В 1921 г., несомненно, при ее участии, в Смоленске было создано Археологическое общество, которое вступило в связь с "одним из старейших наших обществ" — Московским археологическим обществом⁴⁵. 1 апреля 1922 г. вышел первый смоленский журнал — "Смоленская Новь", посвященный, как сказано в обращении редакции к читателям, "вопросам народного просвещения, школы и культуры местного края и республики. Все то новое, что дала революция, должно найти отражение на страницах "Нови"⁴⁶. Неизменно освещались в журнале вопросы местной археологии, этнографии и проч. Уже 15 марта 1922 г. председатель Археологического общества и Комиссии по составлению словаря Смоленского края Е.Н.Клетнова обратилась к читателям журнала с просьбой прислать "смоленские характерные слова"⁴⁷; в № 4 она же общалась о своих раскопках курганов в Гнёздове⁴⁸. Ей и археологам Смоленска в следующем 1923 г. удалось добиться постановления Смоленского губисполкома об охране памятников Смоленской губернии и об ответственности за их разрушение. "За уклонение от регистрации коллекций и памятников старины и искус-

ства, за умышленное или неосторожное разрушение или повреждение подлежащих охране памятников (...) виновные подвергаются в административном порядке денежному взысканию до 300 р. золотом", — значилось в этом важном документе, впервые изданном на Смоленщине⁴⁹.

Как энтузиаст раскопок курганов Е.Н.Клетнова сообщала в "Нови", что она уже с 1921 г. возобновила разведки, а в 1922 г. "сразу же, как стаял снег", отправилась в Гнёздово со студентами. В 1922 г. Губнаробраз выделил Обществу средства на раскопки, оно провело их под руководством Е.Н.Клетновой и в следующем году вышла статья с информацией о раскопках. В этот раз ее заинтересовали не только гнёздовские курганы, но и городище, которое она назвала "Ольшанское-Батеки". Здесь, среди лепной керамики было обнаружено несколько обломков сосудов каменного века, и исследовательница поспешила заключить: "Городище Ольшанское-Батеки следует безусловно признать... неолитическим [подчеркнуто ею], т.к. ни одного металлического предмета найдено не было" [!] ⁵⁰. Это тот самый памятник у д. Новые Батеки днепродвинской культуры У1-У вв. до н.э. — II-III вв. н.э., который был известен еще И.С.Абрамову, А.Н.Лявданскому, а в 1959-1960 гг. его раскопал Е.А.Шмидт⁵¹. К неолитической эпохе он отношения, конечно, не имеет.

Двадцатые годы были уже другим временем, другой эпохой. Среди учеников Е.Н.Клетновой в Смоленском университете выросла мощная фигура А.Н.Лявданского, находившегося, по-видимому, в тесном контакте с А.А.Спицыным, а здесь вынужденного быть в подчинении у ученого старого склада, как в университете, так и на раскопках. Талантливый ученый новой формации, он, несомненно, видел промахи Е.Н.Клетновой (через два года он писал о них очень резко⁵²), но тогда в 1923 г. в своей статье, написанной по поводу статьи Е.Н.Клетновой, и помещенной следом за ней, он лишь выправлял некоторые неточности⁵³.

В РАИМК к Е.Н.Клетновой выработалось критическое отношение. Когда 27 июня 1923 г. она обратилась туда с просьбой об Открытом листе на раскопки в Смоленской губернии, ответ она получила лишь... 31 августа в конце раскопочного сезона: Главнаука Наркомпроса сообщала, что "разрешение на раскопки

в Смоленской и Минской губерниях выдано ассистенту Смоленского гос. университета А.Н.Лявданскому", от Е.Н.Клетновой же требовался поэтому план ее раскопок⁵⁴. Это было похоже на издевательство и было оскорбительно. Видимо, так это Е.Н.Клетнова и расценила. В ее полном архиве, хранящемся в СОГА, последние документы имеют дату — 1924 г., после чего стоит пометка "выбыла"⁵⁵. На оттиске последней ее работы, присланной в дар ее учителю В.А.Городцову, имеется дата: "Прага, 24.XII.1925 года"⁵⁶. Видимо, в 1925 г. исследовательница эмигрировала. Судя по тому, что в том же архиве хранится большой архив всей семьи Е.Н.Клетновой, переданный туда из "Кабинета им. проф. Е.Н.Клетновой" Смоленского государственного университета, можно думать, что архив этот передан ею в университет добровольно. К сожалению, все свои ошибки предыдущей работы о Гнёздове (городище Батеки принадлежит якобы неолиту и т.д.), она повторила и в своей последней работе, напечатанной в Праге (что вызвало законное, но, может быть, высказанное слишком резко возражение А.Н.Лявданского, о чем уже говорилось). Не будем забывать, что Е.Н.Клетнова никогда не скупилась на свои материалы — строки благодарности ей находим как у Н.Щекотихина, которому она передала с правом публикации свои зарисовки смоленской церкви на Смядыни, так и самому А.Н.Лявданскому⁵⁷.

ж ж ж

Переходя к оценке деятельности Е.Н.Клетновой, нельзя не отметить, прежде всего, ее исключительный энтузиазм в изучении истории края. До нее было много краеведов, разрабатывающих историю Смоленщины, но она была первым сравнительно крупным серьезным местным археологом в Смоленской губернии. Работы ее по изучению одного из домонгольских архитектурных памятников Смоленска ныне не только не забыты, но являются основным источником по изучению храма Василия на Смядыни, и ими современные исследователи широко пользуются. Что касается ее раскопок курганов, то и здесь, несмотря на все недостатки, их значение велико. Все, что мы знаем сейчас о курганах бассейна р. Вязьмы, в основном черпается из работ Е.Н.Клетновой. К сожалению, занятия под руководством В.А.Городцова в Московском археологическом институте, видимо, ей дали

мало — она вела раскопки старыми методами, что и вызвало нарекания А.А.Спицына, а вслед за ним в советское время — А.Н.Лявданского. Возможно, творческое начало в натуре исследовательницы было недостаточно развито, к тому же она начала заниматься археологией и учиться ей в Московском археологическом институте в 40 лет, когда всякое постижение нового не так легко. Несмотря на все это, в бассейне р. Вязьмы, как сказано, ею раскопано большое количество памятников, и публикации этих работ являются, несомненно, вкладом в науку.

Не забудем, наконец, энергичной деятельности Е.Н.Клетновой и в Смоленске при создании в Смоленском университете особой кафедры археологии и отдельного археологического кабинета, названного "Кабинетом профессора Е.Н.Клетновой", куда вошел, как мы говорили, и весь семейный архив Клетновых. При участии Е.Н.Клетновой (а может быть, по ее идее) в Смоленске было создано Археологическое общество, где она была председателем. Большая роль принадлежит ей и в журнале "Смоленская Новь" (идея создания которого, вероятно, тоже принадлежала ей). В этом журнале исследовательница печатала ряд своих статей, посвященных смоленскому краеведению и археологии, на его страницах боролась за сохранение смоленских памятников истории и культуры и т.д.

Все это дает нам право, несмотря на некоторые промахи в методике научных исследований в поле, считать, что Е.Н.Клетнова заслуживает не быть забытой при изучении истории развития археологии и краеведения Смоленщины.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии // Материалы по археологии России. СПб, 1902. № 28. С.1.
2. Литературу см: Седов В.В. Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья. МИА. М., 1970. № 163. С.109.
3. См. Труды IX АС. М., 1897. Т.П.
4. Ровинский К. Письмо в редакцию // Смоленский вестник, 1890. № 149; Б.Вл. Проектируемое Смоленское общество истории, археологии и этнографии. Там же, 1893. № 125.
5. С.П.Писарев читал реферат о перенесении в Смоленск мощей Бориса и Глеба; Г.К.Бугославский — о древнейших службах

- этим святым; Е.К.Червинский - о смоленских митрополитах и т.д. См.: Санковский А. О деятельности Смоленского церковно-археологического комитета в прошлом // Смоленские Епархиальные Ведомости, 1911, № 7. С.246-248.
- Бугославский Г. О результатах изыскания Гнёздовского могильника // Смоленская Старина, 1909. Вып. I. Ч. I. С. 157
6. Отчет Смоленской ученой архивной комиссии во второй год существования (1909-1910). Смоленск, 1912. С. 12, 22.
 7. Смоленская ученая архивная комиссия просит ответить на предлагаемые вопросы (в целях) составления археологических карт. См. 1914.
 8. Отчет СУАК... С. 12.
 9. Отчет СУАК... С. 32, 33.
 10. Клетнова Е. Открытие систематических лекций в Смоленске Московским археологическим институтом // Исторический Вестник, 1910, декабрь. С. 213-215.
 11. Покрышкин П. Краткие советы по вопросам ремонта памятников старины и искусства // Смоленские Епархиальные ведомости, 1916, № 7. С. 158-171; № 8. С. 197-202.
 12. Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Зодчество Смоленска XII-XIII вв. Л., 1979.
 13. Орловский И.И. Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин // Смоленская Старина, 1909. Вып. I. Ч. I. С. 300. Рис. 9.
 14. СОГА. Ф. 113 ("Архив кабинета им. проф. Клетновой"), опись I, № 2. Сохранившийся в полном составе личный архив этого археолога представляет неоценимый клад для историка русской провинциальной интеллигенции. Бабка Е.Н. Клетновой (ур. Полуэктова) - падчерица богатого помещика Гавриила Ракуссы, который "употребил все усилия к приличному воспитанию ее и образованию". Выйдя замуж за Ст. Аф. Клетнова, она купила с. Кочетово "с 375 душ с господским заведением", где и родились пятеро ее детей (в 1838 г. - отец Е.Н. Клетновой). Вскоре дети осиротели и попали под опеку Г. Ракуссы (СОГА. Ф. 113. Оп. I. № 157. Л. 1). Любопытно для историка состояние Клетновых (сохранилась опись его). С.А. Клетнов, видимо, был не чужд чтению: среди описи типичных помещичьих вещей того времени (столовое сере-

- бра, трубок, шкафов "оклеенных красным деревом", "портретов в вызолоченных рамах", "подзорных трубок в маленьком виде" и пр.) при описи кабинета помечено: "книг в кожаных и бумажных переплетках разных сочинений - 193, на сумму 50 р." (СОГА. Ф.113. Оп.1. № 44). Отец Е.Н.Клетновой был выпущен из Кадетского корпуса в 1855 г. и, по свидетельству предводителя дворянства, "по достаточному своему состоянию в Смоленской губернии (мог) прилично содержать себя в кавалерии без особых пособий со стороны правительства" (там же, № 2). В 1861 г. он - вяземский предводитель дворянства - избран в члены Смоленского статистического комитета (там же, № 1) и т.д.
15. СОГА. Ф.113. Св.2. Д.44 (тетради для упражнений 1889 г.).
 16. СОГА. Ф.113. Оп.6. № 162. Л.2.
 17. СОГА. Св. № 1. Ед.хр.18. (о медали см. Письмо проф.А.Успенского от 14 января 1914 г.).
 18. Там же. Оп.10. № 303. Л.6 и др.
 19. Там же. Оп.10. № 351. Л.3.
 20. Там же. Оп.10. Ед.хр.178 (1923 г.).
 21. Там же. Св.3, № 104.
 22. Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Зодчество Смоленска. С.154, 155 (подпись Е.Н.Клетновой значится на цветном чертеже Музея архитектуры им. А.В.Щусева, представляющем, как полагают авторы, "как бы соединение чертежей Барщевского").
 23. См.: Каргер М.К. Зодчество древнего Смоленска. Л., 1964. С.70, 71; Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Зодчество Смоленска XII-XIII вв. Л., 1979. С.154 и сл.
 24. Клетнова Е.Н. Доклад Московскому археологическому обществу о раскопках на Смядыни, произведенных Смоленской ученой архивной комиссией в 1909 году // Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников. М., 1912. Т.1У. С.289, 292, 295, 296 и др. См. также: Она же. О раскопках на Смядыни // Известия Археологической комиссии. СПб., 1910. Приб. к вып.34 (выборка из газеты: Смоленский Вестник, № 202, 203, 207, 215, 282, 283, 289, 13, 16, 20 и 30 сентября, 20, 22 и 31 декабря 1909 г.
 25. Каргер М.К. Зодчество... С.70.

26. СОГА. Ф.113. Оп.4. Ед.хр.116 (дневник). Клетнова Е.Н. Мярнянское погребение близ с. Серезани Вяземского у. Смоленск, 1910.
27. Клетнова Е. Открытие систематических лекций в Смоленске Московским археологическим институтом // Исторический Вестник, СПб., 1910, декабрь. С.1213-1215.
28. Клетнова Е.Н. О раскопках в 1911 в Смоленской губернии. Архив ЛОИА. Ф.1, 1912, № 192.
29. Клетнова Е. Исследования и раскопки у ст. Меньшиково, Вяземского у. // Смоленский Вестник, 1912, № 172 (Известия Археологической комиссии 1913 приложение к № 48. С.153). Она же. Археологические разведки и раскопки в Вяземском у. 1912 года // Смоленская Старина, 1916. Вып.Ш. Ч.2. С.1-16. См. также: Архив ЛОИА. Ф.1. № 192.
30. Клетнова Е.Н. Об имеющих быть раскопках членов Московского археологического ин-та // Смоленский Вестник, 30 июля 1913 г. № 168.
31. Клетнова Е.Н. Раскопки в Гнездове // Смоленский Вестник, 31 мая 1914 г. № 116; Правительственный Вестник, 6 июня 1914 г. № 122; Известия Археологической комиссии 1914. Приб. к № 56. С.128-129; Отчет Археологической комиссии за 1913-1915 г. II., 1918. С.229; Архив ЛОИА. Ф.1, 1914, № 323.
32. Клетнова Е.Н. Раскопки по рр. Вязьме и Осьме // Отчет Московского археологического ин-та. М., 1915. Она же. О раскопках в Вяземском у. Смоленской губернии (Архив ЛОИА. Ф.1, 1915, № 92); Она же. Описание курганов, расположенных по рр. Вязьме и Осьме и их раскопки (СОГА. Ф.113, № 123).
33. Клетнова Е.Н. Раскопки Гнездова-Левобережного // Смоленская Старина, Смоленск, 1916. Вып.3, Ч.2. С.33-41. Она же. Ямный могильник (при д. Относово Вяземского у.). Смоленск, 1916 // Архив ЛОИА. Ф.1, 1916, № 50.
34. Архив ЛОИА. Ф.1, 1914, № 323. Л.1.
35. СОГА. Ф.113. Оп.10. Ед.хр.Х51. Л.3.
36. Архив ЛОИА. Ф.1, 1914, № 323.
37. Архив ЛОИА. Ф.1, 1915, № 92 (Л.2).
38. Архив ЛОИА. Ф.1, 1915, № 92.

39. Архив ЛОИА. Ф.1, 1915, № 92. (письмо Е.Н.Клетновой почему-то хранится среди дел 1915 года, хотя датировано оно Е.Н.Клетновой 1916 г.).
40. СОГА. Ф.113. Оп.10. Ед.хр.303. Л.6.
41. СОГА. Ф.113. Оп.10. Ед.хр.303. Л.3. об.
42. СОГА. Ф.113. Оп.10. Ед.хр.303. Л.4. В письме сообщается о малоизвестных трагических событиях семьи В.А.Городцова в Первую мировую войну: "Спасибо за Ваше доброе сочувствие к нашему семейному горю, — пишет ученый. — Война особенно тяжело ударила по моему дому: пострадало три сына и обрученный жених дочери убит. Младшего сына 9 августа отравили удушливыми газами и теперь он совершенно разбитый человек..."
43. СОГА. Ф.113. Оп.10. Ед.хр.303. Л.1-2.
44. Клетнова Е.Н. Записи событий и происшествий по Смоленской губернии и другим городам (отзывы крестьян на декрет В.И.Ленина и др.). СОГА. Ф.113 (Клетновой). Оп.1, № 116. Так же № 104 и др. Материалы этих бесхитростных записей — неоценимый источник для будущего историка и, в частности, историка нравов этой эпохи на местах. Вот одна из таких записей: в марте 1918 г. "в Совдеповском Трибунале разбирали дело о покраже ремня на мельнице Логвиновича (им. Леонтьево Вяземского у., Л.А.). Вор сознался, мотивируя кражу крайней нуждой. Трибунал постановил: вора оправдать, а доказчика оштрафовать на 100 рублей???)".
45. От Археологического общества // Смоленская Новь, 1922, № 5. С.13.
46. От редакции — читателям // Смоленская Новь, 1922, № 1.
47. Клетнова Е.Н. От Комиссии по составлению словаря // Смоленская Новь, 1922, № 1. С.14.
48. Клетнова Е. Новые раскопки в Гнёздове // Там же, 1922, № 4. С.14.
49. Обязательное постановление Смоленского губисполкома // Рабочий путь, Смоленск, 2 июня 1923 г. № 120.
50. Клетнова Е.Н. Раскопки в Гнёздове // Смоленская Новь, 1923, № 3-4.
51. Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. М.-Л., 1963.

52. Лявданский А.Н. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научные известия Смоленского гос. университета. 1926. Т.3. Ч.3. С.182, прим.1.
53. Лявданский А.Н. О "раскопках в Гнёздове" // Смоленская Новь, 1923, № 3-4.
54. Архив ЛОИА. Фонд ГАИМК, 1923. Оп.92. Л.1 (письмо Е.Н. Клетновой 27.IV.1923), II (ответ Главнауки 31.VIII.1933).
55. СОГА. Ф.113, № 70.
56. Клетнова Е.Н. Великий Гнёздовский могильник // Niderluy sbornik. Praha , 1925. С.309-322. Экземпляр этой статьи с указанной надписью Е.Н.Клетновой хранится в библиотеке Института археологии в Москве, инв. № 1234/56.
57. См.: Шчакаціхін М. Смяднскія роспісы // В кн.: Гістарычна-археалагічны зборнік, Менск, 1927. Вып.1. С.71, прим.2; Лявданский А.Н. Материалы для археологической карты Смоленской губернии // Труды смоленских музеев. 1924. Вып.1. С.3.

ВКЛАД ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ г.ПОКРОВСКА В ИЗУЧЕНИЕ
ДРЕВНОСТЕЙ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

В 1920-х годах в археологическом изучении нашей страны значительной была роль местных краеведческих музеев. Это явление основывалось, несомненно, на благоприятной обстановке в культурной жизни страны, что вызвало большую активность местной интеллигенции, которая привнесла в общий процесс культурного строительства, так сказать, свой колорит. Питательной средой для него были порой вековые культурные традиции населения каждой области, района. Данная статья посвящена истории создания музея в регионе, развитие которого в силу ряда причин исторического характера имело своеобразие и в экономическом, и в политическом, и в национальном отношении. Центральный музей Автономной Социалистической Советской Республики немцев Поволжья в городе Покровске за пять лет своего существования достиг таких результатов, которые в других условиях могли быть осуществлены в значительно больший срок.*

Естественно, что изучение богатого археологическими памятниками Заволжья, будущей территории АССРНП (включавшей также часть Камышинского уезда Саратовской губернии и часть Новоузенского уезда Самарской губернии), началось уже давно.

* Выражаем глубокую признательность всем, кто откликнулся на нашу просьбу и помог собрать по крупицам материал, чтобы в нашем воображении, а значит и в статье, воссоздалось целостное впечатление о теме, которую мы пытались осветить. Каждое сообщение было для нас очень ценным. Спасибо Вам, Л.Д.Рау, д-р Х.Грюнерт, д-р А.Круг, Е.К.Максимов, В.Г.Миронов, Г.Г.Пятых, А.А.Формозов, В.П.Шилов и др. Особую благодарность выражаем сотрудникам филиала Государственного архива Саратовской обл. в г. Энгельсе и сотрудникам Рукописного архива ЛОИА АН СССР, которые помогли нам собрать нужный материал, предоставили возможность ознакомиться с документами еще не систематизированного фонда И.В.Синицына.

Немецкое Поволжье было освоено в основном лишь в середине — второй половине XIX века, поэтому на его территории сохранилось много археологических памятников. Немаловажно, что уровень культуры немцев, приступивших к созданию колоний на берегах Волги с 1764 г., был относительно высок¹. Особо необходимо отметить колонию Сарепта, близ города Царицына, имевшую отличную школу и библиотеку. В ней и появились первые собиратели древностей. Так, например, пастор Г.Цвик раскопал несколько курганов в окрестностях Сарепты и в первой половине XIX века опубликовал материалы своих раскопок в Прибалтике². Международную известность получила так называемая "Корона Джанибека", найденная в развалинах Нового Сарая и отправленная Г.Цвиком в музеекабинет Иенского музея. Именно в Сарепте появился первый в немецких колониях музей, куда поступили найденные Гличем, Кноблохом, Беккером бронзовые наконечники стрел, монеты и т.п.

Другой центр краеведения, активно изучавший древние памятники в окрестностях немецких колоний, находился в Саратове, где в 1886 г. возникла Саратовская Ученая Архивная Комиссия (СУАК). Ее основатель А.Н.Минх составил описание археологических памятников Аткарского уезда. Несколько позже вышел его капитальный "Историко-географический словарь Саратовской губернии", где, в частности, описаны все известные тогда археологические памятники Камышинского уезда³. С целью составления археологической карты члены СУАК (А.А.Кротков, С.А.Щеглов, Б.В.Зайковский, П.Н.Шишкин) занимались поисками археологических памятников в Саратовском и в Новоузенском уезде Самарской губернии, рассылали опросные листы, в которых содержалась просьба к местным жителям сообщить об известных им древних памятниках. Результаты обследований они публиковали в "Трудах СУАК"⁴. СУАК имела контакты с любителями изучения древних памятников края: пасторами Г.Бератцем и Р. Вайгелем из колонии Мариенталь, занимавшимися раскопками Суловских курганов (к сожалению, без отчетов и чертежей), а также с владельцем древностей из Екатериненштадта доктором медицины Г.Большем, который открыл городище раннего железного века в окрестностях с. Березняки, собрал древние вещи из случайных раскопок в с. Кано и на одной из улиц Екатеринен-

штадта. Находки с территории будущей АССРНИ поступали в фонды основанного СУАКом музея. Коллекции музея были разобраны и упорядочены крупнейшим археологом того времени А.А. Спицыным, проводившим археологические изыскания в Камышинском уезде Саратовской губернии⁵.

Самым значительным центром краеведческой работы на Левобережье был, пожалуй, город Новоузенск, где при земской управе возник музей и сформировалось "Общество разумных развлечений краеведческого характера". Однако, насколько нам известно, самостоятельных археологических исследований оно не проводило. В 1914 г., к 150-летию немецких колоний на Волге, предполагалось открытие музея, по всей видимости, в одной из крупнейших колоний, но этому помешала война.

В послереволюционный период, как и по всей стране, в Заволжье наметился подъем краеведческого движения, который выразился в основании нового музея (Екатериненштадт), кружков (Красный Кут, Ровное), краеведческого общества (при совпартшколе в Покровске). С 1921 г. в окрестностях Покровска П.С. Рыков исследовал несколько курганов и селище эпохи бронзы. Одновременно он опубликовал серию научно-популярных статей в местном журнале "Unsere Wirtschaft"⁶. Большое значение для изучения материальной культуры сарматских племен имеют раскопки в 1924 г. знаменитого Сусловского могильника. Деятельность П.С. Рыкова, вне всякого сомнения, оказала благотворное влияние на развитие интереса к истории своего края, прежде всего среди местной интеллигенции.

Центральный музей был создан согласно постановлению ЦИК и СНК АССРНИ 9 июля 1925 г. в новом административном центре республики, городе Покровске⁷. Образованию музея благоприятствовали как внешние (в 1925 г. по стране было создано 17 государственных музеев), так и внутренние - всесторонняя поддержка правительства республики - условия. Директором музея стал уроженец села Блюменфельдт, выпускник Московского университета, исследователь диалектов, профессор Саратовского университета, активный член саратовского общества "Истархэт" Георг Генрихович Дингес. В его представлении краеведческая работа была очень широким понятием. Приоритетным направлением в развитии Центрального музея, по мнению директора, должны

были стать не собирательская деятельность и просветительская работа, к чему мы привыкли, но масштабные научные исследования⁸. Большое значение для организации работы музея и установления научных контактов имела трехмесячная командировка Г.Г.Дингеса в Германию в 1925 г.

Штат музея был довольно немногочисленным. Директор музея заведовал одновременно отделом этнографии, в дальнейшем в его ведении оказались организованные позже исторический и кустарно-промышленный отделы. Фондами отдела природы занимался Э.Гуммель. На место заведующего отделом археологии был приглашен студент педагогического факультета Саратовского университета Пауль Давидович Рау (1897—1930) уроженец деревни Альт-Веймар, с детства увлеченный археологией. Он хорошо знал особенности археологических памятников заволжских степей и обладал необходимым для полевого работника опытом. Рау был одним из организаторов упомянутого выше археологического кружка, который осуществлял раскопки в окрестностях города Ровное. В 1924 г. вместе с Т.М.Минаевой им были проведены разведочные работы по выявлению курганов по реке Торгун. Рау участвовал в раскопках Сусловского могильника⁹. С 1923 по 1925 г. он успел опубликовать целую серию статей¹⁰, которые ясно очерчивают круг его интересов и увлечений. В частности, помимо научной работы, он пробовал силы в художественной литературе. Под псевдонимом Пауль Рейнгольд издано три рассказа¹¹. Вместе с Г.Г.Дингесом, что лишний раз свидетельствует о многообразии интересов, связывавших этих людей, была написана статья о развитии сценического искусства в Немецком Поволжье. Авторами проанализированы новые черты в сюжетных композициях и языке ряда драматических произведений¹².

Хорошо сознавая важность пропаганды своей деятельности, сотрудники музея регулярно помещали информацию о его работе в местных изданиях. Это поднимало престиж музея, воспитывало бережливое отношение жителей к памятникам старины, имело немалое значение для комплектования фондов материалами. Так, например, в статьях Г.Г.Дингеса и П.Д.Рау, являющихся, по сути дела, отчетами о работе отделов музея, сообщается о полученных экспонатах, среди которых коллекции патера Р.Вайгеля и Б.В.Зайковского, а также другие пожертвования¹³. Важным до-

полнением была лекционная работа среди населения в период экспедиций. Из отчетов музея мы узнаем, что за один только полевой сезон 1926 г. П.Д.Рау были сделаны доклады о важности охраны памятников истории и культуры в 50 сельсоветах, в следующем, 1927 г. он читал лекции в школе II ступени Старой Полтавки и в Покровском доме просвещения¹⁴. Важность и необходимость этой работы трудно переоценить. Как не раз отмечали археологи (П.С.Рыков, Б.Н.Граков и др.), территория Заволжья исключительно богата археологическими памятниками. Причем, по мнению Б.В.Зайковского, к 1921 г. они были исследованы лишь на 1 %. Между тем, после гражданской войны и страшного голода в Поволжье началось интенсивное развитие сельского хозяйства, что неизбежно сопровождалось разрушением древних памятников. Поэтому каждый полевой сезон Рау обследовал водные артерии на территории АССРНП, вдоль которых обычно группируются курганные могильники, и раскапывал памятники, находящиеся под угрозой уничтожения..

По инициативе работников Центрального музея был поставлен под охрану бугор Стеньки Разина¹⁵, Дингесом были обследованы и частично сфотографированы церкви Каменского кантона. Некоторое время спустя, благодаря усилиям музеев Покровска и Маркштадта, заповедником была объявлена территория, где располагались знаменитые Бородаевские курганы. В архивных материалах Центрального музея сохранилась справка из протокола Маркштадтского исполнительного комитета от 12 сентября 1927 г., где сообщается: "Площадь приблизительно 10-12 десятин на Калмыцкой горе поставить в распоряжение Маркштадтского музея и предложить местным органам регулировать этот вопрос в законодательном порядке"¹⁶.

Среди документов Центрального музея, хранящихся в архиве г. Энгельса, мы нашли, очевидно, лишь малую часть переписки П.Д.Рау с местными жителями по поводу археологических памятников и находок. Эти документы свидетельствуют о том, что многоплановая деятельность сотрудников музея довольно быстро дала желаемые результаты. Так, например, учитель из колонии Оберторф Шмидт (полностью письмо разобрать не удалось: оно написано готическими буквами) сообщает о расположенных в окрестностях курганах, причем описание дополняет планом¹⁷.

В результате хозяйственного освоения Заволжья довольно часто в руки местных жителей попадали вещи из разрушенных древних погребений. Получив известие о такого рода находках, сотрудники музея выезжали на место. Насколько нам известно, в первой половине 1929 г. им дважды пришлось совершать подобные поездки. 25 апреля на угодьях колхоза "Восход" при земляных работах было разрушено богатое погребение эпохи Великого переселения народов. 4 мая Г.Г.Дингес и П.Д.Рау прибыли на место, чтобы выяснить обстоятельства находки и, по возможности, восстановить особенности обряда погребения¹⁸. 8 июля того же года было получено телеграфное извещение о находке в Мариентале драгоценных вещей. 10-11 июля П.Д.Рау обследовал местонахождение — один из склонов мыса, ограниченного оврагами. Здесь П.Герстнер с сыновьями, добывая землю для подсыпки на крышу дома, разрушили ничем не обозначенное на местности погребение. Ученый исследовал всю отброшенную землю, включая ту, что оказалась уже на крыше дома, составил примерный план расположения вещей. Бляхи, золотые пластины, наборный пояс были куплены им за 120 рублей. Музей на находки такого класса денег не жалел.

Основная часть экспонатов была получена в результате ежегодных археологических и этнографических экспедиций. Сотрудники музея собирали предметы быта первых колонистов времен Екатерины II, старые рукописи, книги. Широкомасштабные раскопки, в основном курганов, давали обильный экспозиционный материал, поэтому уже к концу 1927 года археологическая коллекция стала одним из самых крупных фондов музея и оценивалась в солидную по тем временам сумму 2374 руб.¹⁹

После окончания полевого сезона материалы раскопок тщательно систематизировали, по необходимости подвергали реставрации, за исключением предметов из металла, обработка которого была сопряжена с большими трудностями. Многие вещи фотографировали, однако большинство находок было зарисовано самим Рау. Дальнейшая жизнь археологического материала, можно сказать, протекала в двух направлениях. Во-первых, он становился составной частью экспозиции музея, открытой 15 ноября 1926 г. По воспоминаниям П.Д.Рау, археологический раздел экспозиции занимал два небольших зала. Все рисунки, например, алана с

деформированным черепом, чертежи, экспликативный материал были выполнены П.Д.Рау. Вещи были разложены в хронологической последовательности, однако постоянный приток новых материалов все больше перегружал экспозицию, придавал ей некоторую хаотичность. Имелась в музее так называемая "золотая комната", куда был открыт доступ только в составе экскурсии. Отметим, что С.П.Григоров, заместитель заведующего музейным отделом РСФСР, высоко оценил археологический раздел экспозиции музея. Не меньшим успехом он пользовался у ученых из Германии, приехавших в 1927 г. в Покровск.

Во-вторых, археологические находки, в основном комплексы, стали объектом научного анализа. П.Д.Рау удалось подметить своеобразие, целый ряд особенностей в развитии материальной культуры Поволжья на большом историческом промежутке: он выделил особую полтавкинскую ступень бронзового века, обосновал савроматскую принадлежность древностей раннего железного века в Поволжье, дал относительную хронологию материальной культуры сарматских племен²⁰. П.Д.Рау была создана универсальная для степей Евразии классификация наконечников стрел доскифской и скифской эпохи²¹. Особо ценны работы Рау благодаря подробной публикации комплексов из погребений, изученных автором и его предшественниками. Заметим, что за пять лет своей работы в музее он сумел опубликовать большую часть полученного при раскопках материала. В фондах краеведческого музея г. Энгельса до сих пор хранится большое количество клише чертежей и рисунков, изготовленных для публикации работ П.Д.Рау.

При Центральном музее была создана научная библиотека, фонды которой из года в год значительно пополнялись. Так, например, уже в первый год существования музея были получены Труды археологических съездов, Труды СВАК, всего, как отмечено в отчете, на 400 руб.²² Много литературы поступало в библиотеку благодаря интенсивному книгообмену с ведущими научными учреждениями. Музей в таких случаях высылал в обмен свои издания. Таким образом, они быстро становились известными широкому кругу специалистов в стране и за рубежом. Надаживались контакты с ГАИМК, Главнаукой, Немецким иностранным институтом в Штутгарте, редакцией "Гесише Блеттер фюр

Фолксунде" и др. Среди материалов, хранящихся в фондах филиала архива Саратовской обл. в г. Энгельсе, есть любопытный документ. Это список адресов и фамилий лиц, а также название учреждений, которым были направлены издания музея. В специальной графе указано количество книг, на каких условиях была выслана литература и проч. В списке, который состоит из 101 пункта, можно найти Тифлис (№ 1) и Ганновер (№ 2), Одессу (№ 5) и Франкфурт-на-Майне (№ 12), Кзыл-Орду (№ 75) и Вашингтон (№ 45)²³. Избрание П.Д.Рау членом-корреспондентом Немецкого археологического института свидетельствует о международном признании в его лице деятельности Центрального музея.

Таким образом, развитие музея в 1925–1929 гг. шло необыкновенно интенсивно, совершенствовалась его структура. Предполагалось создание целой сети музеев на территории АССРНП. В тесном сотрудничестве с Центральным развивались музеи в Маркштадте и в Балыцере. Уже осенью 1926 г. на областной музейной конференции в Саратове Г.Г.Дингес совместно с директором маркштадтского музея сделал доклад, в котором были подведены первые итоги деятельности по созданию музеев в автономной республике, рассказано о состоянии музейной работы. Музей в Маркштадте оказывал посильную помощь П.Д.Рау в организации археологических работ на Калмыцкой горе. Так, в 1928 г. Рау получил на раскопки от Центрального музея 320 р., от музея в Маркштадте 90 р., что позволило создать экспедицию, состоящую из начальника и 4 рабочих. Интересно, что в 1927 г. планировалась совместная экспедиция с профессором Кёнигсбергского университета, одним из крупнейших западноевропейских археологов Максом Эбертом по изучению курганов на Калмыцкой горе (Боро).

Создание в 1928 г. по инициативе Дингеса и Рау "Общества краеведения и научного изучения Немецкой Республики" можно расценивать как структурный рост, как одну из форм вовлечения в краеведческое движение новых сторонников. Именно поэтому на организационном заседании "Общества..." его целью было провозглашено объединение лиц, работающих в области научного изучения Республики Немцев Поволжья²⁴. Предполагались следующие основные направления деятельности: чтение и обсуждение

докладов, организация наблюдения, сборы коллекций, устройство научных станций и лабораторий, печатание трудов. Членами общества вскоре стали П.С.Рыков, Й.Шваб (крупный партийный работник Немреспублики, друг П.Д.Рау), К.П.Дрейер (директор музея в Маркштадте) и многие другие. Заседания были довольно многослюдны, поэтому вскоре было решено разделиться на секции: естественно-историческую, географическую, научно-экономическую и др.²⁵ В частности, на заседании "Общества..." 3 февраля 1929 г. доклад П.Д.Рау о находках образцов скифского звериного стиля из погребения Нижнего Поволжья был заслушан в присутствии 25 человек²⁶.

Общество имело свой бюджет, основу которого составляли субсидии Совнаркома АССРНИ (654 рубля) и членские взносы (15 рублей). Как расходовались эти средства? По свидетельству многочисленных документов, в основном на научные исследования. Сохранилось, например, несколько заявлений сотрудников музея²⁷ с просьбой помочь деньгами для организации экспедиций. В частности, в июне 1930 г. П.Д.Рау, занимавшийся в то время изучением материалов из погребений эпохи Великого переселения народов, просил у Правления (Verwaltung "Общества...") выдать ему (50 рублей) для поездки в с. Березовка, где он собирался обследовать место находки знаменитого погребения.

Казалось, ничто не предвещало того, что 1930 год в истории Центрального музея станет роковым. Тем не менее некоторые факты и документы отмечают нестабильность в работе музея. Захлестнувшая музей волна проверок свидетельствует о том, что центральный аппарат стремился вмешаться, изменить его внутреннее, глубинные устои. Удары следовали один за другим. При чем в ход был пущен обычный для этого времени метод: перевод проблем чисто научных в политическую плоскость. 30 января 1930 г. по обвинению в шпионаже в пользу Германии был арестован Г.Г.Дингес (реабилитирован в 1964 г.). Весь напор вынужден был принять на себя П.Д.Рау. К сожалению, сведения об этом периоде в истории музея крайне отрывочны. Согласно одному из документов, копии из протокола заседания народного комиссариата просвещения АССРНИ от 8 мая 1930 г., мы узнаем: "... (копирка завернулась, поэтому начала нет - С.И. и М.А.),

с этой целью директору музея тов. Рау было поручено, этот вопрос обсудить с наркомиссией по сельскому хозяйству и комиссией по коллективизации и сообщить, как можно скорее, о результатах коллегии²⁸. Вполне очевидно, что речь шла о перепрофилировании музея, превращении его в типовой, серый пункт культурно-просветительной и агитационной работы, "культуркомбинат". Это было одно из основных мероприятий, осуществляемых с 1929 г. и направленных на разгром в стране краеведения "старого типа"²⁹.

Используя свою отдаленность от политического центра, поддержку местных властей, руководство музея пыталось сманеврировать, уберечь от железного напора результаты пятилетней кропотливой работы. Одним из первых шагов, предпринятых музеем в свою защиту, была докладная записка, направленная в Наркомпрос еще в конце 1929 г. Объясняя, почему в работе музея образовался в общем-то несвойственный для такого типа культурного центра уклон, автор письма отмечает: "Этот сильный акцент на научно-исследовательскую и собирательскую деятельность при зачаточном состоянии политико-просветительской работы, придающий музею облик научно-исследовательского института, является совершенно естественным для данной стадии его развития, так как нормальные культурно-просветительские функции музея предполагают наличие известных комплектов экспонатов, на добывание которых при отсутствии характерных для старых музеев десятилетий самотека, необходимо истратить немалое время, средства и собирательский труд"³⁰. Выход из создавшегося положения, согласно докладной записке, один - увеличение бюджета музея, предоставление ему нового помещения (дом на углу улиц Телеграфной и Линейной). Вскоре, 11 марта 1930 г., П.Д.Рау отправил в Наркомпрос АССРП план работ музея с обоснованием необходимости его дальнейшего развития и расширения³¹. Известен целый ряд документов, подтверждающий, насколько целенаправленно и последовательно отстаивал директор музея эту идею³². Смысл ее вполне понятен: был выбран компромиссный путь, чтобы наряду со структурами, создания которых требовали от музея власти, можно было сохранить и развивать старые направления (археологию и этнографию).

Однако все усилия оказались напрасными. Очевидно, после очередной попытки властей перевести в плоскость политики проблемы музея П.Д.Рау покончил с собой. Он был не нужен будущему "типовому" музею, напичканному предметами наглядной агитации, текстами, диаграммами. Смотровая бригада, работавшая в музее в 1931 (?) году, отметив в заключении близость экспозиции музея к дореволюционной, потребовала перестройки отделов, политической заостренности экспозиции³³. В Проекте плана реорганизации Центрального музея была предложена четкая система показа экспонатов, согласно которой сарматская культура, быть может вслед за получившими одобрение идеями И.Н.Бороздина³⁴, была помещена в раздел феодализма³⁵.

Из отчета о работе "Общества..." за 1929-1930 гг. мы узнаем, что оно переживало в этот период кризис. "Из перечисленных лиц, - сообщается там, - остался один Гуммель. Шмидт [председатель] вследствие перегруженности другими работами в обществе не работал. Помощник председателя [С.Е.Константинов] в сентябре с.г. перевелся в Москву, так что фактически общество сейчас без Правления, что касается кандидатов в Правление, то тов. Рау нет более в живых, а тов. Эльберг работой в обществе совсем не интересуется"³⁶. Вскоре и оно подверглось разгрому, потому что носило "аполитичный и совсем археологический характер" и никак не было связано с планом пятилетки.

Таким образом, со второй половины 1930 г. начался медленный, но неуклонный процесс разрушения здания, возведенного трудами двух ученых-энтузиастов, Г.Г.Дингеса и П.Д.Рау.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Beratz G. Die deutschen Kolonien an der Unteren Wolga in ihrer Entstehung und ersten Entwicklung//Gegenblätter zur handertfünfundzigsten Jahres Wende der ersten deutschen Ansiedler an der Wolga. Saratow:1915.
2. Формозов А.А. Первые научные раскопки в Нижнем Поволжье // СА. 1971. № 1. С.191-193.
3. Минх А.Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Саратов. 1898-1902. Вып. I-4.
4. Зайковский Б.В. Бугор Стеньки Разина // Труды СУАК. 1908.

- Вып.24; Зайковский Б.В. Археологические разведки в окрестностях сл. Даниловки Камышинского уезда Саратовской губернии // Труды СУАК. 1913. Вып.30; Кротков А.А., Шишкин П.Н. Городище и курганы близ с. Квасниковка Самарской губернии // Труды СУАК, 1910. Вып.26; Щеглов С.А. Курганы с окрашенными костяками // Труды СУАК. 1913. Вып.30.
5. Спицын А.А. Обзорение некоторых губерний и областей в археологическом отношении. Саратовская губерния // Записки Русского археологического общества. 1896. Т.8. Вып.1, 2.
 6. Rykow P. Altertümer in der Umgegend von Pokrowsk // UW. 1923. N 3. S.68-71; Rykow P. Die Urbevölkerung des deutschen Wolgagebietes // UW. 1923. N 7,8 S.227-232; Rykow P. Die Oeffnung eines Grabens der romisch-sarmatischen Epoche bei Pokrowsk im Sommer 1923 // UW. 1923. N 23. S.682-684; Rykow P. Die Goten an der Wolga // UW. 1924 N.10. S.287,288
 7. Филиал Государственного архива Саратовской обл. в г. Энгельсе. Материалы Центрального музея в г. Покровске. Ф. 1348. Оп.1 о/д. Д.2. Л.18.
 8. Rau P.D. Die Hügelgräber Romischer Zeit an der unteren Wolga (Ergebnisse der Gräberforschungen in der Wolgadeutschen Republik) // Mitteilung. 1927. Heft 1-2. Jahrgang 1. S.3
 9. Минаева Т.М., Рау П.Д. Отчет об археологических разведках по реке Торгуну в 1924 году // Труды Нижне-волжского областного научного общества краеведения. 1926. Вып.35. Ч.1. Рыков П.С. Суловский курганный могильник // Ученые записки Саратовского университета. 1925. Т.IV.
 10. Rau P. Altertümliche Funde im Seelmanner Bezirk // Beitrag zur Heimatkunde des Deutschen Wolgagebiets. Pokrowsk. 1923 S.34-39; Rau P. Über die Gestalt des Grsbhügels in den Steppen des unteren deutschen Wolgagebiets // UW. 1923. N 18. S.521-529, N 21. S.619-622, N 22. S.652-659; Rau P. Archeologische Ausgrabungen in der Republik der Wolgadeutschen (1922) // UW. 1924. N 19. S.571-573; Rau P. Kurgane und Altertümkunde in der Vorstellung der Wolgadeutschen Bauern. Aus dem Volksleben des Flüßgebietes Jeruslan-Torgun // UW. 1924. N 23. S.718-720, N 24. S.749-751; Rau P. Über die Stand der Altertümforschungen in der Wolgadeutschen Republik und den angrenzenden Steppengebieten // Nachrichten. 1925. N 106.

- II. Reinhold Paul. In der Abendstunde// UW. 1923. N 3. S.91-93; Reinhold Paul. Die Pensage//UW. 1925. N 8. S.256; Reinhold Paul. Zwei Männer und eine Scheinegans// UW. 1924. N 1. S.27-29.
12. Dinges G. Rau P. Über unsere Theaterstücke. Im Druck erschienenen Bühnenstücke wolgadeutschen Verfasser// UW. 1925. N 10-11.
13. Rau P. Aus der Forschungsarbeiten und Sammeltätigkeit des Wolgadeutschen Zentralmuseums// UW. 1926. N 29. S.471-472; Dinges G. Auf der Fahrt nach volkskündlichen und historischen Exponaten für das Zentralmuseum// UW.1926. S.45-46, N 46. S.716,717;
Рау П. Археологические раскопки в Немреспублике // Трудовая правда, т I декабря 1926 г., № 142. Рау П. Результаты археологических раскопок 1927 года в Немреспублике // Трудовая правда. Ноябрь 1927 г. № 135.
14. Филиал Госархива Саратовской обл. в г. Энгельсе. Ф.1348. Оп.1. о/д. Д.2. Л.15.
15. Там же. Д.2. Л.15.
16. Там же. Д.4. Л.17.
17. Там же. Д.4. Л.14.
18. Архив ЛОИА АН СССР. Ф.79 (фонд И.В.Синицына).
19. Филиал Госархива Саратовской обл. в г. Энгельсе. Ф.1348. Оп.1 о/д. Д.3. Л.2.
20. Rau P.D. Prähistorischen Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926// Mitteilungen.1927.Heft 1.Jahrgang 2.Rau P.Die Hügelgräber...; Рау П.Д. Исследование древних культур Нижнего Поволжья // Нижнее Поволжье. 1928. № 10; Rau P. Hockergräber der Wolgasteppe// Mitteilungen...1928. Heft 1.Jahrgang 3.
21. Rau P.Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebit. Studien zur Chronologie der skythischen Pfeilspitzen// Mitteilungen...1928.Heft 1. Jahrgang 3.
22. Филиал Госархива Саратовской обл. в г. Энгельсе. Ф.1348. Оп.1. о/д. Д.1. Л.10.
23. Там же. Д.7. Л.19.
24. Там же. Д.6. Л.2.
25. Фонд Общества краеведения и научного изучения Немреспубли-

- лики в Краеведческом музее г. Энгельса. Л.143.
26. Там же. Л.140.
 27. Там же. Л.136,157,158.
 28. Там же. Л.4, 5.
 29. Лексин Ю. Первый перелом // Знание - сила. 1988. № II.
 30. Филиал Госархива Саратовской обл. в г. Энгельсе. Ф.1348.
Оп.1 о/д. Д.7. Л.19.
 31. Там же. Д.4. Л.3.
 32. Там же. Д.3. Л.19, 20, 27, 28.
 33. Там же. Д.11. Л.7, 8.
 34. Бороздин И.Н. Археология и социология // Новый Восток.
1926. № 12.
 35. Филиал Госархива Саратовской обл. в г. Энгельсе. Ф.1348.
Оп.1 о/д. Д.12. Л.2, 3 и 8.
 36. Там же. Д.7. Л.11.

АРХЕОЛОГИЯ НА НИЖНЕМ ДОНУ В СИСТЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОГО
КРАЕВЕДЕНИЯ 1920-Х гг.

Общепризнано, что объединявшее в своих рядах энтузиастов науки историко-краеведческое движение вносило свой и притом порой весьма ощутимый вклад в развитие отечественной археологии.

Один из убедительных тому примеров – деятельность археологов-краеведов на Нижнем Дону – в регионе, изобилующем памятниками древности от времен первобытного общества до позднего средневековья. Эти памятники издавна стали входить в орбиту внимания путешественников, ученых, любителей старины, Достаточно вспомнить о венецианце Иосафате Барбаро, приехавшем в 1436 г. в Тану (Азов) и предпринявшем вместе со своими сотоварищами-купцами раскопки на месте одного из древних поселений "в 60 милях от Таны" (возможно, на Кобяковом городище) в надежде обнаружить "сокровища, зарытые аланами". Те или иные сведения о курганах и городищах Донского края содержат описания поездок в южные районы России, принадлежащие перу С.Г.Гмелина-младшего, И.П.Фалька, И.А.Гильденштедта, П.С.Палласа, Э.Кларка, И.А.Стемпковского, П.П.Свиньина и других путешественников и ученых XVIII – начала XIX вв. Вторая половина XIX в. и начало XX в. ознаменовались проведением в низовьях Дона археологических раскопок П.М.Леонтьева, В.Г.Тизенгаузена, П.И.Хицунова, И.И.Ушакова, Н.И.Веселовского, А.А.Миллера и других, преимущественно в зоне Елизаветовского и Недвиговского городищ, то есть в зоне Таны и других поселений античного времени.

Одним из родоначальников местного краеведения в сфере археологии был владелец Недвиговки полковник Войска Донского, помещик А.А.Мартынов – автор составленных в 1842–1847 гг. и посмертно опубликованных в 1887 г. "Записок о местностях в войске Донском и вещественностях, там открытых, заслуживающих внимания антиквариев и историков, с присовокуплением преданий"¹. Не забыто имя и другого любителя древностей

- войскового старшины Л.А. Лукьянова, обладателя "довольно любопытного собрания разного рода вещей", найденных в курганах.

Во второй половине XIX в. все большую известность стала приобретать энергичная деятельность усердного собирателя и регистратора памятников древности основателя Донского музея в Новочеркасске Харитона Ивановича Попова (1834-1925)². Ему принадлежали представленные в 1869 г. I Всероссийскому археологическому съезду "Сведения о древних памятниках, находящихся на земле войска Донского"³. Его же усилиями пополнялись археологические собрания Донского музея в Новочеркасске, на основе которых им был подготовлен к печати (незавершенный изданием) обстоятельный музейный каталог древностей Дона от времени позднего неолита и бронзы до средневековья, не утративший своего научного значения и в наши дни. К числу донских краеведов, любителей археологии конца XIX - начала XX вв. принадлежали также В.В. Богачев, А.Л. Крылов, Ф.И. Перцев, П.С. Сахаров, И.М. Сулин, Ив. Тимошенко, В.А. Харламов, В.В. Часовников, В.И. Ястребов и др. Многие из них группировались вокруг Донского музея во главе с Х.И. Поповым³.

Первым крупным организационно оформленным объединением донских краеведов-любителей старины явилось возникшее в 1909 г. и просуществовавшее вплоть до Октябрьской революции Ростовское-на-Дону Общество истории, древностей и природы, издавшее два тома "Записок" (1912 и 1914 гг.), содержащих много ценного археологического материала. Усилиями членов Общества систематически пополнялись археологические собрания Ростовского-на-Дону городского музея, и был издан его каталог. Наиболее активными деятелями общества на поприще археологии были питомец Археологического института в Петербурге и учитель истории в средних учебных заведениях Ростова А.М. Ильин, преподаватель химии А.Т. Стефанов, горный штейгер М.Б. Краснянский, учителя гимназий филологи Н.П. Балагуров, В.А. Канский и др. Их заслугой являлось проведение в дельте Дона археологических разведок и отчасти раскопок (курганы в окрестностях Ростова), пропаганда исторических знаний в печати, вовлечение в краеведческую работу учащейся молодежи. Приметными были публикации А.М. Ильина о монетном чекане Та-

наиса, по раскопкам Олимпиадского, Земского и Братского курганов эпохи бронзы близ Ростова-на-Дону, о современном Танаисе Темерницком городище (в черте г. Ростова) и др.

В общей сложности усилиями местных краеведов и посещавших дон специалистов-археологов был пролит свет на ряд забытых, неведомых или недостаточно изученных страниц богатейшего историко-культурного прошлого донского края.

Воздавая должное несомненным и реально весомым заслугам ученых и любителей археологов дореволюционного времени, следует все же констатировать, что и в начале нынешнего века в известной мере продолжало сохраняться такое положение, при котором, говоря словами А.А. Спицына из его письма на имя Х.И. Попова (апрель 1896 г.), "Дон нам так неизвестен [в археологическом отношении - В.М.] , что можно ожидать на нем встретить все, что угодно"⁴.

Значительное оживление краеведческой работы в сфере археологии донского края имело место в послеоктябрьский период и особенно в 1920-е годы и до середины 1930-х гг., когда, как и по всей стране, наблюдался подъем массового краеведческого движения.

Поднятию научного уровня историко-краеведческого движения на Дону содействовал перевод в 1915 г. по обстоятельствам военного времени в Ростов-на-Дону Варшавского университета. Из его профессорско-преподавательского состава выделась группа ученых-гуманитариев (А.И. Цимирский, А.Ф. Семенов, П.Н. Черняев, А.М. Дридик и др.), проявивших большой и непреходящий интерес к изучению историко-культурного прошлого Дона и быстро установивших взаимные плодотворные контакты с деятелями Ростовского-на-Дону Общества истории, древностей и природы. Последнее к тому времени несколько ослабило свою деятельность и на смену ему в 1917 г. пришло Ростовское-на-Дону Общество истории и древностей. В его заседаниях читались такие доклады как "Значение прошлого в современном социально-культурном строительстве" и "Следы тотемизма и фетишизма в древне-русских верованиях" (А.И. Цимирский), "духовная и материальная культура скифов" (В.А. Канский), "Важнейшие археологические открытия на территории донских низовых земель" (А.М. Ильин), "Доисторическая культура бассейна среднего При-

донья" (С.А.Локтюшев) и многие другие.

В условиях неуклонно возрастающего интереса к изучению историко-культурного прошлого Донского края и всего Предкавказья и Северного Кавказа последовало открытие в Ростове-на-Дону в 1918 г. высшего учебного заведения – Донского государственного археологического Института, деятельность которого вполне заслуживает специального о нем очерка, ждущего своего автора. Как гласило постановление происходившего в Ростове-на-Дону (сентябрь 1921 г.) Краевого (Юго-Восточного) съезда работников по музейно-архивному делу: "Ростов-на-Дону, как крупнейший культурный центр на Юго-Востоке, с целым рядом высших учебных заведений, является наиболее подходящим местом для планомерной и плодотворной ученой и педагогической деятельности Археологического Института в краевом масштабе, как единственного в огромном районе специального высшего учебного заведения, уже в течение трех лет подготавливающего музейных и архивных работников"⁵. Преподавателями Института были и члены Ростовского-на-Дону Общества истории и древностей, а в числе выпускников и вольнослушателей – представители молодого поколения, пополнившего отряд донских археологов.

В 1921 г. последовало слияние Ростовского-на-Дону Общества истории и древностей с Донским археологическим институтом. Деятельность которого была прекращена летом 1922 г. по постановлению Наркомпроса РСФСР за недостатком материальных средств. Однако тот час же после закрытия Института по инициативе группы научных работников и краеведов и с санкции Главнауки Наркомпроса последовало создание в августе 1922 г. Донского Общества археологии и истории искусств, соответственно названиям двух главнейших отделений бывшего Археологического института. Председателем Общества был избран состоявшийся ректором Института проф. А.И.Яцимирский, бессменно занимавший пост председателя Общества до дня кончины, последовавшей 12 февраля 1925 г.⁶ В состав Общества вошел и студенческий кружок археологии и истории искусств, функционировавший ранее в составе Археологического Института.

В сотрудничестве с Донским Областным музеем искусств и древностей Общество продлило и расширило работу по обследованию силами своих членов ряда древних поселений в низовьях

Дона, в частности в округе города Азова и в самом городе (возникшем на месте турецкого Азака и италийско-генуэзской и венецианской колонии Таны)⁷.

Председателем Общества А.И.Яцимирским были сделаны доклады на такие темы, как "Ближайшие задачи археологии и этнологии в Донской области", "Древние названия Азовского моря", "Где находился город древних сираков Успе", "Рельефное изображение боспорского царя Тиверия Савромата на плите из Недвиговки" и др.

В связи с новым районированием Северного Кавказа и рекомендациями Всесоюзной краеведческой конференции (Москва) возник вопрос о преобразовании Общества с территориальным расширением его деятельности, и в марте 1925 г. оно было переименовано в Северо-Кавказское краевое общество археологии, истории и этнографии (СКОАИЭ)⁸.

Не будет преувеличением сказать, что деятельность СКОАИЭ и его предшественников знаменовала собой едва ли не самый интенсивный этап развития исторического краеведения и археологических изысканий на Дону.

Общество издавало свои "Записки" (Книга I. Выпуски I-6; 1927-1929). На их страницах публиковались отдельные археологические находки ("Фрагмент архаической керамики с Кизитири-нского городища, орнаментированный свастическими знаками", "По поводу греческой надписи на ручке ковша, найденного при раскопках Мелиховского кургана", "К вопросу об антропоморфном характере каменных поделок с Гниловского кургана" и др.), описания древних поселений низовьев Дона ("Самбекское городище", "Ростовское городище", "Гниловское городище", "К вопросу о местонахождении Пизанского порта", "Топография Ростовского и Темерницкого городищ по планам 1768 года"), данные о результатах археологических раскопок ("Раскопки курганов по Северному Донцу, в окрестностях хутора Хрящевского", "Археологические раскопки на Елисаветовском городище в 1928 г." и др. В состав авторского актива "Записок" входили донские археологи С.А.Вязигин, А.М.Ильин, Г.А.Иноземцев, М.Б.Краснянский, С.А.Локтюшев, Б.В.Лунин, М.А.Миллер, Е.П.Савельев, А.Т. Стефанов, Л.А.Ширман.

С переименованием Общества в Северо-Кавказское расширил-

ся географически и ареал его археологических интересов. Были опубликованы статьи проф. В.А.Городцова "Краткая объяснительная записка к плану систематических раскопок по линии рек Кубани и Терека, от Черного до Каспийского моря", темрюкского краеведа-археолога С.Ф.Войцеховского "Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднему времени", проф. Н.А.Захарова (Краснодар) "Всё найденная плита со знаком из района Кубанских плавень" и др.

Положительным и полезным для всего Северного Кавказа и Причерноморья явилось установление постоянных тесных научно-творческих контактов краеведов-археологов Дона с любителями археологии Ставрополя (Г.Н.Прозрителев), Темрюка (С.Ф.Войцеховский), Краснодара (Н.А.Захаров), Новороссийска (Г.Ф.Чайковский), Владикавказа (Л.Н.Семенов) и многими другими.

Были предприняты попытки создания общих обзоров археологических работ на Северном Кавказе⁹, родилась (оставшаяся неосуществленной) мысль о созыве в Ростове-на-Дону I Всесоюзного археологического съезда и уже последовало создание Северо-Кавказского предварительного комитета по его устройству.

В то же время не ослабевала деятельность Общества по археологическому изучению Подонья-Приазовья.

При Обществе функционировала специальная Танаидская комиссия для "разработки вопросов связанных с изучением Истории Танаиса". Ее члены профессора-классицисты А.Ф.Семенов и П.Н.Черняев занимались чтением эпитафических памятников (надписей на камнях из Недвиговского городища и астиномных клейм на амфорах из Елисаветовского городища). С.А.Вязигин связывал обнаружение ранее неизвестных городищ на месте Азова с вопросом о местонахождении древнего (дополомоновского) Танаиса и упоминаемого Страбоном острова Алопекия. Проф. А.И.Цимирский выступил с докладом "Вопросы и сомнения о местонахождении древнего Танаиса". Б.В.Лукин усматривал в темнообразных знаках на каменных плитах из Недвиговского городища один из источников к познанию этнических элементов в населении Танаиса (по нисходящей линии: осетины - аланы - сарматы)¹⁰.

Заслуживает внимания широко развернувшаяся работа постоянной группы членов СКОАИЭ по составлению археологических

карт Подонья-Приазовья. Тщательно изучались и обсуждались принципы и методы работы над картой. Были изготовлены папки-паспорта разных цветов (по категориям памятников - курганы, городища, клады, случайные находки и т.п.). Лицевая сторона папок-паспортов содержала сведения о местонахождении памятника, данные к его краткому описанию (наружный вид, размеры, степень сохранности и т.д.), месте хранения (для предметов древности), указания на источники (литературные, рукописные, устные) по каждому памятнику и указания на дополнительные, постепенно накапливаемые материалы по памятнику, вкладывавшиеся в папку. К сожалению, с прекращением работы Общества была остановлена и столь успешно начатая работа над картой.

Приметным явился проезд в Ростов-на-Дону в 1928 году по приглашению Общества В.А.Городцова. Его научные доклады, его участие в проводимых силами СКСИЗ археологических разведках на территории ряда донских городищ, компетентные консультации и доброжелательные советы оказали благотворное влияние на деятельность Общества, содействовали еще большему поднятию научного уровня осуществлявшихся им археологических изысканий. В 1930 г. по командировке Археологической секции РАНИОНА В.А.Городцов посетил Ростов вторично^{II}, осуществив на этот раз совместно с членами Общества и раскопки на Хопровском городище близ Ростова, отнеся ранние находки на нем к памятникам киммерийской культуры.

Все более широкий и планомерный характер стали приобретать работы по древним поселениям низовьев Дона. Был выявлен и обследован ряд доселе не зафиксированных или мало известных городищ (Ростовское, Гниловское, Сухо- и Мокро-Чалтырское, Самбевское и др.). Культурные отложения некоторых из них восходили к эпохе бронзы (или, как тогда глухо и в обобщающем плане говорилось - к эпохе "архаических культур"). Многие из поселений по времени своего бытования были синхронны Недвиговскому городищу (месту расположения Таналса).

Культурные отложения отдельных городищ отражали время раннего и позднего средневековья. Обильными были сборы подьемного материала на этих городищах (фрагменты керамики, монеты, предметы бытовой утвари). Все эти находки пополняли собрания Ростовского, Азовского, Таганрогского, Новочеркасского

и других музеев. По сигналам с мест члены Общества выезжали на места случайных находок памятников древности (так, например, были обследованы Гниловский могильник близ Ростова и древнее погребение в окрестностях станицы Мелиховской сарматского времени и многие другие. Были осуществлены раскопки некрополя эллинистического времени у Беглицкой косы близ Таганрога (IY в. до н.э.)¹²

С течением времени в составе Общества обозначилась обширная группа краеведов-любителей археологии, посвятивших свои усилия сбору и доставке в музеи Ростова, Новочеркаска, Азова, Таганрога подъемного археологического материала с горюдищ низовьев Дона. Это были учителя, инженеры, агрономы, студенты, заслужившие добрую о себе память (И.И.Горбунов, Я.Г. Емельянов, М.А.Коновалов, В.И.Кутилин, В.А.Магин, Л.В.Шпаковский и др.).

К 1930 г. Общество насчитывало в своих рядах до 100 действительных членов и свыше 80 членов-корреспондентов, не считая его молодежного актива. К этому времени в составе Общества функционировало два Отделения: научное и научно-популярное. Заботами последнего осуществлялось чтение лекций в массовых аудиториях и довольно широкое освещение деятельности Общества на страницах периодической печати.

Систематически проводимые научные заседания Общества (в зданиях университета, музея, Дома ученых) привлекали все большее количество участников, а публичные чтения докладов на археологические темы (как, например, доклад приглашенного в Ростов проф. В.А.Городцова на тему: "Новейшие открытия в Месопотамии и Индии и их значение для культур Триполья и Северного Кавказа") собирали аудиторию в несколько сот человек, преимущественно учителей и студентов, участников краеведческого движения.

Деятельность СКОАИЭ прекратилась (сходя постепенно "на нет") в начале 1930-х гг. Общество не было ликвидировано каким-либо административно-приказным распоряжением или указанием, но, образно говоря, тучи над ним сгущались все более. На него шли нападки со стороны Бюро Секции научных работников профсоюза работников просвещения. В составе Бюро находились тогда задававшие тон его деятельности питомцы москов-

кого Института красной профессуры (Соловьев, Лихницкий и др.), сурово и настойчиво упрекавшие Общество в "отрыве от современности, замкнутости", "мелкобуржуазном индивидуализме", "отсутствии идеологии марксизма" и т.п. В это же время проходила так называемая "чистка" ("общественная проверка") работы и воззрений профессоров и преподавателей Ростовского-на-Дону университета. В числе подвергшихся "проработке", а частично и отстраненных от работы преподавателей оказались и члены СКОАИЭ (И.П.Козловский, Н.Н.Любович, А.Ф.Семенов, П.Н.Черняев и др.), что также сказалось на процессе угасания деятельности Общества.

"Точка" была поставлена с началом репрессий, обрушившихся на интеллигенцию того времени. В середине 1930 г. несколько членов Правления Общества (горный штейгер М.Б.Краснянский, инженер А.Т.Стефанов и др.) были арестованы. Часть из них была выслана из Ростова, часть условно приговорена к такой высылке.

В последующем "уцелевшие" члены Общества пытались продолжать некоторое время свою научно-краеведческую деятельность в Секции археологии, антропологии и этнографии Северо-Кавказского бюро краеведения.

Остается добавить, что современный читатель не почувствует атмосферы деятельности СКОАИЭ и других научно-краеведческих обществ, да, пожалуй, и не сможет воздать в полной мере должное их заслугам без учета тех условий, в которых эта деятельность проходила. А велась она, как теперь принято говорить, на общественных началах, стимулировалась и поддерживалась энтузиазмом, любовью и преданностью делу познания историко-культурного прошлого родного края.

Материальная поддержка Общества ограничивалась ежегодной и по сути дела почти символической субсидией Главнауки Наркомпроса РСФСР (240 рублей, то есть 20 рублей в месяц, уходивших главным образом на почтовые и другие текущие расходы). Правда, само наличие такой поддержки придавало Обществу облик юридически оформленной организации (с правом на печать и штамп) и, главное, воодушевляло членов Общества одним фактом официального признания нужности и полезности их работы.

Во всем остальном (будь то поездки к местам памятников

древности, доставка в Ростов археологических находок, оплата типографских счетов за издания Общества, приобретение книг для его библиотеки и т.п.) все расходы добровольно принимали на себя сами члены Общества, действуя вкладчину и за счет своего (как правило, весьма невысокого) заработка по основному месту работы. Суммы же от поступления членских взносов, продажи изданий были настолько мизерны, что о них не стоит и говорить.

Автор данной статьи (в 1920-е годы один из представителей младшего поколения исторического краеведения) вспоминает, как он и его старшие и младшие по возрасту коллеги по археологическим изысканиям на Дону (С.А.Вязигин, А.М.Ильин, Г.А.Иноземцев, А.Т.Стефанов, Л.А.Ширман и др.) отдавали археологии буквально каждую свободную минуту от основных служебных обязанностей, изыскивали возможность поездок к памятникам древности за счет выходных и отпусковых дней. При этом за самыми редкими исключениями не приходилось и думать об использовании автомобильного или хотя бы конного транспорта. Пешком преодолевался порой не столь уж малый путь от того или иного городища в дельте Дона до города Ростова с тяжелым грузом обломков керамики в ручных сумках или заплечных мешках. Энтузиазм преодолевал трудности тем чаще, что в каждом предмете древности, в каждой отдельной, быть может и не столь уж значительной, находке виделось тогда нечто крайне важное для науки. Говорю об этой стороне дела, чтобы с наибольшей полнотой передать дух, царивший в сфере исторического краеведения, которому советская археология обязана не столь уж малым.

Не следует, конечно, преувеличивать значение вклада местных археологов тех лет в annales отечественной науки, тем более с учетом того, что время от описываемых в данной статье событий и до наших дней прошло под знаком осуществления широких экспедиционных исследований и крупномасштабных раскопок на территории Подонья-Приазовья, проводимых при участии многих археологов-специалистов (работы Северо-Кавказской экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры под руководством А.А.Миллера, Волго-донской археологической экспедиции Академии во главе с М.И.Артамоновым, Нижнедонской археологической экспедиции Института археологии АН

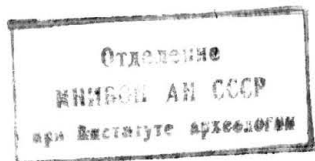
СССР и Ростовского областного музея краеведения, возглавлявшейся Д.Б.Шеловым, археологической экспедиции Ленинградского Отделения Института археологии АН СССР и Ростовского Музея под руководством В.П.Шилова, экспедиционные работы Ленинградского и Ростовского университетов, центральных и местных музеев). Полученные и изученные ими материалы существенно обогатили запас знаний об историко-культурном прошлом Донского края, восходящем до времени палеолитических стоянок эпохи Мустье. Значительно обогатились представления о памятниках эпох неолита и бронзы и последующего времени. Уточнены данные о связях и взаимоотношениях античного мира с областями Подонья-Приазовья, об основных этапах этнической истории этих областей, более полно освещена история оседлого и кочевого населения средних веков.

В свете этого итоги деятельности археологов-краеведов Дона 1920-х гг. при всей их энергии, самоотверженности, любви к науке выглядят весьма скромно. Действительно, дело не выходило тогда, как правило, за пределы археологических реконструкций, отыскания, учета и первичного описания памятников древности, сбора подъемного материала с городищ, небольших пробных раскопок, заботы о фиксации и сохранении случайных археологических находок и т.п.

Но тем отраднее встречать в специальной литературе наших дней указания на то, что работа донских археологов-краеведов в ее совокупности все же была полезной, плодотворной и оставила по себе добрый след и благодарную память.

"После установления на Дону Советской власти, — констатирует, например, Д.Б.Шелов, — особенно во второй половине 20-х годов, ... краеведческая работа получает еще более широкий размах, в нее вовлекаются новые исследователи, ... открываются новые памятники... Для изучения общей истории Подонья эти работы имели весьма большое значение, введя в научный оборот множество новых памятников" 13.

Это достойная оценка бескорыстной деятельности археологов-краеведов 1920-х гг., большинство представителей поколения которых уже ушло из жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

- I. Черняев П.Н. А.А.Мартынов и его археологические записки // Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии. Ростов-на-Дону, 1929. Вып.5-6. С.42-47.
2. Краснянский М.Б. Памяти Харитона Ивановича Попова // Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии, 1927. Вып.2. С.24, 25.
3. Лунин Б.В. Археологическое изучение Подонья-Приазовья в дореволюционные и довоенные годы // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1962. С.5-14.
4. Лунин Б.В. К истории изучения археологических памятников на Дону (неопубликованные письма А.А.Спицына на имя Х.И. Попова) // Памятники древности на Дону. Ростов-на-Дону, 1940. I. С.46.
5. Архивное дело. Краснодар, 1921. Вып.1. С.23.
6. Яцимирский Александр Иванович (Библиографический справочник). Сост. А.Матковски. Кишинев. 1979.
7. Яцимирский А.И. Донское общество археологии и истории искусств // Борьба классов, 1924. № 1-2. С.384-386.
8. Лунин Б.В. XX лет Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии // Краеведение на Северном Кавказе, 1929, № 1-2. С.86-92.
9. Лунин Б.В. Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1926 г. Ростов-на-Дону, 1928.
Лунин Б.В. Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1927 г. // Краеведение на Северном Кавказе, 1928, № 1-2. С.58-84.
10. Танаидская комиссия СКОАИЭ // Записки Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии. 1929. Вып.5. С.94-105.
11. Городцов В.А. Археологические изыскания на Дону и Кубани в 1930 г. // Памятники древностей на Дону, 1940. I. С.4-6.
12. Миллер М.А., Лунин Б.В. Некрополь у Беглицкой косы // Краеведение на Северном Кавказе, 1928, № 3-4. С.44-55.
13. Шелов Д.В. Танаис и Нижний Дон в III-I вв. до н.э. М., 1970. С.9-10.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС – Археологический съезд
ГАКО – Государственный архив Кировской области
ГАОО – Государственный архив Одесской области
ГИМ – Государственный исторический музей
ЗУОЛЕ – Записки Уральского общества любителей естествознания
ИРАО – Известия Русского археологического общества
ИРГО – Известия Русского географического общества
ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии
ЛОААН – Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ОР ГПБ – Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина
ОР ГБЛ – Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. В.И.Ленина
РГО – Русское географическое общество
СА – Советская археология
СОГА – Смоленский областной государственный архив
СУАК – Саратовская ученая архивная комиссия
ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов
ЦГАВМФ – Центральный государственный архив военно-морского флота СССР
ЦГИА – Центральный государственный исторический архив

СОДЕРЖАНИЕ

А.А.Формозов. Предисловие.....	3
И.В.Тункина. Кабинет редкостей Черноморского депо карт.....	9
С.П.Щавелев. Вопросы теории и методики в археологичес- ких трудах Д.Я.Самоквасова.....	25
Т.Б.Купряшина. Коллекции из имени А.С. и П.С.Уваровых Карачарово в Муромском музее.....	5I
А.А.Формозов. Уральский археолог М.В.Малахов.....	70
В.А.Бердинских. Вятский период жизни А.А.Спицына.....	8I
Н.Б.Стрижова. Московский археологический институт по материалам Отдела письменных источников Государственного исторического музея....	I02
Л.В.Алексеев. Е.Н.Клетнова - один из первых смоленских археологов.....	I2I
И.В.Семенова, А.А.Мальшев. Вклад музея г. Покровска в изучение древностей Нижнего Поволжья....	I37
Б.В.Дунин. Археология на Нижнем Дону в системе исторического краеведения 1920-х годов..	I5I
Список сокращений.....	I63

Подписано к печати 14.06.91.
 Усл. п.л. 10,25. Усл. кр.-отт. 10,38
 Уч.-изд.л. 9,04. Печать офсетная
 Тираж 299 экз. Зак. 147. Цена 3 р. 60 к.

Издательство "Наука"
 Главная редакция восточной литературы
 103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства "Наука"
 107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ЧИТ. ЗАЛ

7172